

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2020, том 3, № 1

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2020, volume 3, No. 1

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2020, том 3, № 1

Международный научный журнал

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна,
Хабибуллина Эльмира Камилевна

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»
ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес издателя: ул. Кремлёвская, д. 10/15, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420111

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки публикуемых материалов:

русский, татарский, английский, немецкий, французский, турецкий, китайский, испанский, итальянский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С.С. Тахтарова – доктор филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

А.Р. Баранова – кандидат педагогических наук, доцент (г. Казань, Россия)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Л.Р. Сакаева – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Д.Р. Сабирова – доктор педагогических наук, доцент (г. Казань, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н.А. Сигачева – кандидат педагогических наук, доцент (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л.В. Базарова – кандидат филологических наук, доцент (г. Наб. Челны, Россия)

С.И. Беленцов – доктор педагогических наук, профессор (г. Курск, Россия)

Л.Е. Бушканец – доктор филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Г.Я. Гревцева – член-корреспондент Российской Академии Естественных наук, доктор педагогических наук (г. Челябинск, Россия)

Н.В. Громова – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Г.К. Кенжетасова – кандидат филологических наук, доцент (г. Павлодар, Казахстан)

В.А. Митягина – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград, Россия)

Е.А. Морозкина – доктор филологических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

Р.З. Мурясов – доктор филологических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

О.И. Редькин – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

В.В. Сдобников – доктор филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)

Ф.Г. Фаткуллина – действительный член Российской Академии Естественных наук, доктор филологических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

В.И. Шаховский – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград, Россия)

Ф.З. Яхин – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)

П. Коста – доктор наук, профессор (г. Потсдам, Германия)

Х. Девели – доктор наук, профессор (г. Стамбул, Турция)

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 221-33-21, E-mail: kazan-linguo@mail.ru

Дата выхода в свет: 14.03.2020. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ № 37/1.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нухина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции
Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

© Казанский лингвистический журнал, 2020

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2020, volume 3, No. 1

International scientific journal

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna,
Khabibullina Elmira Kamilevna

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Publisher's address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

The number of the certificate media: PI № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018, the shape of the distribution: print media (magazine), territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Languages of published materials: Russian, Tatar, English, German, French, Turkish, Chinese, Spanish, Italian

CHIEF EDITOR

S.S. Takhtarova – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE EDITOR

A.R. Baranova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor (Kazan, Russia)

SCIENTIFIC EDITOR

L.R. Sakaeva – Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

PRESS AND EDITORIAL MANAGER

D.R. Sabirova – Doctor of Pedagogics, Associate Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

N.A. Sigacheva – Candidate of Pedagogics, Associate Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

L.V. Bazarova – Candidate of Philology, Associate Professor (G. N. Chelny, Russia)

S.I. Belentsov – Doctor of Pedagogics, Professor (Kursk, Russia)

L.E. Bushkanets – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

G.Y. Grevtseva – Corresponding member of the Russian Academy of Natural History,
Doctor of Pedagogics, Professor (Chelyabinsk, Russia)

N.V. Gromova – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

G.K. Kenzhetaeva – Candidate of Philology, Associate Professor (Pavlodar, Kazakhstan)

V.A. Mityagina – Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia)

E.A. Morozkina – Doctor of Philology, Professor (Ufa, Russia)

R.Z. Muryasov – Doctor of Philology, Professor (Ufa, Russia)

O.I. Redkin – Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia)

V.V. Sdobnikov – Doctor of Philology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

F.G. Fatkullina – Full member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Doctor of Philology, Professor (Ufa, Russia)

V.I. Shakhovskiy – Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia)

F.Z. Yakhin – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

P. Costa – Doctor of Science, Professor (Potsdam, Germany)

H. Develi – Doctor of Science, Professor (Istanbul, Turkey)

Address of editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 221-33-21, **E-mail:** kazan-linguo@mail.ru

Date of publication: 14.03.2020. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies. Order № 37/1.

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge

© Kazan linguistic journal, 2020

Казанский лингвистический журнал, 2020, том 3, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

• Лингвистика и межкультурная коммуникация

Бидеркесен Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы	5
Макаев Х.Ф., Макаева Г.З. Структурно-семантические особенности эпонимных терминов общей физики в английском и русском языках	17
Муллагаянова Г.С. Положительные эмоции, эксплицируемые в русском языке	28
Сакаева Л.Р., Ермоленко А.Ю. Проблемы перевода фильмонимов на материале английского и русского языков	41
Саяхова Д.К. Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале видеоигр)	52
Сигачева Н.А., Баранова А.Р. Сложности перевода профессиональных текстов по физике с английского языка на русский	64
Piloto Rodriguez J.A. Particularities of the study of the idiomatic variants of Spanish	74

• Литературоведение и лингвокультурология

Абузярова Д.Л., Мусабилов Р.Р. Комплимент в английской и русской коммуникативных культурах: сопоставительный анализ	85
Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий	102
Шаховский В.И. Взаимодействие коммуникативных сред в естественной коммуникации	113

• Инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков

Соболева Н.П., Юзмухаметова Л.Н. Использование материалов международных экзаменов по английскому языку для подготовки студентов гуманитарных специальностей	135
Bélkina O.E., Torres Martínez P. Estrategias de aprendizaje en las segundas lenguas: la competencia estratégica en la clase de ELE	147

CONTENT

• Linguistics and Intercultural Communication

Biderkesen D. Military vocabulary as a special element of lexical system of the language	5
Makayev Kh.F., Makayeva G.Z. Structural and Semantic Peculiarities of Eponym Terms of General Physics in the English and Russian Languages	17
Mullagayanova G.S. Positive emotions explicated in Russian	28
Sakaeva L.R., Ermolenko A.Y. Translation problems of filmonimes on the material of the English and Russian languages	41
Sayakhova D.K. Linguocultural adaptation of a text in translation (on the material of video games)	52
Sigacheva N.A., Baranova A.R. Difficulties in translation of professional texts on Physics from English into Russian	64
Piloto Rodriguez J.A. Particularities of the study of the idiomatic variants of Spanish	74

• Literary and Cultural Linguistics

Abuzyarova D.L., Musabirov R.R. A compliment in the English and Russian Communicative Cultures: a Comparative Analysis	85
Fatkullina F.G. Linguoculturology and linguoculture: correlation of concepts	102
Shakhovsky V.I. The interaction of the communicative environments in natural communication	113

• Innovative Methods and Competence Approach In Teaching Foreign Languages

Soboleva N.P., Yuzmukhametova L.N. Use of international standardised test materials of English language proficiency in humanities students' training	135
Belkina O.E., Torres Martínez P. Strategies in second language learning: Strategic competence in the L2 Spanish classroom	147

**ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

УДК 81'1

doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.5-16

**ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ОСОБЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА**

Д. Бидеркесен

durdubiderkesen@gmail.com

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных вопросов современного мира – исследованию военной лексики, часто используемой в средствах массовой информации, благодаря стремительному научно-техническому прогрессу, передовым технологиям в области вооружения, а также частым военным конфликтам. В связи с определением понятия «военная терминосистема» обсуждается проблема определения его ключевого понятия «терминосистема», одним из главных условий существования которой является системность элементов. Автор также рассматривает условия, обеспечивающие системность терминологии, условия для формирования терминосистем, а также ее основные признаки. В статье проводится анализ существующих определений понятия «военная лексика», делается вывод, что основу военной лексики составляют именно терминологические единицы, а также рассматриваются различные классификации военной лексики, основанные на выделении тех или иных значимых аспектов военной отрасли. Кроме того, в статье освещаются такие понятия, как «военная терминология», «военная терминосистема», «военный термин» и «военная терминосфера». Помимо определений рассматриваемых понятий автор акцентирует внимание на характеристиках этих терминов, а также на их отличительных чертах. В статье делается вывод, что военную лексику можно считать политическими маркерами современности.

Ключевые слова: военная лексика, военная терминология, военная терминосистема, военный термин, военная терминосфера.

Для цитирования: Бидеркесен Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы языка. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 5–16. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.5-16.

MILITARY VOCABULARY AS A SPECIAL ELEMENT OF LEXICAL SYSTEM OF THE LANGUAGE

D. Biderkesen

durdubiderkesen@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This article is dedicated to one of the most pressing topics in the modern world – military vocabulary, often used in the media, thanks to the rapid scientific and technological progress, advanced weapons technologies, as well as frequent military conflicts. In connection with the definition of the concept “military terminological system”, the issue of defining the key concept “terminological system” is discussed, one of the main conditions for the existence of which is the systematic nature of the elements. The author also considers the conditions that ensure the consistency of terminology, the conditions for the formation of terminological systems, as well as its main features. The article analyses the existing definitions of the concept “military vocabulary”, concludes that it is precisely the terminological units that form the basis of military vocabulary, and various classifications of military vocabulary based on identifying certain significant aspects of the military branch are considered. In addition, the article highlights such concepts as “military terminology”, “military terms system”, “military term” and “military terms sphere”. Besides to the definitions of the concepts under consideration, the author focuses on the characteristics of these terms, as well as on their distinctive features. The article concludes that military vocabulary can be considered political markers of the present time.

Keywords: military vocabulary, military terminology, military terms system, military term, military terms sphere.

For citation: Biderkesen D. Military vocabulary as a special element of lexical system of the language. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 5–16. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.5-16.

«Выход» военных терминов и обозначений за рамки сферы их изначального применения и их проникновение в повседневную речь простых обывателей говорит не только об обострении обстановки на мировой политической арене, явных и скрытых конфликтах между государствами и готовности мирового общества к внезапным боевым действиям, но и о формировании пласта лексики, который не только включает в себя уже существующие слова, но и стремительно пополняется новыми единицами благодаря социально-политическим факторам и научно-техническому прогрессу. Во многом на такое распространение лексических единиц военного дела повлияли средства массовой информации (СМИ),

широко освещающие происходящие в мире события. В связи с этим возникает необходимость многоаспектного исследования военных терминологических единиц в силу их двойственной природы, т.е. их принадлежности одновременно и к общенародному слою словарного состава языка, и к лексике ограниченного профессионального применения, что обуславливает актуальность данного исследования.

В качестве методов исследования будут применены следующие общенаучные методы: индуктивный и дедуктивный методы, методы анализа и синтеза, из собственно лингвистических методов, используемых в работе, можно выделить метод дефиниционного анализа (анализ дефиниций «термин», «военная лексика» и др.), а также описательный метод и метод классификации, предполагающие обобщение и систематизацию анализируемого материала.

Термины представляют собой сложное и многоаспектное явление. В настоящее время существует множество определений термина, который является неотъемлемой частью любой области научного знания. Многие исследователи этого явления пытались прийти к единому мнению в вопросе определения понятия «термин», однако сформулировать единое определение так и не получилось.

Остановимся подробнее на понятии «термин» и приведем наиболее распространенные его определения. Изучению термина посвящали свои труды многие исследователи, например, А.Н. Баранов, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.М. Глушко, Б.Н. Головин, В.А. Звягинцев, Л.А. Капанадзе, В.И. Лейчик, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская и др. Д.Н. Ушаков под термином предлагает определять термин как «понятие, выраженное словом; слово, являющееся названием строго определенного понятия; специальное слово и выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной сфере, профессии» [12, С. 810]. У М. М. Глушко находим, что термин – это «слово или словосочетание, которое, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, обладает четкими семантическими границами и поэтому является однозначным в рамках определенной классификационной системы»

[4, С. 33]. С.В. Гринев понимает под термином «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, применяемую для точного наименования специальных понятий» [3, С. 22].

Представленные определения термина – это лишь малая часть всех существующих трактовок исследуемого явления, природа которого поражает своей глубиной и сложностью. В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что термин – это слово (или словосочетание), на которое возложена задача предельно точной, логичной и, по возможности, однозначной дефиниции предметов, понятий, явлений, отображающих окружающую действительность. Следует также отметить, что термины не могут существовать сами по себе. Их сущность и функции раскрываются в условиях определенного контекста, теории, в рамках той или иной области знаний.

Стремительное развитие науки и техники повлекло за собой появление большого количества слов и устойчивых словосочетаний, дающих точные названия и обозначения специальных понятий и явлений, т.е. терминов. Благодаря своей численности и значимости термины прочно вошли в лексический состав каждого языка, образовав собой отдельный пласт, в состав которого входят: общенаучные термины (в целом принадлежат к сфере науки, например: «масса», «мощность» и т.п.) и специальные термины (функционирующие в определенных научных областях, например: «двигатель», «реактор» и т.п.).

Исследованием специальной лексики занимались многие известные ученые-лингвисты, такие, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.С. Герд, В.П. Даниленко, В.А. Звягинцев, О.Н. Лапшина, В.М. Лейчик, Е.С. Никитина, М.М. Покровский, А.А. Реформатский, А.Я. Шайкевич и др. Военная лексика также привлекла внимание языковедов: ей посвятили свои работы следующие современные исследователи: А.К. Абдульманова, А.С. Будилович, Д.А. Гарибян, В.В. Ильенко, Л.Л. Кутина, С.Д. Ледяева, В.И. Максимов, Р.И. Сидоренко, Ф.П. Сороколетов, И.С. Хаустова и многих других. Особенности функционирования современной военной лексики и терминологии представлены в работах Ю.А. Бельчикова, Е.В. Брысиной, Н.В. Егоршиной, Т.Н. Зайцевой, Н.М. Орловой и др.

В фокусе нашего научного исследования находится специальная лексика, функционирующая в военной сфере жизни российского общества. Военная лексика – это «система лексических средств, отражающих разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении» [10, С. 4]. Следует отметить, что в понятие «военная лексика» входят также и такие понятия, как «военная терминология», «военная терминосистема». Так, В.Н. Шевчук трактует военную терминологию следующим образом: «это упорядоченная совокупность военных терминов языка, которые отражают понятийный аппарат военной науки и связаны с формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооруженных сил, а также оперативно-тактического применения объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением» [13, С. 97].

В Военной энциклопедии предлагается следующее трактование рассматриваемого понятия: «Военная терминология – формализованная система установленных военных терминов (слов, словосочетаний и т.п.), каждый из которых имеет строго определенное значение с четко очерченными рамками применения и научным обоснованием» [2, С. 62–63].

Что касается понятия «военная терминосистема», то с его трактовкой сопряжены некоторые трудности, основной из которых можно назвать именно определение самого понятия «терминосистема» (или терминологическая система). Следует отметить, что еще 80-е годы XX века проблема системности и структурности терминологии неоднократно становилась предметом оживленных споров и обсуждений, однако до настоящего времени этот вопрос так и не нашел своего окончательного решения. Тем не менее, под терминосистемой принято понимать «упорядоченное состояние терминов» [1, С. 6].

Итак, системность можно назвать одним из важнейших условий существования терминов, которые являются лишь составными элементами терминосистемы, а терминосистема, в свою очередь, должна являть собой некоторую организованную совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий теорий.

Д.С. Лотте предложил условия, обеспечивающие системность терминологии:

- система терминов должна базироваться на классификации понятий;
- признаки и понятия термина должны рассматриваться, исходя из классификационных систем;
- лексические единицы должны отображать общность рассматриваемого понятия с другими терминами и в то же время, его специфичность [8].

В.М. Лейчик, как и Д.С. Лотте, занимался исследованием терминов и образующихся с их помощью систем. Под терминосистемой ученый понимал языковую модель, т.е. совокупность понятий как логическую модель области знаний. Так, В.М. Лейчиком было выделено четыре условия для формирования терминосистемы:

- четкая область знаний;
- относящаяся к этой области знаний понятийная система;
- наличие определенной теории, описывающей область, в состав которой входит данная система понятий;
- наличие сложившегося языка для специальных целей, наименования которого способны обозначать понятия данной области и системы [7, С. 256].

Терминосистема призвана обеспечить системный характер существования и функционирования терминологии, в рамках которой будет осуществляться взаимообусловленность одних терминов с другими. В терминосистеме у каждого термина есть свое место, а также свое значение, которое отличается от значений других элементов этой системы.

Так, военная терминосистема, по мнению В.П. Коровушкина, – это «вся совокупность военных терминов, имеющих в лексической системе литературного языка, как основной автономной формы существования национального языка» [6, С. 133].

Таким образом, анализируя вышеприведенные дефиниции, можно заключить, что военная терминология, реализуемая посредством лексических единиц, именующих понятия и явления сферы военного дела, в своей совокупности являет собой динамически развивающуюся систему – терминосистему, отличающуюся логичностью, структурированностью

и принадлежностью к системе знаний о подготовке и ведении военных действий. В свою очередь военная терминология и военная терминосистема – элементы более широкого понятия «военная лексика», поскольку не всегда слова, относящиеся к военной сфере, могут соответствовать определению «термин» (например, оценочные, уменьшительные, составные, стилистически маркированные и т.п. номинации), однако они относятся к военной лексике. Тем не менее, основу военной лексики все же составляют именно терминологические единицы, т.е. термины.

В силу того, что сфера военной деятельности очень обширная и подразделяется на различные самостоятельные области знания, существует множество терминов тактических, организационных, военно-технических, терминов, относящихся к различным родам войск и видам вооруженных сил и т.п. Для каждой из перечисленных областей, характерна своя терминология. В связи с этим, Ю.Н. Сдобнова предлагает следующую классификацию военной терминологии, которую она подразделяет на отраслевые группы и именует «терминосферами»: «терминосфера родов войск и видов Вооруженных сил; терминосфера военной техники; организационная терминосфера; общетактическая терминосфера; штабная терминосфера; военно-политическая терминосфера; командно-строевая терминосфера; военно-топографическая терминосфера» [11, С. 199].

В свою очередь Е.Д. Исаева предлагает подразделять военную терминологию по тематически-отраслевому признаку на следующие группы: «военные команды (например, «Смирно! Встать!»); военно-технические термины (например, «радиолокационный дальномер»); оперативно-тактические термины (например, «расположение войск», «боевой порядок»); военно-административные термины (например, «дивизионный округ»); военно-топографические термины (например, «разведка местности», «рекогносцировка»); военно-инженерные термины (например, «пontonно-переправочные средства»))» [5, С. 31].

Ю.О. Лукьянчук предлагает свою классификацию терминов военной сферы, которая основывается на разновидности вооруженных сил. Данная классификация включает:

– термины сухопутных войск (включают термины механизированных, танковых, аэромобильных и др. войск) – «полевая артиллерия»;

– термины военно-морских сил (включают термины надводных, подводных сил, морской пехоты и т.д.) – «десантный корабль»;

– термины военно-воздушных сил (включают термины истребительной, разведывательной, бомбардировочной, военно-транспортной авиации) – «бомбардировщик»;

– термины военной связи – «своевременность установления связи», «узел связи»;

– термины инженерных войск – «инженерное обеспечение боевых действий» [9, С.66].

Более широкую классификацию военной лексики приводит В.П. Коровушкин, который делит лексические единицы военной сферы на: «военное арго; военный жаргон; военные коллоквиализмы; военные вульгаризмы; элементы смежных профессиональных и корпоративных жаргонов [6, С. 134].

Проведя анализ представленных выше классификаций, можем отметить, что все они (кроме классификации В.П. Коровушкина) практически идентичны, поскольку рассматривают и классифицируют исключительно военные термины, принадлежащие к формальной стороне сферы военного дела. Однако военная область не ограничивается лишь формальными дефинициями понятий, объектов и предметов военного дела. Военная лексика включает в себя жаргонизмы, сленг военных: разговорную и просторечную лексику. К этой группе относятся неоднородные по своей функциональной характеристике лексические единицы, эмоционально окрашенные элементы военной лексики, зачастую выступающие стилистическими синонимами военных терминов. Таким образом, подобная лексика характеризует сферу неофициального

профессионального общения, «стирая границы» между военной и общезыковой разговорной лексикой.

В рамках настоящего исследования, посвященного рассмотрению таких понятий, как «термин», «военная лексика», «военная терминология», «военная терминосистема», «военная терминосфера», а также выполняемых ими функций, было определено, что под термином (хотя и существует множество трактовок этого понятия), принято понимать единицу языка (слово или словосочетание), служащее для обозначения того или иного понятия или явления, признака или характеристики объектов или предметов окружающей нас действительности, научно зафиксированных и описанных.

Под понятиями «военная терминология» и «военная терминосистема», и «военная терминосфера» в целом подразумевается совокупность терминов, организованная, классифицированная и систематизированная тем или иным способом для наиболее правильного применения терминологических единиц и избегания путаницы между понятиями.

Таким образом, можно отметить большой интерес ученых-лингвистов в исследовании лексики сферы военного дела. Этот интерес можно объяснить тем, что не только среди военных, но и в повседневной речи простых людей все больше и больше стало появляться слов военной тематики. Широкое употребление слов военного характера обусловлено частыми военными конфликтами в разных странах, разработкой новых военных технологий, техники и боевого оружия. Вовлечение широких масс людей в военные действия, а также широкое освещение всех этих событий с помощью средств массовой информации сделало тему войны с ее терминами и понятиями близкой и понятной невоенному человеку, таким образом, военные термины можно определить как политические маркеры современности.

В связи с этим сбор и изучение военной лексики представляет большой интерес как в рамках истории, так и в рамках языкознания. Кроме того, результаты данного исследования имеют явную практическую значимость – они будут востребованы и процессе обучения русскому языку как иностранному,

так как в современной практике преподавания русского языка как иностранного наиболее перспективным считается коммуникативный метод. Особенностью данного метода является «склонность к семантике и реализации коммуникативной компетенции», что подразумевает сочетание собственно лингвистической и культурно-ориентированной лингвистической компетентности, когда знание лексико-грамматической структуры языка сочетается со знанием культурных особенностей страны, ее традиций и обычаев.

Литература

1. *Алексеева Л.М., Василенко Д.В.* Системность терминологии [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-terminologii> (дата обращения: 30.01.2019).
2. Военная энциклопедия [Текст]: в 8 т. / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории; гл. ред. комис.: С.Б. Иванов – пред. [и др.]. – Москва: Воениздат, 2004. Т. 8. 579 с.
3. *Гринев С.В.* Введение в терминоведение/ С.В. Гринев. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
4. *Глушко М.М.* Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М.М. Глушко. М., 1974. 160 с.
5. *Исаева Е.Д.* Особенности японской военной терминологии / Е.Д. Исаева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. №4. С. 29–34.
6. *Коровушкина В.П.* Основы контрастивной социолектологии: Монография: В 2 ч. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. Ч. 2. 284 с.
7. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007. 256 с.
8. *Лотте Д.С.* Очередные задачи научно-технической терминологии // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. VII серия. 1931. № 4. С. 883–891.

9. Лукьянчук Ю.О. Способы классификации военных терминов /Лукьянчук Ю.О. // Научные записки национального университета «Острожская академия», Киев. 2017. № 66. С. 65–67.

10. Сафаров Р.Т. Военная лексика татарского языка/ Р.Т. Сафаров. Казань, 2015. 196 с.

11. Сдобнова Ю.Н. Некоторые дискурсивные особенности современной военной терминосистемы вооруженных сил Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. №10 (696). С. 195–209.

12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альфа-Принт, 2005. 1216 с.

13. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. д-ра филол. наук / В.Н. Шевчук. Военный институт, 1985. 488 с.

References

1. Alekseeva, L.M., Vasilenko, D.V. (2015). *Sistemnost' terminologii* [Consistency of terminology] [Elektronnyi resurs] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-terminologii> (accessed: 30.01.2019).

2. *Voennaya ehntsiklopediya* [Military encyclopedia] (2004) [Tekst]: v 8 t. / M-vo oborony Rossiiskoi Federatsii, In-t voennoi istorii; gl. red. komis.: S.B. Ivanov – pred. [i dr.]. Moskva: Voenizdat. T. 8. 579 s.

3. Grinev, S.V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology] / S.V. Grinev. M.: Moskovskii litsei. 309 s.

4. Glushko, M.M. (1974). *Funktional'nyi stil' obshchestvennogo yazyka i metody ego issledovaniya* [Functional style of public language and methods of its research] / M. M. Glushko. M. 160 s.

5. Isaeva, E.D. (2009). *Osobennosti yaponskoi voennoi terminologii* [Features of Japanese military terminology] / E.D. Isaeva // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. №4. S. 29–34.

6. Korovushkina, V.P. (2005). *Osnovy kontrastivnoi sotsiolektologii: Monografiya: V 2 ch.* [Outline of contrastive socioecology: Monograph: in 2 hours] – Cherepovets: GOU VPO CHGU. Ch. 2. 284 s.

7. Leichik, V.M. (2007). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, method, structure]. M. 256 s.

8. Lotte, D.S. (1931). *Ocherednye zadachi nauchno-tekhnicheskoi terminologii* [Next tasks of scientific and technical terminology] // *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. VII seriya. №4.* S. 883–891.

9. Luk'yanchuk, Yu.O. (2017). *Sposoby klassifikatsii voennykh terminov* [Methods for classifying military terminals] / Luk'yanchuk Yu.O. // *Nauchnye zapiski natsional'nogo universiteta «Ostrozhskaya akademiYA», Kiev. №66.* S. 65–67.

10. Safarov, R.T. (2015). *Voennaya leksika tatarskogo yazyka* [Military vocabulary of the Tatar language] / R.T. Safarov. Kazan'. 196 s.

11. Sdobnova, Yu.N. (2014). *Nekotorye diskursivnye osobennosti sovremennoi voennoi terminosistemy vooruzhennykh sil Frantsii* [Some discursive features of the modern military term system of the French armed forces] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. №10 (696).* S. 195–209.

12. Ushakov, D.N. (2005). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: Al'ta-Print. 1216 s.

13. Shevchuk, V.N. (1985). *Voенно-terminologicheskaya sistema v statike i dinamike: dis. d-ra filol. nauk* [Military terminology system in statics and dynamics: Dis. ... d-r. of filol. sciences] / V.N. Shevchuk. Voennyi institute. 488 s.

Авторы публикации

Бидеркесен Дурду – ассистент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: durdubiderkesen@gmail.com

Authors of the publication

Biderkesen Durdu – lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: durdubiderkesen@gmail.com

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭПОНИМНЫХ ТЕРМИНОВ ОБЩЕЙ ФИЗИКИ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Х.Ф. Макаев, Г.З. Макаева
makaev-63@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ некоторых структурных и семантических особенностей эпонимных терминов общей физики в русском и английском языках. Актуальность темы определяется значительным расхождением в структуре, значениях и способах отражения эпонимов и эпонимных терминологических сочетаний в рассматриваемых языках и необходимостью их рассмотрения для внесения некоторого вклада в терминологическую область знаний. Определенные структурно-семантические различия соответствующих эпонимных терминов в обоих языках часто вызывают сложности их восприятия и взаимопередачи. Основным подходом к проведению исследования в данной работе явился метод сравнительного анализа. На основании анализа данных лексических единиц представлены выводы об определенных лингвистических особенностях эпонимов общей физики.

Ключевые слова: эпоним, структурно-семантическая особенность, лингвистический, антропоним, термин, общая физика.

Для цитирования: Макаев Х.Ф., Макаева Г.З. Структурно-семантические особенности эпонимных терминов общей физики в английском и русском языках // *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 17–27. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.17-27.

**STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF EPONYM TERMS
OF GENERAL PHYSICS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Kh.F. Makayev, G.Z. Makayeva
makaev-63@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia
Kazan State Architecture and Engineering University

Abstract. The article provides a comparative analysis of some structural and semantic peculiarities of eponym terms of General Physics in the English and Russian languages. The relevance of the topic is in a considerable discrepancy in the structure, meanings and ways

of reflection of eponyms and eponymic term combinations in the analysed languages and in the necessity of their consideration for making some possible contribution to terminology science. Some structural and semantic differences of the same eponym terms in both languages may cause difficulties in their perception and intertransition. The main approach to conducting research into the issue considered in the work was the comparative approach. The research of the differences of the lexical units revealed some linguistic peculiarities of eponyms in General Physics.

Keywords: eponym, structural and semantic peculiarity, linguistic, antroponym, term, General Physics.

For citation: Makayev Kh.F., Makayeva G.Z. Structural and Semantic Peculiarities of Eponym Terms of General Physics in the English and Russian Languages // *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 17–27. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.17-27.

Номинация новых открытий и изобретений во всех областях знаний, физики в том числе, обогащает словарный состав языков благодаря эпонимам. Эпоним по В.В. Вахрамеевой это термин, выражающий имя учёного, который внёс определенный вклад в какую-то научно-техническую область [2, С. 13]. Им принято называть появляющиеся новые лексические единицы на основе имен собственных, которые с течением времени становятся нарицательными именами существительными в той отрасли знаний, в которой они появились. Со временем, выполняя определенную функцию для называния объектов, процессов, явлений и т.д., эпонимы попадают в разряд терминов соответствующей сферы.

Примерами эпонимных терминов, выражающих названия изобретений, единиц измерения, процессов и т. д. в сфере физики, могут служить *беккерель* – единица измерения активности радиоактивного источника, названная в честь Антуана Беккереля; *вольт* – единица измерения электрического напряжения, получившая название благодаря имени Алессандро Вольты. Еще одним примером является эпоним «Кюри», который обозначает внесистемную единицу измерения активности радиоактивного источника. Русское название данного эпонима обозначается символом «Ки», а международное название – символом «Ci». Этот эпоним применяется в ядерной физике и медицине. Антропоним получил название в честь Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри [1, С. 537]. Поясним, что антропоним это имя собственное, обладающее двояким значением и обозначающее как имя конкретного человека, так и название

или единицы измерения, или процесса, или изобретенного этим человеком предмета и т.д.

Интерес к изучению структурно-семантических особенностей эпонимных терминов общей физики обусловлен тем фактом, что одни и те же эпонимные лексические единицы в рассматриваемых языках могут иметь разные структуры, выявление чего может внести определенный вклад в терминологическую область знаний. Имеются также неэквивалентные варианты интерпретации одних и тех же терминов в рассматриваемых языках, что может вызывать сложности в их восприятии и передаче с языка оригинала на целевой язык.

Большой вклад в исследование эпонимных номинаций внесли такие лингвисты, как С.Г. Казарина [3], Н.В. Васильева [1], А.В. Суперанская [10], Н.В. Новинская [8], В.М. Лейчик [7]. Эпонимизация как словообразовательный способ номинации в различных терминологиях явилась предметом изучения в работах В.В. Вахрамеевой [2], Е.В. Кербер [4], А.М. Клёстер [5], Т.Н. Шариповой [143], Ю.Е. Костерина [6]. Вопросам словообразования в сфере физики и их влияния на лексические единицы общего языка посвящены работы отечественных лингвистов Х.Ф. Макаева, Л.Р. Сакаевой, М.А. Яхина, Г.З. Макаевой, М.К. Гулканян, Н.А. Сигачевой, А.Р. Барановой [9, 15].

Появление эпонимов – это постоянный процесс благодаря вкладу великих личностей англо-американского мира, которые могут быть малоизвестны специалистам целевого языка. Соответственно, российские авторы изобретений также могут быть неизвестны англоязычным специалистам. Новые эпонимы не успевают попасть в современные общие и энциклопедические словари, что затрудняет интерпретацию иноязычных эпонимов. Как следствие, специалистам приходится полагаться на монологические специальные словари или тратить большое количество времени на проблемы, обуславливаемые именами собственными как определителями законов, формул, процессов и т.д. в разных науках, в сфере физики, в том числе.

Структурные и семантические особенности эпонимов представляют некоторые сложности в интерпретации рассматриваемых лексических единиц не только для начинающих изучать язык, в котором они встречаются, но и для опытных в языковом плане специалистов. Эти сложности могут проявляться при работе с многокомпонентными эпонимными терминами и терминологическими сочетаниями, а также эпонимными терминологическими сочетаниями с несколькими эпонимными элементами в их структуре. Полагаем, что, в процессе дальнейшего развития языка науки многокомпонентные эпонимные терминологические сочетания заменят более краткие варианты усеченных эпонимных элементов либо их вытеснят инициальные аббревиатуры.

Материалом для выявления структурно-семантических особенностей эпонимов и эпонимных терминологических сочетаний предметной области «Физика» служил англо-русский физический словарь, содержащий около 60000 терминов [11], в который включены около 1200 терминов и терминологических сочетаний из общего количества лексических единиц. Анализ примеров показал, что они подразделяются на:

- однокомпонентные (*volt* – *вольт*, *ampere* – *ампер*), состоящие только из эпонимного компонента;
- двухкомпонентные (*Kerr cell* – *ячейка [конденсатор] Керра*, *оптический затвор*, *Aurton's ammeter* – *электромагнитный амперметр*);
- трехкомпонентные (*standart Daniel cell* – *нормальный элемент Даниеля*, *Lande splitting factor* – *фактор магнитного расщепления, множитель Ланде*, *g-фактор*);
- более чем трехкомпонентные эпонимные термины (*Gaede kinetic heat effect* – *кинетический тепловой эффект (Гедэ)*, *earlier Bohr – Sommerfield formulation of quantum theory* – *раннее изложение квантовой теории Бора-Зоммерфельда*).

Двух-, трехкомпонентные и более чем трехкомпонентные эпонимные термины состоят из эпонима и нарицательных имен существительных (*Kohlrausch bridge* – *мост Кольрауша*; *Atwood's machine* – *машина Атвуда*), которые далее могут быть разделены на технические (*Nernst glower* – *имидфт*

Нернста; *Lande splitting* – множитель Ланде) и высокотехнологичные термины (*Pauli spin matrix* – спиновая матрица Паули; *Yukawa kernel* – ядро Юкавы, диффузионное ядро; *Fabry – Perot interferometer* – интерферометр Фабри-Перо). Технические эпонимные термины включают слова конкретной предметной специализации, в то время как высокотехнологичные эпонимные термины относятся к неотъемлемой части изучения самой дисциплины [14].

Анализ однокомпонентных эпонимных терминов показал, что термин языка (английского) оригинала (*newton*; *Mach*; *maxwell*) имеет эквивалентный вариант в целевом (русском) языке (*ньютон*; *мах*, число *Маха*; *максвелл*). Некоторые однокомпонентные неэпонимные термины английского языка, выраженные нарицательными именами существительными, в русском варианте приобретают эпонимный компонент (*etalon* – интерферометр Фабри – Перо; *fence* – 1. направляющая планка 2. радиолокатор, использующий эффект Доплера). Имеются также примеры эпонимных терминов, в английском варианте которых есть эпонимный компонент, а в аналогичном русском варианте он отсутствует. Также в русском варианте может использоваться другой эпоним, выражающий автора, применившего данное изобретение для совершенствования другого своего исследуемого предмета (а. *Christie bridge* – мост с непосредственным отсчетом; б. *Carey-Foster bridge* – разновидность моста Уитстона для сравнения близких сопротивлений). В примере б русский вариант содержит эпонимный компонент, пересылающий на настоящего автора изобретения Чарльза Уитстона. Имеются также однокомпонентные эпонимные термины несколькими вариантами интерпретации на переводящем языке (*fermion* – фермион, частица Ферми, ферми-частица; *Kelvin* – 1. по шкале Кельвина, по абсолютной (температурной) шкале 2. киловатт – час; *Laplacian* – лапласиан, оператор Лапласа, дельта - оператор).

Таким образом, однокомпонентные эпонимные термины в английском языке имеют свои эквивалентные варианты перевода в русском языке. Имеются примеры, в которых в одном рассматриваемом языке есть эпонимы, а в другом отсутствуют. В некоторых эпонимных терминах значение эпонима в одном

языке передается одним вариантом, в другом – совершенно другим, т.е. происходит замена имени открывателя одного явления именем другого, ссылающегося в своем изобретении на первооткрывателя.

Эквивалентность [16] эпонимных терминов проявляется также и в 2-х и более чем двухкомпонентных лексических единицах (*Cassinian oval* – «кассиниев овал»; *Pauli paramagnet* – «парамагнетизм Паули»). В этих примерах прослеживается грамматическая и смысловая эквивалентность. В обоих языках эпонимы выполняют функцию определения, хотя они и занимают в целевом языке как предпозиционное, так и постпозиционное место относительно ядерных компонентов («кассиниев овал»; «парамагнетизм Паули»).

Некоторые двух- и трехкомпонентные эпонимные термины английского языка не имеют эпонимов в русском варианте (*Napirian base* – «основание натуральных лагори́фмов»; *Van Allen belts* – «радиационные пояса (Земли)'). Анализ материала показал, что отсутствие самого эпонима может иметь место и в английских терминах – нарицательных именах существительных, а в соответствующих русских вариантах они состоят как из безэпонимных сочетаний, так и из эпонима и нарицательного имени существительного (1. *cloud chamber/fog chamber* – «камера Вильсона»; 2. *rotating-disk vacuum gauge* – «вязкостный манометр с вращающимся диском, манометр Ленгмюра»; 3. *slip gauge* – «плоскопараллельная концевая мера длины, плитка Иогансона»).

Аналогичное явление происходит и с многокомпонентными терминами. В первом русском варианте многокомпонентного термина “*electric hyperfine-structure alignment*” сам эпоним отсутствует (1. «радиоспектропический метод измерения сверхтонкой структуры спектра»), а во втором варианте используется эпоним (2. «метод Паунды»). Из этого следует, что выбор нужного варианта рассматриваемого эпонимного термина требует знания контекста рассматриваемого текста для использования или только общего названия метода, или его развернутого определения. Следует добавить, что термин *alignment* означает «расположение на одной прямой; установка на

одном уровне; выстраивание в ряд; выравнивание; ориентация». Упомянутые русские варианты лексической единицы *alignment* при передаче терминологического сочетания *electric hyperfine-structure alignment* на русском языке не используются вообще.

Итак, сравнительный анализ структурно-семантических особенностей эпонимных лексических единиц предметной области «Физика» показал следующие результаты:

1. В рассматриваемой области знаний встречаются одно-, двух-, трех- и более чем трехкомпонентные эпонимные терминологические сочетания. Эпонимный элемент в двухкомпонентных терминологических сочетаниях в обоих языках находится как в препозиции, так и постпозиции относительно ядерного элемента, и выполняет функцию определения (*fermion* – «фермион, частица Ферми, ферми-частица»; *Knudsen flow* – «поток Кнудсена»). Исключением является термин *composite fermion* – «композиционный фермион», в котором эпонимный элемент выражен производным термином от эпонима *Fermi* и является ядерным. Рассматриваемые терминологические сочетания относятся по морфологической принадлежности главного (ядерного) компонента – имени существительного – к субстантивному.

Термин языка оригинала (английского) (*newton; Mach; maxwell*) эквивалентен варианту в целевом (русском) языке (*ньютон; мах, число Маха; максвел*). Имеются однокомпонентные неэпонимные термины английского языка, выраженные нарицательными именами существительными, которые в русском варианте приобретают эпонимный элемент (*etalon* – «интерферометр Фабри – Перо»; *fence* – 1. «направляющая планка» 2. «радиолокатор, использующий эффект Доплера»). Это явление можно встречать и в обратном варианте анализа: от русского языка к английскому. Есть термины, имеющие несколько вариантов перевода на целевом языке (*fermion* – «фермион, частица Ферми, ферми-частица»; *Kelvin* – 1. «по шкале Кельвина, по абсолютной (температурной) шкале» 2. «киловатт – час»).

2. Самыми многочисленными являются двухкомпонентные эпонимные термины, состоящие из эпонима и ядерного слова. Обе лексические единицы выражаются именем существительным (*Heusler alloy* – «сплав Гейслера»; *Brinell hardness* – «твердость по Бринелю»). Перевод двухкомпонентных эпонимных терминов осуществляется так же, как и однокомпонентных, на основе грамматической и смысловой эквивалентности.

3. Малочисленными являются трех- и более чем трехкомпонентные эпонимные термины как в русском, так и в английском языках (*Poisson-Boltzmann equation* – «уравнение Пуассона-Больцмана»).

Полагаем, что, предположительно, в процессе дальнейшего развития языка науки многокомпонентные эпонимные терминологические сочетания заменят более краткие варианты усеченных эпонимных элементов либо их вытеснят инициальные аббревиатуры (*WKB method* – «метод Венцеля – Крамерса – Бриллюэна»).

Литература

1. *Васильева Н.В.* Терминологическая ономастика: рец. на кн. Rosemarie Glaser (Hrsg.) *Eigennamen in der Fachkommunikation* // Терминоведение. 1997. № 1-3. С. 185–188.

2. *Вахрамеева В.В.* Эпонимные термины в английских подъязыках науки и техники: дисс. ... к. филол. н. Омск, 2003. 143 с.

3. *Казарина С.Г.* Эпонимические термины: достоинства и недостатки // Научно-техническая терминология. 1998. Вып. 1. С. 33–42.

4. *Кербер Е.В.* Лингвистические особенности немецкоязычной экономической терминологии: монография / науч. ред. Л. К. Кондратьюкова; Минобрнауки России, ОмГТУ. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013. 148 с.

5. *Клёстер А.М.* Особенности эпонимов в немецкой терминологии инженерной психологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 2 (2). С. 416–419.

6. *Костерина Ю.Е.* Эпонимные единицы в англоязычной терминологии физики. Вестник ИГЛУ. 2014. С. 76–82.

7. *Лейчик В.М.* Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение. 1994. № 2. С. 5–16.

8. *Новинская Н.В.* Эпонимические названия в составе современной русской терминологии: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1989. 20 с.

9. *Сакаева Л.Р., Сигачева Н.А., Баранова А.Р.* Моделирование концентрированного обучения магистров иноязычному деловому общению в университете. В сборнике: Педагогическое образование в изменяющемся мире. Сборник научных трудов III Международного форума по педагогическому образованию. Ответственный редактор А.М. Калимуллин. 2017. С. 162–170.

10. *Суперанская А.В.* Общая терминология. Терминологическая деятельность. М.: Изд-во УРСС, 1993. 288 с.

11. *Толстой Д.М. и др.* Англо-русский физический словарь. Изд. 2-е, стереотип. М., «Сов. энциклопедия», 1972. 848 стр.

12. Физическая энциклопедия: в 5-ти т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. Т. 2. 703 с.

13. *Шарапова Т.Н.* Особенности эпонимных терминов в немецкой терминологии бионики // *Lingua mobilis*. 2013. № 1 (40). С. 159–165.

14. *MacKay, R., Mountford, A., (1978).* English for Specific Purposes, A case study approach, London: Longman.

15. *Makayev Kh.F.* Word Building in the Sphere of Physics and its Influence on the Commonly-Used Vocabulary / Makayev Kh.F., Sakaeva L.R., Yakhin M.A., Makayeva G.Z., Gulkanyan M.K. / 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts – SGEM 2018, Vol. 5, Issue 3.6 – Pp. 711–718.

16. *Popescu, F.* (2014) “Translating English Mathematical Eponyms into Romanian”, in Translation Studies: Retrospective and Prospective Views, III, 6, 105–109.

References

1. Vasil'eva, N.V. (1997). Terminologicheskaya onomastika: rets. na kn. Rosemarie Glaser (Hrsg.) Eigennamen in der Fachkommunikation // Terminovedenie. № 1-3. S. 185–188.
2. Vakhrameeva, V.V. (2003). *Eponimnye terminy v angliiskikh pod"yazykakh nauki i tekhniki* [The eponymous terms in English sublanguages of science and technology]: diss. ... k. filol. n. Omsk. 143 s.
3. Kazarina, S.G. (1998). *Eponimicheskie terminy: dostoinstva i nedostatki* [Eponymous terms: advantages and disadvantages] // Nauchno-tehnicheskaya terminologiya. Vyp. 1. S. 33–42.
4. Kerber, E.V. (2013). *Lingvisticheskie osobennosti nemetskoyazychnoi ekonomicheskoi terminologii: monografiya* [Linguistic features of German-language economic terminology: a monograph] / nauch. red. L. K. Kondratyukova; Minobrnauki Rossii, OmGTU. Omsk: Izd-vo OmGTU. 148 s.
5. Klester, A.M. (2014). *Osobennosti eponimov v nemetskoj terminologii inzhenernoi psikhologii* [Features of eponyms in the German terminology of engineering psychology] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. T. 16. № 2 (2). S. 416–419.
6. Kosterina, Yu. (2014). E. *Eponimnye edinitsy v angloyazychnoi terminologii fiziki* [Eponymous units in the English terminology of physics]. Vestnik IGLU. S. 76–82.
7. Leichik, V.M. (1994). *Obosnovanie struktury termina kak yazykovogo znaka ponyatiya* [Justification of the structure of the term as a language sign of the concept] // Terminovedenie. 1994. № 2. S. 5–16.
8. Novinskaya, N.V. (1989). Eponimicheskie nazvaniya v sostave sovremennoi russkoi terminologii: avtoref. diss. ... k. filol. n. M. 20 s.
9. Sakaeva, L.R., Sigacheva, N.A., Baranova, A.R. (2017). *Modelirovanie kontsentririvannogo obucheniya magistrrov inoyazychnomu delovomu obshcheniyu v universitete* [Modeling of concentrated master's education in foreign language business communication at the university.]. V sbornike: Pedagogicheskoe obrazovanie v izmenyayushchemsya mire. Sbornik nauchnykh trudov

III Mezhdunarodnogo foruma po pedagogicheskomu obrazovaniyu. Otvetstvennyi redaktor A.M. Kalimullin. 2017. S. 162–170.

10. Superanskaya, A.V. (1993). *Obshchaya terminologiya. Terminologicheskaya deyatel'nost'* [General terminology. Terminological Activities]. M.: Izd-vo URSS. 288 s.

11. Tolstoy, D.M. i dr. (1972). *Anglo-russkii fizicheskii slovar'* [English-Russian physical dictionary]. Izd. 2-e, stereotip. M., «Sov. entsiklopediya». 848 s.

12. *Fizicheskaya entsiklopediya: v 5-ti t.* [Physical Encyclopedia: in 5] / gl. red. A. M. Prokhorov. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1990. T. 2. 703 s.

13. Sharapova, T.N. (2013). *Osobennosti eponimnykh terminov v nemetskoj terminologii bioniki* [Features of eponymous terms in German bionics terminology] // *Lingua mobilis*. № 1 (40). S. 159–165.

14. Mackay, R., Mountford, A., (1978). *English for Specific Purposes, A case study approach*, London: Longman.

15. Makayev, Kh.F. (2018). *Word Building in the Sphere of Physics and its Influence on the Commonly-Used Vocabulary* / Makayev Kh.F., Sakaeva L.R., Yakhin M.A., Makayeva G.Z., Gulkanyan M.K. / 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts – SGEM 2018, Vol. 5, Issue 3.6 – Pp. 711–718.

16. Popescu, F. (2014) “Translating English Mathematical Eponyms into Romanian”, in *Translation Studies: Retrospective and Prospective Views*, III, 6, 105–109.

Авторы публикации

Макаев Ханиф Фахретдинович –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: makaev-63@mail.ru

Макаева Гузаль Зайнагиевна –
кандидат философских наук, доцент
Казанский государственный архитектурно-
строительный университет
г. Казань, Россия
Email: guzal.makaeva@mail.ru

Authors of the publication

Makayev Khanif Fakhretdinovich – *Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor Kazan Federal University Kazan, Russia*
Email: makaev-63@mail.ru

Makayeva Guzal Zainagiyevna – *Candidate of philosophical sciences, Associate Professor Kazan State Architecture and Engineering University Kazan, Russia*
Email: guzal.makaeva@mail.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, ЭКСПЛИЦИРУЕМЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.С. Муллагаянова
gulfiya-m@mail.ru

*Казанский национальный исследовательский технический университета
им. А. Н. Туполева-КАИ, г. Набережные Челны, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются номинации положительных эмоций, их лексический анализ и количественная представленность в речи. Источником фактического материала послужили диалоги, взятые из художественных произведений таких классиков русской литературы, как А.П. Чехов и А.И. Куприн. Автор статьи акцентирует внимание на возможностях лингвистической представленности эмоций, встреченных в речевых ситуациях художественных произведений выбранных классиков. Особое внимание отводится эмоциям, напрямую номинируемым говорящими при экспликации собственных чувств или попытке идентифицировать / обозначить эмоции собеседника. Кроме того, автор статьи рассматривает возможности представленности той или иной положительной эмоции в русском языке посредством словарей синонимов.

Ключевые слова: эмоции, экспликация, положительный, русский язык, эмоциональное состояние, чувство.

Для цитирования: Муллагаянова Г.С. Положительные эмоции, эксплицируемые в русском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 28–40. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.28-40.

POSITIVE EMOTIONS EXPLICATED IN RUSSIAN

G.S. Mullagayanova
gulfiya-m@mail.ru

**Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI,
Naberezhnye Chelny, Russia**

Abstract. The article discusses the nominations of positive emotions, their lexical analysis and quantitative representation in speech. The dialogues taken from the literary works of such classics of Russian literature as A.P. Chekhov and A.I. Kuprin served as a source of the factual material. The author of the article focuses on the possibilities of the linguistic representation

of emotions encountered in speech situations of selected classics. Special attention is given to emotions that are directly nominated by speakers when explicating their own feelings or trying to identify / distinguish the emotions of the interlocutor. In addition, the author of the article is considering the ways of representing one or another positive emotion in Russian through dictionaries of synonyms.

Keywords: emotions, explication, positive, Russian language, emotional state, feeling.

For citation: Mullagayanova G.S. Positive emotions explicated in Russian. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 28–40. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.28-40.

Эмоции являются неотделимой частью жизни любого человека. Однако необходимо учитывать то, что для одних культур свойственно скрывать или стараться завуалировать некоторые эмоции, в то время как для других эмоции являются чем-то вроде визитной карточки и неотъемлемой частью повседневной жизни. Эмоциональные состояния ранжируются как по интенсивности, частотности проявления, знаку, так и по другим признакам. Что касается интенсивности проявления эмоций, причин и направленности, то данные аспекты специфичны для каждой отдельно взятой личности, вне зависимости от гендерной, возрастной и национальной принадлежности. Таким образом, одни и те же события могут каузировать различный спектр эмоций или даже варьироваться у одного человека в зависимости от ситуации, времени и окружения.

Все сферы жизни человека связаны с положительными и отрицательными эмоциональными состояниями. Известно, что положительные эмоции, в число которых входят радость, удовольствие, надежда, любовь и т.п., вызывают приятные ощущения, а отрицательные – такие как гнев, страх, отвращение, презрение – неприятные. Кроме вышеуказанных эмоций исследователи также выделяют амбивалентные, или биполярные и нейтральные чувственные состояния.

В психологии выделяют множество классификаций положительных и отрицательных эмоций, показывающих неравномерное соотношение положительных и отрицательных эмоциональных состояний. Количество вторых значительно превосходит число первых, что также нашло отражение в фактическом материале, набранном для проведения настоящего исследования. Ниже приведем обобщенный перечень положительных эмоций, отмеченных в работах психологов: благодарность, блаженство, восторг, восхищение, гордость, доверие, злорадство,

ликование, любовь, нежность, предвкушение, радость, самодовольство, симпатия, уважение, уверенность, удовлетворенность, удовольствие, умиление, умиротворение, чувство безопасности, чувство облегчения, чувство удовлетворённой мести и т.п. На первый взгляд такое чувство как *злорадство* можно отнести к негативным эмоциям и подвергнуть сомнению его положительную коннотацию. Однако необходимо отметить, что оно вызывает приятные ощущения у переживающего данное чувство и, следовательно, однозначно может быть отнесено к числу положительных.

Общее количество эмоций не поддается точному подсчету, однако известно, что их число превышает 500 наименований. Известно, что в речи не используется все разнообразие языковых единиц, номинирующих эмоции, что и обеспечивает некоторую сложность выявления истинного количества эмоций. Зачастую говорящий применяет одно и то же слово для обозначения разных, но сходных по своему характеру переживаний. Так, данная работа посвящена выявлению круга положительных эмоций, эксплицируемых говорящим в момент речевого общения. В качестве фактического материала исследования выступили речевые ситуации, взятые из диалогов художественных произведений русских классиков – А.П. Чехова и А.И. Куприна.

Количество положительных эмоций, эксплицируемых говорящим в отобранном материале составило одиннадцать единиц, куда вошли *благодарность, веселье, восторг, интерес, любовь, наслаждение, обожание, приятное чувство, радость, счастье и удовольствие*. Ниже предлагаем сводную таблицу обнаруженных в речи позитивных эмоций, расположенных в порядке убывания частотности их номинаций в процессе коммуникации (см. таблицу 1). Количество номинаций эмоций означает их непосредственное упоминание в речевой ситуации, общее число которых составляет 323 единицы.

Таблица 1

Положительные эмоции, эксплицируемые говорящим в русском языке
(на материале произведений А.П. Чехова и А.И. Куприна).

№ п/п	Наименование эмоции	Кол-во ситуаций	Кол-во номинаций
1.	Любовь	55	108
2.	Радость	73	90
3.	удовольствие	28	36
4.	Счастье	27	33
5.	благодарность	28	33
6.	Интерес	7	8
7.	приятное чувство	6	7
8.	Веселье	3	3
9.	Восторг	2	2
10.	наслаждение	2	2
11.	Обожание	1	1

Судя по полученным данным, *любовь* занимает лидирующую позицию экспликации в речи среди положительных эмоций. Из таблицы видно, что количество ситуаций с упоминанием *любви* меньше, чем *радости*, однако число непосредственных номинаций *любви* превышает все обнаруженные положительные чувства. Это подтверждает, что при выражении *любви* говорящие более эмоциональны и пытаются довести до слушающего свои чувства путем повторов. Таким образом, *любовь* может претендовать на звание одной из наиболее распространенных эмоций, эксплицируемых говорящим в момент речевого общения.

Нами был отмечен широкий спектр способов экспликации чувства *любви*; так она может находить разные варианты выражения и зачастую встречается в комплексе с другими эмоциями, что осложняет ее изучение. Всемирно известный ученый в области психологии К. Изард также отмечает широкое применение и многогранность описываемой эмоции: «любовь складывается из таких эмоций как интерес-возбуждение и удовольствие-

радость» [4, С. 411]. Любовь, как одно из самых распространенных чувств, может вызывать такие эмоции и чувства, как наслаждение, радость, удовольствие и т.п., кроме того, встречаются и отрицательные – каузирующие неприятные ощущения. В их число входят следующие: ненависть, печаль, страдание и др. Отметим также, что большая часть психологов, исключением из которых являются М.Б. Арнольд, В. Джемс и Е.Ю. Мягкова, не относят *любовь* к числу дискретных, или базовых эмоций. «Любовь – фундаментальное для человеческой природы чувство, но ее нельзя отнести к дискретным эмоциям, таким как радость или печаль» [4, С. 425]. Это еще раз подтверждает комплексный характер описываемого чувства. *Любовь* может редуцироваться до *интереса, волнения, радости, удовольствия* и других чувств, что является причиной ее отдаления от числа фундаментальных эмоций.

Далее приведем определение чувства *любовь*, предложенное в одном из толковых словарей: «чувство глубокой привязанности к кому, чему-либо; внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо; чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» [11, С. 328]. Многоплановость *любви* может найти проявление в ее видах. Каждый способен любить и родного человека (мать, отца, брата, сестру, ребенка и т. п.), и чужого, но близкого, и родину, и дом, и какие-то вещи, и еду и др.

С целью выявления круга синонимов описываемой эмоции обратимся к специализированным словарям. А.П. Евгеньева предлагает следующие синонимы: *влюбленность, страсть и увлечение*. Однако отметим, что рассматриваемый эмотив также имеет и глагольную форму (*любить*). Это приводит к расширению круга лексем, применяемых говорящими с целью экспликации описываемого чувства. Приведем синонимы глагола *любить*: *боготворить, души не чаять, обожать и уважать* [10, С. 521]. Говоря об этих синонимах, в речевых ситуациях, взятых из фактического материала, нами был выявлен лишь глагол *обожать*, дублирующий слово *любить*. Целью его использование является усиление значения.

Следующей положительной эмоцией по частотности использования в речи является *радость*, доля которой составляет 27,8% от общего количества номинаций всех выявленных положительных чувств. Данная эмоция входит в число универсальных, то есть испытывается представителями всех культур. Идентификация эмоции *радость* не представляет большой сложности в процессе коммуникации из-за свойственной ей мимической экспрессии, выражающейся в улыбке. Причинами проявления *радости* могут послужить такие факторы, как получение лично релевантного известия позитивного характера или достижение цели. Что же дает человеку *радость*? Удовлетворенность, уверенность, личностная значимость – все это каузируется именно эмоцией *радости*. Также характерными отличиями данной эмоции являются ее легкая подверженность смене другими эмоциональными состояниями, спонтанность и относительная кратковременность. Значимость радости для человека сложно переоценить так как ее проявление стимулирует укрепление социальных связей, повышает адаптационные характеристики личности, что в итоге приводит к расслаблению в напряженных ситуациях и избавлению от негатива в целом. Таким образом, *радость* для носителей русского языка и культуры представляется чем-то действительно важным и жизненно необходимым.

С целью определения семантики изучаемой эмоции, а также установления ее парадигматических отношений с синонимами и выявления специфики их употребления в речи, обратимся к лексикографическим источникам.

Толковые словари представляют рассматриваемую эмоцию следующим образом: «чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения, или то, что доставляет удовольствие, дает счастье» [11, С. 662]; «веселье, услада, наслаждение, утеха, внутреннее состояние удовольствия, приятного, вследствие желанного случая» [3, С. 554]; «чувство удовольствия, удовлетворения, или то, что доставляет удовольствие, дает счастье» [9, С. 581]. В словаре Д.Н. Ушакова радость определяется как «чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение» [12, С. 1110]. Следующая дефиниция предложена

в словаре С.И. Ожегова – «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения» [6, С. 638].

Анализ лексических значений позволяет сделать следующее заключение: авторы лексикографических источников зачастую определяют *радость* через такие лексемы эмоционального характера, как *веселье*, *наслаждение*, *счастье*, *удовлетворение*, *удовольствие* и *уладу*. Данные, указанные в таблице один, демонстрируют то, что большая часть из них встречается в речи для номинации рассматриваемой положительной эмоции. Синонимические словари помогут нам выявить полный ряд лексем, используемых для обозначения рассматриваемой эмоции.

Так, в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой *радость* выступает в качестве *отрады* [10, С. 328]; к глаголу *радовать* присоединяются лексемы *веселить* и *ликовать* [10, С. 327]. Согласно З.Е. Александровой синонимический ряд можно дополнить глаголами: *тешить*, *утешать*, *доставлять радость*, *ликовать*, *торжествовать*, *возвеселяться*, *быть на седьмом небе*, *смотреть именинником* [1, С. 444].

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка предлагает синонимический ряд в следующем виде: *ликовать*, *радоваться* и *торжествовать*, то есть «испытывать приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место» [2, С. 912]. Более доскональное рассмотрение синонимов, предложенных Ю.Д. Апресяном дифференцирует их семантику. *Радоваться* в этом синонимическом ряду выступает в роли обобщающего понятия и таким образом представляется в качестве фундаментальной эмоции. Причиной данной эмоции могут выступить любые положительно оцениваемые факторы. Человеку свойственно выражать радость из-за долго ожидаемого события, окончания начатого дела, успеха и не только своего. Таким образом, *радоваться* можно не обязательно только своим достижениям, но и близких или знакомых людей. Лексема *ликовать* предполагает двигательную активность и отличается тем, что обозначает радость, объединенную с восторгом. *Торжествуют* же обычно

в результате своих собственных достижений, правоты, успехов, победы и т.п. [2, С. 912–915].

Так, анализ фактического материала, взятого из толковых и синонимических словарей, стал основной для выявления потенциальной речевой представленности эмоции радости. К числу синонимов, таким образом, можно отнести следующие лексемы: *веселье, ликование, наслаждение, отрада, счастье, торжество, удовольствие, удовлетворение, услада, утеха и утешение*. Что касается реальной номинации вышеуказанных синонимов в речи (на материале диалогов из произведений русских классиков), нами было зафиксировано семь из них. Это свидетельствует о широком спектре возможных номинаций описываемой эмоции в речи и является подтверждением того, что *радость* – одна из наиболее частотных положительных эмоций.

Счастье, выступая в качестве синонимов радости, в лексикографических источниках представляется как «состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо» [11, С. 814; 12, С. 615]. Кроме того, одним из выявленных синонимичных выражений является *приятное чувство*, представляющее обобщающее понятие для всех положительных эмоций. Слово *восторг* не входит в синонимические ряды эмоции *радость*, однако, на основе анализа определений данной лексемы, можно с уверенностью отнести его к числу таковых. Так, *восторг* определяется следующим образом: «сильный (необыкновенный) подъем от радостных чувств; восхищение (экстаз, упоение)» [12, С. 377] или «необычайно радостное состояние; восхищение» [11, С. 94]. Таким образом, можно сделать вывод, что все вышеуказанные синонимы обладают общей семантикой с некоторыми дифференцирующими вкраплениями, что обуславливает некоторую разницу в их применении в речи.

К числу положительных эмоций также относим *благодарность*. Семантика данного слова сводится к следующему: «чувство признательности за оказанное добро, внимание или услугу» [12, С. 146; 11, С. 45]. Оба корня, входящие в состав слова, несут положительную коннотацию – дарить благо,

добро. Это позволяет нам отнести данный эмотив к ряду положительных. Подтверждением этому служит тот факт, что благодарность зачастую проявляется в качестве ответного действия на предоставление услуги или совершение благого / доброго акта, что естественным образом каузирует приятные чувства в виде *восторга, радости, удовлетворения* и др. Также следует обратить внимание на *благодарность* как на определенное действие. Посредством произнесения слова *благодарю*, совершается речевой акт. Таким образом, в дело вступает перформатив, где само слово, произнесенное говорящим, непосредственно выполняет действие благодарности. В подобной речевой ситуации значимыми составляющими являются компоненты «я», «ты», «здесь» и «сейчас», то есть важными компонентами представляются не только говорящий и слушающий, а также место и время речевой коммуникации. Функции перформатива, производного от лексемы *благодарность*, глагол сможет выполнять только при определенных условиях, а именно, при использовании его в настоящем времени, в форме первого лица, в изъявительном наклонении и действительном залоге. Отметим также, что рассматриваемая эмоция является составляющей речевого этикета и входит в число описываемых ниже конвенциональных ситуаций.

Следующей положительной эмоцией, выявленной в диалогах, представленных в произведениях русских авторов, является *интерес*. Рассматриваемая эмоция также входит в число фундаментальных. *Интерес* акцентирует внимание человека на выбранном им объекте и поддерживает работу мышления. Будучи базовой эмоцией, *интерес* может перейти в другие эмоциональные состояния и вызывать такие чувства, как *любовь, восторг, удовольствие, наслаждение* и другие эмоциональные состояния. Отсутствие *интереса* также может стать причиной эмоции, например, *скуки* или *безразличия*.

Общая семантика данного эмотива сводится к следующему: «внимание, любопытство, проявляемое к кому или чему-либо значительному, важному, полезному или кажущемуся таким» [6, С. 252; 11, С. 247; 12, С. 1216].

Так, значимость, новизна, сложность и неординарность могут стать основными причинами возникновения эмоции *интереса*.

Одной из разновидностей *интереса* представляется *заинтересованность*, чаще «проявляющаяся в выражении глаз, лица, поведении» [10, С. 436]. Более распространенный синонимический ряд предлагается в словаре З.Е. Александровой, куда включаются (кроме уже названного) *внимание*, *любопытство*, *увлечение* и *увлеченность* [1, С. 182], которые, в сущности, раскрывают семантику данной эмоции.

Так, в результате проведенного анализа обнаруженных положительных эмоций, была выявлена экспликация в речи говорящих одиннадцати номинаций эмоциональных состояний, имеющих позитивную коннотацию. В их число, как отмечалось выше, входят: благодарность, веселье, восторг, интерес, любовь, наслаждение, обожание, приятное чувство, радость, счастье и удовольствие.

Таким образом, сложно переоценить высокую роль позитивных эмоций в жизни человека. Они помогают справляться с проблемами, наладить отношения с окружающими и улучшить качество жизни в целом. Понимание и правильное, уместное выражение эмоций в языке может способствовать повышению эффективности процесса коммуникации. Следовательно, изучение данного вопроса было и остается актуальным на сегодняшний день. Ведь недаром говорят: «культура речи характеризует мировоззрение человека, его нравственность, психологию, коммуникативные качества личности» [5, С. 136]. В перспективе возможно изучение не только эксплицитного выражения эмоций, а вкупе с имплицитным, что позволит представить более полную картину выражения эмоций говорящими в рассматриваемом языке.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. М.: Русский язык, 1986. 600 с.

2. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка /Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 736 с.

4. *Изард К.Э.* Психология эмоций /Пер. с англ. СПб.: Изд. «Питер», 2000. 464 с.

5. *Ильина М.С.* Формирование культуры речи будущего специалиста // Система управления качеством обучения в образовательном учреждении. Сб. материалов научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». Сборник избранных статей. 2018. С. 134–140.

6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 917 с.

7. *Сакаева Л.Р., Фаткуллина Ф.Г., Ялалова Р.Р.* Структурно-грамматическая характеристика субстантивных и адъективных фразеологических единиц, характеризующих болезнь-здоровье в английском, немецком и русском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 3. С. 735–739.

8. *Сакаева Л.Р.* Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 43–47.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз. /Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1-4.

10. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз. /Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970-1971. Т. 1-2.

11. Современный толковый словарь русского языка /Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002. 960 с.

12. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. В 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1936–1940. Т. 1–4.

References

1. Aleksandrova, Z.E. (1986). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Synonyms Dictionary of the Russian Language] /Pod red. L.A. Cheshko. Moscow: Russkii yazyk, 600 s. (In Russian)
2. Apresyan, V.Yu., Apresyan, Yu.D., Babaeva, E.E. i dr. (2003). *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory synonyms dictionary of the Russian language] /Pod red. Yu.D. Apresyana. Moscow: Shkola "Yazyki slovyanskoi kul'tury", 1488 s. (In Russian)
3. Dal', V.I. (2001). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version] Moscow: ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 736 s. (In Russian)
4. Izard, K.E. (2000). *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions] /Per. s angl. St. Petersburg: Izd. "Piter", 464 s. (In Russian)
5. Il'ina, M.S. (2018). *Formirovanie kul'tury rechi budushchego spetsialista* [Forming speech culture of a future specialist] // Sistema upravleniya kachestvom obucheniya v obrazovatel'nom uchrezhdenii. Sb. materialov nauchnykh konferentsii GNII "Natsrazvitie". Sbornik izbrannykh statei. S. 134–140. (In Russian)
6. Ozhegov, S.I. (1990). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] /Pod red. N.Yu. Shvedovoi. Moscow: Russkii yazyk, 917 s. (In Russian)
7. Sakaeva, L.R., Fatkullina, F.G., Yalalova, R.R. (2017). *Strukturno-grammaticheskaya kharakteristika substantivnykh i ad"ektivnykh frazeologicheskikh edinit, kharakterizuyushchikh bolezni'-zdorov'e v angliiskom, nemetskom i russkom yazykakh* [Structural and grammatical characteristics of substantive and adjective phraseological units characterizing illness-health in English, German and Russian] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. T. 22. № 3. S. 735–739.
8. Sakaeva, L.R. (2008). *Frazeologizmy s komponentami zoonimami, opisyyvayushchie cheloveka kak ob"ekt sopostavitel'nogo analiza russkogo i angliiskogo yazykov* [Phraseological units with the components of zoonyms that describe a person as an object of comparative analysis of the Russian and English

languages] // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. № 62. S. 43–47.

9. *Slovar' russkogo yazyka V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: in four volumes] (1981-1984). /AN SSSR, In-t rus. yaz. /Pod red. A.P. Evgen'evoi. Moscow: Russkii yazyk, T. 1–4. (In Russian)

10. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: V 2-kh t.* [Synonyms dictionary of the Russian language: in two volumes] (1970-1971). /AN SSSR, In-t rus. yaz. /Pod red. A.P. Evgen'evoi. – Leningrad: Nauka, T. 1–2. (In Russian)

11. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language] (2002). /Pod red. S.A. Kuznetsova. St. Petersburg: Norint, 960 p. (In Russian)

12. Ushakov, D.N. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. V 4-kh t. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1936–1940. T. 1–4. (In Russian)

Авторы публикации

Муллагаянова Гульфия Сейтшарифовна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский национальный исследовательский
технический университет им.
А. Н. Туполева-КАИ
г. Набережные Челны, Россия
Email: gulfiya-m@mail.ru

Authors of the publication

Mullagayanova Gulfiya Seitsharifovna –
Candidate of Philological Sciences, Associate
professor
Kazan National Research Technical University
named after A.N. Tupolev-KAI
Naberezhnye Chelny, Russia
Email: gulfiya-m@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОНИМОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Л.Р. Сакаева, А.Ю. Ермоленко
alenaermolenko1995@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В этой статье исследуются заголовки кинолент русского и американского кинематографа (русские эквиваленты) и их лингвистические особенности при переводе на другой язык. Актуальность темы подтверждается тем, что сегодня в массовой коммуникации активно функционируют названия известных кинофильмов, они часто используются в газетной публицистике. Они могут являться важным составляющим лексического и фразеологического единства языка в медиа пространстве (заголовки в сети интернет, теле- радиовещание, газетные статьи). Цель данной работы состоит в лингвостилистическом анализе фильмонимов как объекта ономастики. В статье представлены результаты о лексических и грамматических особенностях заголовков фильмов на основании сравнительно-сопоставительного и филологического исследования эмпирического материала.

Ключевые слова: фильмонимы; ономастика; лексические особенности; грамматические особенности, лингвостилистический анализ, русские заголовки фильмов, американские заголовки фильмов.

Для цитирования: Сакаева Л.Р., Ермоленко А.Ю. Проблемы перевода фильмонимов на материале английского и русского языков. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 41–51. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.41-51.

TRANSLATION PROBLEMS OF FILMONIMES ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

L.R. Sakaeva, A.Y. Ermolenko
alenaermolenko1995@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This article describes the lexical and grammatical peculiarities of the headlines of Russian and American cinema films (Russian equivalents) and their linguistic features when translated into another language. The significance of this topic is defined by the fact that today in mass communication the names of famous films are actively functioning; they are often used

in newspaper journalism. They can constitute an important component of the lexical and phraseological unity of the language in the media space (headlines on the Internet, television and radio broadcasting, newspaper articles). The aim of the research is to arrange for linguo-stylistic analysis of filmonimies as an object of onomastics. Based on a comparative and philological analysis of empirical material, the article presents conclusions about the linguistic features of the cinema headlines.

Keywords: film names; onomastics; lexical features; grammatical features, linguistic-stylistic analysis, Russian cinema headlines, American cinema headlines.

For citation: Sakaeva L.R., Ermolenko A.Y. Translation problems of filmonimes on the material of the English and Russian languages. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 41–51. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.41-51.

Человек постоянно взаимодействует с окружающим миром. В течение жизни у него формируется определенное мировоззрение на все происходящее вокруг, которое в философско-лингвистической литературе называется картиной мира.

Философский энциклопедический словарь определяет «картину мира» как сумму знаний, основанную на восприятии, ощущении, понимании мира и мировоззрении упорядоченных и единых представлений социума или отдельного взятого человека о смысле жизни, мире и месте его в нем [13].

Следует отметить, что картина мира – как вещь сугубо социальная, находится в постоянной динамике. Ученый С.А. Лебедев классифицирует картины мира: по степени общности: картина мира может выступать как общая, частная и индивидуальная; по способам создания действительности: здесь картины мира может выступать как философская, научная, религиозная и художественная. Все картины мира целиком связаны между собой [6, С. 25].

Ссылаясь на Е.Г. Хомякова и Т.И. Петухова, под картиной мира мы подразумеваем полное понимание происходящего, «как многостороннее и многоаспектное происходящее, где различные понятия зависят от того, с каким видом жизненной деятельности человека она соприкасается» [14, С. 76].

Конечно, не следует считать, что картина мира – это что-то неделимое, универсальное, которое могло бы включать в себя все нужное: все суждения о мире, его жизненный опыт и тому подобное. Более того, картина мира

в широком смысле может находиться в непрерывном движении, что не дает нам возможность считать ее, как нечто единое [17].

Сегодня в книгах мы уже не встретим понятие, как «глобальная картина мира», потому что в современной науке картины мира могут делиться на гуманитарную и естественную. Вместо этого мы пытаемся найти различие представляемых нас областей, как фрагментов картины мира [10, С. 214]. Мы можем начинать исследовать физическую, биологическую и заканчивать языковой картиной. Сама жизнь, со своей практичностью, предопределяет подразделение их на группы [6, С. 25].

В данной статье мы изучаем заголовки американских и русских кинолент, представляющие свою интерпретацию картины мира не только как индивида в отдельности, но и лингвокультурного общества в целом. Зачастую именно в переводных названиях мы можем увидеть как меняется картина мира в заголовках при трансляции их на другие языки.

Основная цель предоставленной работы – определить главные лексические и грамматические характеристики заголовков кинолент художественных фильмов, затем применить полученные результаты при переводе фильмонимов с английского языка на русский язык.

В ходе работы проанализированы заголовки русских (150 единиц) и американских (150 единиц) фильмов, в том числе их оригинальные переводы, что составило эмпирическую базу исследования кинематографа за 2009–2019 года.

Название фильма – это объект многих междисциплинарных исследований (Э.В. Багдасаровой, И.И. Воронцовой, Е.С. Руфовой, Н.Ю. Петровой, Н.А. Цветковой, А.В. Ламзиной, Ю.Н. Подымовой, Н. Ангир, М. Динель, И.В. Арнольд и др.).

Конкретность воспринимаемой индивидуальной информации зависит от ряда факторов, среди которых есть тип информации; лица, которые передают и получают информацию; язык и код информации и так далее. В случае, когда информация передается в виде фильма, проблема становится более глубокой, поскольку фильм сам по себе является художественным

аудиовизуальным произведением, которое представляет собой «принципиально новый комплекс оптических, акустических и кинетических восприятий и условий кинематографа, постоянно улучшающие структуру и ее потенциал выражения и расширяющие ее периметр воздействия» [15, С. 127].

Мы можем столкнуться с рядом барьеров, которые препятствуют адекватному пониманию смысла фильма. Эти трудности могут обуславливаться недостаточным знанием языка и культуры фильма посредством передачи информации, которая может быть вербальной, невербальной и смешанной. Процесс получения информации не является завершающим этапом взаимодействия двух различных культурных сред [2].

Исследователи утверждают, что фильмы оказывают большое влияние на зрительскую аудиторию, их картину мира. Популярность фильма часто во многом определяется его названием, так как захватывающий заголовок фильма позволяет привлечь больше внимания зрителей, чем само содержание или список актеров. Психологическое исследование приводит в доказательство, что приблизительно 8% читателей журналов, газет и блогов фокусирует свое внимание исключительно на заголовках. Аналогичная ситуация наблюдается с кинофильмами. По названию фильма зритель потенциально определяет, стоит ли ему смотреть это фильм.

Ссылаясь на Н.Ю. Петрову, название фильма является некой гарантией успеха, а его эффективное восприятие сразу же сказывается на кассовых сборах. Авторы пытаются выбрать броские заголовки для своих работ, так как название предназначено для привлечения максимального количества публики. Кроме того, заголовок фильма должен, по крайней мере, отражать содержание картины и легко запоминаться в уме зрителя [8, С. 36].

В каждом языке, наравне с именами нарицательными, можно выделить и имена собственные, или онимы. «Словарь русской ономастической терминологии» определяет их, как «имя собственное – слово или словосочетание, служащее для выделения именуемого им объекта среди других объектов», пишет Н.В. Подольская [9].

Н.В. Никонов утверждает, что «термин “оним” включен в список названий классов имен и тем соединяет их, к примеру, антропонимы, топонимы и так далее. Имя собственное может являться не только словом, но и словосочетанием, целым предложением, служащим для подчеркивания именуемого ими объекта среди других в этом же классе». Он добавляет, что имя является не только выделением, но и определяет предмет с различной степенью выраженности [7, С. 51].

В связи с большим ростом кинопроизводства и увеличением «рынка кинопотребления», у зрителя появляется необходимость в правильном переводе текстов художественных фильмов на различные языки. При переводе происходит языковой культурный обмен.

Сегодня ономастика является наиболее активно изучаемой областью лингвистики. Одним из наиболее значимых объектов ономастики можно считать названия фильмов (фильмонимы), запас которых пополняется с каждым днем. Они относятся к особой категории омонимов наряду с такими названиями, как произведения искусства или заголовки газетных статей. Анализ в этой статье основан на выявлении характерных особенностей названий фильмов [16, С. 41].

Фильмонимами являются носители назначенных функций, основная функция из которых – номинативная. Главная характеристика фильмонимов – это конкретные сведения о картине мира определенной страны [16, С. 43].

Термин «фильмоним», благодаря ученому Ю.Н. Подымовой в работе «Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах», сегодня добавлен в состав ономастической терминологии [10, С. 205].

Фильмонимы могут отличаться по своему содержанию и форме. Они более или менее доносят до зрителей полное или частичное содержание о кинофильме, а именно: что произойдет в кинокартине, о чем будет сюжет. Часто названия фильмов могут представляться разными словосочетаниями,

предложениями с различной структурой слов, группами предложений, а могут также передаваться с помощью одного слова [3].

Безусловно, сама суть заголовков фильмов лингвистическая. Как и прочие имена собственные – заголовки, фильмонимы создают ономастическое поле, внутри которых устанавливаются зоны, где разделение проводится по-разному, в зависимости от того, какой критерий заложен в саму классификацию: структурную, семантическую и так далее.

Вопросу фильмонимов посвящено небольшое количество трудов, в настоящее время не существует строгой классификации видов названий фильмов, однако, ознакомившись с типологией заглавий художественных произведений по А.В. Ламзиной и И.В. Арнольд, мы также можем соотнести фильмонимы не только по жанровой принадлежности означаемых ими картин.

Исследователь А.В. Ламзина подразделяет следующие типы заголовков на четыре вида в соответствии с их важнейшим компонентом.

К первой группе автор причисляет заголовки с основной мыслью. Среди таких фильмонимов называют можно привести в пример такие, как: «*Как я теперь люблю*» – “*How I live now*” (2013, реж. Кэвин Макдональд); ко второй группе – заглавия с перспективой сюжета, например: «*После свадьбы*» – “*After the wedding*” (2019, реж. Барт Фрейндлих); к третьей группе относятся антропонимы – индивидуальные характеристики лиц главной действующей личности: «*Джанго освобожденный*» – “*Django Unchained*” (2012, реж. Квентин Тарантино). К четвертой относятся заголовки, где выделяются место или время действия сюжета: «*1917*» – “*1917*” (2019, реж. Сэм Мендес), «*Три билборда на границе Эббинга, Миссури*» – “*Three Billboards Outside Ebbing, Missouri*” (2017, реж. Мартин Макдона), так и описание хронотопа: «*Прошлой ночью в Нью-Йорке*» – “*Last Night*” (2010, реж. Мессу Таджедин) [5, С. 27].

Фильмонимы обладают несколькими лингвистическими особенностями: их структура чаще всего связана с семантикой, лаконичность призвана делать их простыми для понимания и запоминания, синтаксическая структура порождает эффект выразительности и классифицирует названия фильмов

на заглавия, представляющие собой простые и сложные предложения. Фильмонимы, структурно выраженные простым предложением, можно далее подразделить на представленные односоставными и двусоставными предложениями названия [1, С. 448].

Как показало исследование 300 единиц американского и русского кинематографа: 55% заголовков представляют собой односоставные предложения, а именно: дополнением «*Воины света*» – “*Daybreakers*” (2009, реж. Майкл Спириг, Питер Спириг), определением: «*Бесподобный мистер Фокс*» – “*Fantastic Mr. Fox*” (2009, реж. Уэс Андерсон), обстоятельством: «*Мальчишник в Вегасе*» – “*The Hangover*” (2009, реж. Тодд Филлипс).

В 20% заголовков в односоставных конструкциях помимо субъекта и предиката присутствуют так же и определения, дополнения и другие члены предложения: «*Отреши нас от лукавого*» – “*Deliver Us from Evil*” (2014, реж. Скотт Дерриксон); «*Мое большое греческое лето*» – “*My Life in Ruins*” (реж. 2009, Дэвид Петри).

15% фильмонимов используются с синтаксически неразделимыми словосочетаниями: «*Девятая жизнь Лиу Дракса*» – “*(The 9th) Life of Louis Drax*” (2015, реж. Александ Ажа); «*4 вид*» – “*The 4th Kind*” (2009, реж. Олатунде Осунсанми).

В 6% фильмонимов могут выступать предложения с функцией обращения: «*С любовью, Саймон*» – “*Love, Simon*” (2018, реж. Грег Берлантти).

2% фильмонимов представлены инфинитивными предложениями: «*Убить гонца*» – “*Kill the Messenger*” (2014, реж. Майкл Куэста); определенно-личными предложениями: «*Будь со мной*» – “*Be with me*” (2009, реж. Мария Максимова); безличными: «*Попали*» – “*Doghouse*” (2009, реж. Джэйк Уэст).

2% фильмонимов используют парцелляционные конструкции: «*Сумерки. Сага. Новолуние*» – “*The Twilight. Saga: New Moon*” (2009, реж. Крис Вайц).

Иначе говоря, перевод названий фильмов включает в себя множество сложных факторов. Это зависит от содержания фильмов, психологии аудитории и некоторых других культурных факторов. Перевод заголовков должен быть

лаконичен, поразителен и осмыслен. Исходя из всего выше сказанного, хорошее отображение названий фильмов должно соответствовать следующим принципам: корректности, культурной осведомленности, сочетания коммерческих и эстетических эффектов, внимания переводчика, детальности [4, С. 24].

Итак, можно сделать вывод, что с помощью кинематографа мы можем исследовать культурный пласт той страны, где отражаются приоритеты социума «иностранный» культуры в целом, и ее картину мира. Заголовок кинофильма играет большую роль в осознании картины, поэтому только при успешной формулировке фильмонимов возможно взаимодействие со зрителем. Однако важно помнить, что при переводе заголовка ленты, переводчику следует быть внимательным, так как от него зависит правильная передача смысла «зарубежной» культуры [12, С. 739].

Литература

1. *Арнольд А.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 448 с.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов. М.: Международные отношения, 1975. 238 с.
3. *Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972. 207 с.
4. *Комиссаров В.Н.* Теория переводов (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. *Ламзина А.В.* Введение в литературоведение. М., 1997. 27 с.
6. *Лебедев С.А.* Научная картина мира в ее развитии. Москва, 2007. 25 с.
7. *Никонов Н.В.* Вопросы ономастики, Екатеринбург, 1999. 51 с.
8. *Петрова Н.Ю.* Названия английских и драматургических произведений в когнитивной перспективе. Вопросы когнитивной лингвистики, М., 2009. С.35–41.
9. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии, 2-е изд., М., 1998. С.42–56.

10. *Подымова Ю.Н.* Названия фильмов в структурно-сематическом и функционально-прогматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук, Майкоп, 2006, 205 с.

11. *Сакаева Л.Р.* Позитивные соматические фразеологические единицы с компонентом "голова" в русском, английском и таджикском языках. Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 214–218.

12. *Сакаева Л.Р., Фаткуллина Ф.Г., Ялалова Р.Р.* Структурно-грамматическая характеристика субстантивных и адъективных фразеологических единиц, характеризующих болезнь - здоровье в английском, немецком и русском языках. Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 3. С. 735–739.

13. *Философский энциклопедический словарь* // URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--p1ai/> (дата обращения: 5.02.20).

14. *Хомяков Е.Г., Петухов Т.И.* Лингвокультурология: истоки и проблемы, СПб.: филологический факультет, 2014. 76 с.

15. *Цветкова Н.А.* Семантическая интерпретация фильмонимов. М., 2017, 127 с.

16. *Dynel M.* Stranger than Fiction? A Few Methodological Notes on Linguistic Research in Film Discourse. // *Brno Studies in English* 37.1. Brno: Masaryk University Press, 2011. 41–61 с.

17. *Sakaeva L.R., Yalalova R.R.* Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - health in the English, German and Russian languages. *Life Science Journal*. 2014. Т. 11. № 5. С. 547–550.

References

1. Arnold, A.V. (2010). *Semantika. Stilistika, Intertekstualnost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. М.: LIBROKOM, 448s. (In Russian)

2. Barhudarov, L.C (1975). *Yazik I perevod* [Language and translation. Questions of general and private theory of translation]. М., 239 s. (In Russian)

3. Belezkiy, A.A. (1972). *Leksikologiya I teoriya yazikoznaniya* [Lexicology and theory of linguistics (onomastics)]. Kiev, 217 s. (In Ukrainian)
4. Komissarov, V.N. (1990). *Teoriya perevodov (lingvisticheckiy aspekt): Ychebn. dlya in-to i fact. Inodtranniy yazik* [Translation theory (linguistic aspects): Textbook. for in-to and fact. Foreign lang] M.; Vishaya shkola, 253 s. (In Russian)
5. Lamzina, A.V. (1998). *Vedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literature]. M., 27 s. (In Russian)
6. Lebedev, S.A. (2007). *Nauchnaya kartina mira v yeye razviti* [The scientific picture of the world in its development]. M., 25 s. (In Russian)
7. Nikonov, N.V. (1999). *Voprosy onomastiki* [Questions onomastics]. Ekaterinburg, S. 51 – 54. (In Russian)
8. Petrova, N.YU. (2009). *Nazvaniya angliiskikh dramaturgicheskikh proizvedeniy v kognitivnoy perspective. Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Titles of English and dramatic works in a cognitive perspective. Cognitive Linguistics Issues]. M. S. 35 – 41. (In Russian)
9. Podolskaya, N.V. (1998). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii, 2-e izdanie* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology, 2nd ed]. M., S. 42–46. (In Russian)
10. Podimova, Y.N. (2006). *Nazvaniya filmov v strukturno-semanticheskom I funktsionalno-progmaticheskom aspektah: dis. ... kand. filol. nauk* [The names of films in the structural-semantic and functional-pragmatic aspects]: dis. ... cand. philol. of sciences. Maikop, 205 s. (In Russian)
11. Sakaeva, L.R. (2008). *Pozitivnye somaticheskie fraseologicheskie edinizi s komponentom “golova” v russkom, angliyskom I tadgikskom yazikah* [Positive somatic phraseological units with the head component in Russian, English and Tajik languages]. Vestnik Chuvashskogo universiteta. № 1. S. 214–218. (In Russian)
12. Sakaeva, L.R., Fatkullina, F.G., Yalalova, R.R. (2017). *Strukturno-grammaticheskaya kharakteristika substantivnih I adyektivnih frazeologicheskikh ediniz, kharakterizuyushih bolezni – zdorovie v angliyskom, nemezkom I russkom yazikah* [Structural and grammatical characteristics of substantive and adjective

phraseological units characterizing the disease - health in English, German and Russian]. Vestnik Chuvashskogo universiteta. T. 22. № 3. S. 735–739. (In Russian)

13. Filosofskiy enciclopedicheskiy slovar [Philosophical Encyclopedic Dictionary] // URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--p1ai/> (accessed: 5.02.20). (In Russian)

14. Homyikov, E.G., Petuhov, T.I. (2014). *Lingvokulturologiya: istoki problem* [Linguoculturology: origins and problems], Spb., 76 s. (In Russian)

15. Zvetkova, N.A. (2017). *Semanticheskaya interpretatsiya filmonimov* [Semantic Interpretation of Film Names]. M., 127 s.

16. Dynel, M. (2011). *Stranger than Fiction? A Few Methodological Notes on Linguistic Research in Film Discourse. // Brno Studies in English 37.1*. Brno: Masaryk University Press, S. 41–61. (In English)

17. Sakaeva, L.R., Yalalova, R.R. (2014). *Strukturno-grammaticheskaya kharakteristika substantivnih I adyektivnih frazeologicheskikh ediniz, kharakterizuyushih bolezni – zdorovie v angliyskom, nemezhkom I russkom yazikah*. Life Science Journal. T. 11. № 5. S. 547–550. (In English)

Авторы публикации

Сакаева Лилия Радиковна –
доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: liliasakaeva@rambler.ru

Ермоленко Алена Юрьевна –
аспирант
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: alenaermolenko1995@mail.ru

Authors of the publication

Sakaeva Liliya Radikovna –
Doctor of Philology, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: liliasakaeva@rambler.ru

Ermolenko Alena Yuryevna – aspirant
Kazan Federal University
Kazan, Russia.
Email: alenaermolenko1995@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ**(на материале видеоигр)***Д.К. Саяхова**dsayakhova@gmail.com**Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются лингвокультурологические и лингвопрагматические особенности перевода текстовой и аудиовизуальной информации при локализации видеоигр. Актуальность темы связана с широтой распространения видеоигр в современном мире и необходимостью углубленного изучения активных языковых процессов в различных видах переводческой деятельности, а также с тем, что компьютерные игры впервые стали всерьез рассматриваться учеными как область культуры, чем и привлекли внимание лингвистов. Особое внимание уделяется лингвокультурной адаптации, под которой понимается процесс приспособления иностранного текста к культуре языка перевода. Лингвокультурный компонент является неотъемлемой частью локализации, так как для успешного проведения процесса продукт должен быть адаптирован к картине мира потребителей. В результате лингвокультурного анализа были выявлены группы элементов, которые чаще всего представляют собой трудности в адаптации.

Ключевые слова: лингвокультура; дискурс видеоигр; локализация; адаптация; переводческая стратегия; лингвокультурный компонент.

Для цитирования: Саяхова Д.К. Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале видеоигр). *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 52–63. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.52-63.

LINGUOCULTURAL ADAPTATION OF A TEXT IN TRANSLATION**(on the material of video games)***D.K. Sayakhova**dsayakhova@gmail.com**Bashkir State University, Ufa, Russia*

Abstract. In the framework of this article, linguo-cultural and linguo-pragmatic features of the translation of textual and audiovisual information in the localization of video games are considered. The relevance of the topic is associated with the widespread distribution of video games in the modern world and the need for an in-depth study of active language processes

in various types of translation activities, as well as the fact that computer games were first seriously considered by scientists as an area of culture, which attracted the attention of linguists. Particular attention is paid to linguocultural adaptation, which is understood as the process of adapting a foreign text to the culture of the target language. The linguistic and cultural component is an integral part of localization, since for a successful process to take place; the product must be adapted to the picture of the world of consumers. As a result of linguocultural analysis, groups of elements were identified that most often represent difficulties in adaptation.

Keywords: linguistic culture; video game discourse; localization; adaptation; translation strategy; linguistic and cultural component.

For citation: Sayakhova D.K. Linguocultural adaptation of a text in translation (on the material of video games). *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 52–63. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.52-63.

Исследование дискурса видеоигр является достаточно новым направлением в современной науке. Его появление традиционно отсчитывается от 2001 г., когда вышел первый номер международного онлайн-журнала *Game Studies*. Впервые указанный вид дискурса был охарактеризован норвежским исследователем Эспеном Арсетом [12]. Он указал, что компьютерные игры впервые стали всерьёз рассматриваться учеными как область культуры, значимость которой сложно переоценить, поскольку появление сайтов позволило расширить рынок сбыта и выйти на международную арену. Новый продукт необходимо было адаптировать для множества стран, и поэтому в 90-е годы появляется новое направление в переводе – локализация.

Локализация получает всё большее распространение в связи с развитием информационных технологий, всё возрастающим количеством разнообразного софта, веб-сайтов, компьютерных игр и с потребностью в их переводе. Именно благодаря этому локализация привлекла внимание многих лингвистов и исследователей в области языкознания, которые стали заниматься изучением её особенностей и различных переводческих стратегий, чтобы вывести перевод на новый уровень.

В настоящее время указанный термин существует в широком и узком значении. В широком смысле под локализацией понимается сама индустрия, возникшая на основе процесса. В узком же смысле локализация – это «комбинирование языка и технологии для получения результата,

способного преодолеть культурный и лингвистический барьеры» и «услуги и технологии для обеспечения многоязычия потоку цифровой информации» [2].

В рамках изучения локализации учёные нередко затрагивают темы глобализации и интернационализации, считая их непосредственной частью процесса. Сами термины происходят из маркетинга, так как эти процессы раньше относились исключительно к продвижению продуктов на мировой рынок. В конце 1980-годов, с возникновением необходимости перевода компьютерных программ на множество языков, термины были переосмыслены и получили новые значения, связанные с лингвистикой.

Первый элемент – глобализацию – LISA определяет следующим образом: «Globalization addresses the business issues associated with taking a product global. In the globalization of high-tech products this involves integrating localization throughout a company, after proper internationalization and product design, as well as marketing, sales, and support in the world market» (2 рум, localization²⁰ and linguistics) [3]. В широком значении, глобализация – это процесс, ведущий к объединению культурных, политических, экономических, социальных норм, создающий единую систему, которая действует по одним правилам. Глобализация достигается путём торговли, коммуникаций и тесных контактов между культурами. Ведущим фактором при этом является международная торговля и мировой рынок. Для получения большей прибыли организации выходят за пределы рынка своей страны и налаживают международные поставки, превращаясь в огромные мировые корпорации.

Интернационализация, по определению LISA, это «the process of generalizing a product so that it can handle multiple languages and cultural conventions without the need for redesign. Internationalization takes place at the level of program design and document development» [13]. Как видим из этого определения интернационализация является подготовкой к локализации продукта, изменяя его так, чтобы продукт возможно было впоследствии сделать приемлемым для множества языков.

Интернационализация представляет собой «нейтрализацию» продукта: избавление от черт, присущих культуре, в которой он создавался. В процессе «нейтрализации» получается уже новый текст, так называемая «интерлингва», которая впоследствии становится локализуемым текстом.

Впервые об интернационализации задумалась в 1990 году компания Microsoft: локализация операционной системы на каждый язык отдельно обходилась очень дорого. Тогда компания решила удалить элементы, присущие американскому рынку, и отдать получившийся текст на перевод на другие языки. Это значительно упростило и удешевило процесс, поэтому этап интернационализации повсеместно применяется при локализации.

В настоящее время в рамках локализации понимание интернационализации претерпело некоторые изменения. Так, А. Пашутина предлагает следующее определение этого процесса: «это такой способ проектирования программного обеспечения, при котором возможность многоязыковой поддержки закладывается с самого начала» [6]. Это проектирование состоит из двух аспектов:

1) *Техническое планирование*. На стадии разработки продукт должен быть спланирован так, чтобы национально-зависимая часть хранилась отдельно и была доступна для локализации без дополнительной переработки и перекомпиляции продукта [6].

2) *Создание изначально интернационализованного продукта*. Чаще всего «интерлингвой» для локализуемых проектов становится английский язык, прочно зарекомендовавший себя как язык международной коммуникации. Многие компании стремятся изначально создавать проекты на английском языке, таким образом закладывая возможность многоязыковой поддержки для дальнейшей локализации и упрощая процесс: локализаторов с английского языка найти гораздо проще и дешевле, к тому же качество их работы выше, что сокращает время на поиск необходимых кадров.

Однако необходимость интернационализации ограничивается не только экономией бюджета и времени. Большинство локализаторов считает,

что качество локализации продукта напрямую зависит от того, насколько хорошо он был интернационализирован. Более того, если интернационализация была проведена плохо, локализовать этот продукт не получится.

Но для чего продукт локализуется на множество языков, если можно остановиться на интернационализации? Дело в том, что, несмотря на международный статус английского языка, он является родным только для 35,2% пользователей Интернета, в то время как 43% пользователей не владеют английским. К тому же, исследования показали, что 75% пользователей предпочитают вести дела с компаниями, сайты которых локализованы на язык пользователя, причём качество локализации в этом случае также играет не последнюю роль. То есть, чем лучше локализован сайт – тем больше к нему доверия.

Энтони Пим считает, что интернационализация и локализация – два понятия, включаемых в глобализацию и обеспечивающих её существование [14]. Для того чтобы «глобализовать» продукт, вывести его на мировой рынок, необходимо сначала подготовить его, избавиться от элементов, присущих конкретной языковой среде, сделать интернациональным. Далее начинается этап локализации: продукт переводится на другие языки, а его элементы адаптируются для конкретной аудитории.

Особым направлением локализации является перевод видеоигр, производство которых также набирает всё больший оборот. Локализации подвергаются многочисленные элементы, встречаемые в тексте: названия игры, имена собственные, выдуманные слова и выражения, метафоры или единицы, не имеющие равнозначных аналогов в других языках, перевод которых в некоторых случаях требует особенного мастерства и творческого подхода.

Одной из основных целей локализации является лингвокультурная адаптация видеоигр, или передача культурной информации при переводе [1].

Под лингвокультурной адаптацией понимается процесс приспособления иностранного текста к культуре языка перевода. Лингвокультурный компонент является неотъемлемой частью локализации, так как для успешного проведения

процесса продукт должен быть адаптирован к картине мира потребителей и восприниматься не как переведённый продукт, а как «свой», созданный на территории данной культуры.

На первый взгляд, большинство лингвистов считают, что особенностью локализации является именно лингвокультурная адаптация, исключая техническую часть процесса. Мы полагаем, что в этом случае концепт локализации не привносит ничего нового, так как лингвисты размышляют о «языке и культуре» или «культурном компоненте» уже на протяжении 30 лет [10; 11]. Язык и культура тесно связаны между собой, язык формирует картину мира говорящего и отражает его культуру. Перевод без культурного контекста невозможен, поэтому переводчик занимается не только переводом, но и культурной адаптацией текста, так что рассматривать эти два понятия по отдельности невозможно.

Локализаторам постоянно приходится сталкиваться с проблемами культурной адаптации некоторых элементов. Так, можно выделить несколько групп элементов, которые чаще всего представляют собой трудности в адаптации [5; 8; 9]:

1. *Цвета*. Различия в значениях цветов в разных культурах широко известны: так, многие знают, что в Японии символом траура является белый цвет, а не чёрный. Особенное внимание к цветам следует уделить при локализации веб-сайтов: от правильно подобранной палитры зависит посещаемость сайта. Например, предупредительные надписи, сделанные красным цветом, не подойдут для Китая – для китайцев этот цвет символизирует богатство и процветание.

Вопросом о значении цветов и его влиянии на локализацию задались довольно давно. Ещё 2011 году компания Adobe создала презентацию о локализации цветов: «Localizing Images: Cultural Aspects and Visual Metaphors», в которой подробно описаны значения того или иного цвета в разном культурном контексте» [5]. Поэтому в настоящее время для опытного

локализатора не составляет проблем правильно интерпретировать и локализовать цвет.

2. *Человек.* С изображением человека могут возникать некоторые трудности. Проблемы половой, расовой или этнической принадлежности могут быть остро восприняты в той или иной культуре.

Помимо изображения человека, трудности могут возникнуть с изображениями жестов. Интерпретируемый в одной культуре определённым образом, в другой культуре тот же жест может восприниматься совершенно иначе. Поэтому руководства по локализации рекомендуют не использовать ни изображения человека, ни жесты, чтобы избежать возможные недопонимания.

3. *Животные и растения.* Некоторые животные или растения также несут в себе определённый смысл и являются символами человеческих качеств. Так, петух – символ Франции и боевого духа в современной российской культуре приобретает негативную коннотацию.

4. *Политика.* Тема политики в обыденной жизни является почвой для извечных споров, поэтому при локализации стоит избегать политически неоднозначных моментов. Флаги, спорные территории, выдающиеся политические фигуры – данные элементы не должны мешать потребителю и задевать его политические убеждения.

5. *Религия.* Ещё одной спорной темой является религия. Необходимо как избегать использование религиозных символов, так и следить затем, чтобы используемые изображения не были неправильно истолкованы.

6. *Системы измерения, дата и время.* Культурные изменения затрагивают и системы измерений. Система мер в Соединённых Штатах и Великобритании отличается от привычной метрической системы. Поэтому при локализации продуктов необходимо конвертировать единицы объёма, длины, веса, температуры: унции и фунты превращать в граммы и килограммы, футы и мили – в метры и километры и т. д. Более того, написание крупных чисел (тысяча, миллион) или десятичных дробей может варьироваться: в английской традиции дробную часть числа отделяют точкой (0.5), а запятая

нужна для разделения разрядов крупных чисел (1,000; 1,000,000). Стоит также обратить внимание на написание даты: известно, что в США сначала пишется число месяца, затем день и, наконец, год (12.27.2019). В России в формате используются точки (27.12.2019), а во Франции – косая черта (27/12/2019) [5; 6].

7. *Реалии*. Самый очевидный и многочисленный вид элементов, который может включать в себя все предыдущие виды. Но здесь рассмотрим остальные реалии, которые нельзя классифицировать ни в один из представленных видов. Сюда относятся характерные для определённой культуры изображения, звуки. Ярким примером послужит следующий отрывок из руководства Microsoft: «В ранних вариантах интерфейса почту обозначали с помощью типового для сельской Америки почтового ящика. В США этот вариант был уместен, поскольку многие пользовались подобными ящиками с детства. Но в Европе, увидев картинку, стали живо интересоваться, что общего у почты с хлебницей на палке. Поэтому был выбран другой вариант, сохранившийся до сих пор – контуры почтового конверта» [2, С.25].

Лингвокультурная адаптация применяется переводчиками не только в традиционных видах перевода, но и является неотъемлемой частью процесса локализации. «Первым шагом в разработке готового к интернационализации приложения должно стать выделение всей информации, связанной с культурными особенностями» [13]. Преследуя цель адаптировать перевод для иноязычной аудитории и сделать продукт как можно более привлекательным для конкретного рынка, производители стараются учесть все лингвокультурные особенности страны и сталкиваются с задачами, требующими различных переводческих или технических решений.

Таким образом, локализация видеоигр интересна тем, что, не ограничиваясь переводом текста с одного языка на другой, требует учитывать еще и дополнительные моменты, важные для представителей той или иной культуры.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 20-012-00136

Литература

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 352 с.
2. *Ачкасов А.В.* Индустрия локализации и подготовка переводчиков // Индустрия перевода. 2016. №1. С. 13–19.
3. *Богданова К.В.* Англоязычный дискурс ролевых видеоигр: интертекстуальный аспект // Рема. 2017. №2. С. 27–40.
4. *Епифанова А.Б.* Локализация и роль перевода в процессе локализации / А.Б. Епифанова, Ю.Г. Комиссарова, С.В. Ремизова // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация, дискурс травелога: материалы XVIII научно-практической конференции. Екатеринбург, 2017. С. 28–32.
5. *Зайцева О.* Проблемы культурной адаптации [электронный ресурс] // JustTranslateIt! 2015. // URL: <https://ru.just-translate-it.com/problemykulturnoj-adaptacii/> (датаобращения: 18.06.2018).
6. *Пашутина А.* Локализация компьютерных игр: суть, проблемы и решения [Электронный ресурс] // PSXPlanet. Русская Энциклопедия игр PlayStation, 2012. // URL: <http://psxplanet.ru/?q=node/3714> (дата обращения: 22.12.2016).
7. *Сакаева Л.Р.* Позитивные соматические фразеологические единицы с компонентом «голова» в русском, английском и таджикском языках. Вестник Чувашского университета, 2008, № 1. С. 214–218.
8. *Саяхова Д.К., Фаткуллина Ф.Г.* Лингвопрагматические особенности перевода видеоигр: fans' translation(fanlation) // Вестник Башкирского университета. 2019, Т. 24, № 4.
9. *Фаткуллина Ф.Г., Салимова Л.М., Саяхова Д.К.* Лингвокультурологический подход к изучению текстов массмедиа // Казанская наука, № 10, 2019. С. 61–64.
10. *Kazantseva E.A., Fatkullina F.G., Valiakhmetova E.K., Anokhina S.Z., Sayakhova D.K.* Modern Academic Discourse: a Psycholinguistic Portrait of the

Main Participants // Modern Journal of Language Teaching Methods, Vol. 8, Issue 12, (12- 2018), pp.260–269.

11. *Sakaeva, L.R, Yahin, M.A., Mensah, D, Fatkullina F.G.* The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian // *Opcion*, volume 3, issue Special Issue 23, 2019, p. 433 – 447/ SCOPUS10121587-2019-35-23-SID85076753048. // URL:

<https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/30054> /ISSN: 1012-1587/ ISSNe 2477-9385

12. *Game Studies* // URL: <http://gamestudies.org/0101/editorial.html>).

13. Just Translate It! // URL: <https://ru.just-translate-it.com/problemy-kulturnoj-adaptacii/>

14. *Pym A.* Localization and Linguistics [Электронный ресурс] /ResearchGate, 2001. // URL:

https://www.researchgate.net/publication/228937630_Localization_and_Linguistics

15. *Sakaeva L.R., Yalalova R.R.* Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - health in the English, German and Russian languages. *Life Science Journal*, 2014, T. 11. № 5. Pp. 547–550.

References

1. *Alekseeva, I.S.* (2004). *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation introduction]: ucheb. posobie dlia stud. filol. i lingv, fak. vyssh. ucheb. zavedenii. St-Petersburg.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 352 p. (In Russian)

2. *Achkasov, A.V.* (2016). *Industriya lokalizacii i podgotovka perevodchikov* [Localization industry and translator training]// *Industriya perevoda*. №1. Pp. 13–19. (In Russian).

3. *Bogdanova, K.V* (2017). *Angloyazychnyj diskurs rolevykh videoigr: intertekstual'nyj aspekt* [English-language discourse of role-playing video games: intertextual aspect] // *Rema*. №2. Pp. 27–40. (In Russian).

4. *Epifanova, A.B.* (2017). *Lokalizaciya i rol' perevoda v processe lokalizacii* / A.B. Epifanova, YU.G. Komissarova, S.V. Remizova [Localization and

the role of translation in the localization process] // *Lingvistika, perevod, mezhkul'turnaya kommunikaciya, diskurs traveloga: materialy XVIII nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ekaterinburg. Pp. 28–32 (In Russian).

5. Zajceva, O. (2018). *Problemy kul'turnoj adaptacii* [Problems of Cultural Adaptation] // Just Translate It! 2015. // URL: <https://ru.just-translate-it.com/problemykulturnoj-adaptacii/>. (In Russian).

6. Pashutina, A. (2012.) *Lokalizaciya komp'yuternyh igr: sut', problemy i resheniya* [Localization of computer games: the essence, problems and solutions] // PSX Planet. Russkaya Enciklopediya igr PlayStation, URL: <http://psxplanet.ru/?q=node/3714>. (In Russian).

7. Sakaeva, L.R. (2008). Pozitivnye somaticheskie frazeologicheskie edinit'sy s komponentom «golova» v russkom, angliiskom i tadjihskom yazykakh. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, № 1, S. 214–218. (In Russian).

8. Sayahova, D.K., Fatkullina F.G. (2019). *Lingvopragmaticheskie osobennosti perevoda videoigr: fans' translation (fanlation)* [Linguo-pragmatic features of video game translation: fans' translation (fanlation)] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. T. 24, № 4. (In Russian).

9. Fatkullina, F.G., Salimova L.M., Sayahova D.K. (2019). *Lingvokul'turologicheskij podhod k izucheniyu tekstov massmedia* [Linguoculturological approach to the study of mass media texts] // *Kazanskaya nauka*, № 10, pp. 61–64. (In Russian).

10. Kazantseva, E.A., Fatkullina, F.G., Valiakhmetova, E.K., Anokhina, S.Z., Sayakhova, D.K. (2018). Modern Academic Discourse: a Psycholinguistic Portrait of the Main Participants // *Modern Journal of Language Teaching Methods*, Vol. 8, Issue 12, (12- 2018), pp.260–269.

11. Sakaeva, L.R., Yahin, M.A., Mensah, D, Fatkullina, F.G. The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian // *Opcion*, volume 3, issue Special Issue 23, 2019, p433-447/ SCOPUS10121587-2019-35-23-SID85076753048. //

<https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/30054> /ISSN: 1012-1587/ ISSNе 2477-9385

12. Game Studies // URL: <http://gamestudies.org/0101/editorial.html>).

13. Just Translate It! // URL: <https://ru.just-translate-it.com/problemy-kulturnoj-adaptacii/>

14. Рум, А. (2001). Localization and Linguistics [Электронный ресурс] /ResearchGate, 2001. // URL: https://www.researchgate.net/publication/228937630_Localization_and_Linguistics

15. Sakaeva L.R., Yalalova R.R. (2014). Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease – health in the English, German and Russian languages. Life Science Journal, T. 11. № 5. Pp. 547–550.

Автор публикации

*Саяхова Динара Камилевна –
преподаватель
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия.
Email: dsayakhova@gmail.com*

Authors of the publication

*Sayakhova Dinara Kamilevna –
Lecturer
Bashkir State University
Ufa, Russia
Email: dsayakhova@gmail.com*

СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПО ФИЗИКЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Н.А. Сигачева, А.Р. Баранова
nsigacheva@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена динамичным развитием науки и техники, необходимостью публикаций научных работ и технической документации на английском языке. В то же время возникают трудности при переводе научно-технических текстов. Эта статья направлена на выявление грамматических структур в профессиональных статьях, которые трудно перевести. Ведущий подход к исследованию этой проблемы – анализ грамматических явлений в английском языке. Основным результатом исследования является выявление возможных ошибок при переводе грамматических структур и разработка рекомендаций по их переводу. Материалы статьи могут быть полезны преподавателям английского языка в профессиональной сфере, студентам-физикам и переводчикам, занимающимся переводами научно-технической литературы.

Ключевые слова: перевод, английский язык, профессиональный текст, грамматическая структура, термин.

Для цитирования: Сигачева Н.А., Баранова А.Р. Сложности перевода профессиональных текстов по физике с английского языка на русский. Казанский лингвистический журнал. 2020; 1 (3): 64–73. (на англ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.64-73.

DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF PROFESSIONAL TEXTS ON PHYSICS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

N.A. Sigacheva, A.R. Baranova
nsigacheva@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The relevance of the investigated problem is caused by the dynamic advancement of science and techniques, need of publications of scientific works and technical documentation in English. At the same time there are difficulties in translation of scientific and technical texts. This article is focused on identifying grammatical structures in professional articles that are difficult to translate. The leading approach to the research of this problem is the analysis of grammatical phenomena in the English language. The main result of the research is the identification of possible mistakes in translation of grammatical structures and developed recommendations for their translation. The materials of the article may be useful for English teachers in the professional field, Physics students and translators involved in translating scientific and technical literature.

Keywords: translation, English, professional text, grammar structure, term.

For citation: Sigacheva N.A., Baranova A.R. Difficulties in translation of professional texts on Physics from English into Russian. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 64–73. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.64-73.

The role of the English language in many areas of modern society is increasing with the improvement of science and technology and the constant exchange of information, so more and more correct interpretation of scientific and industrial texts is required. Many Russian scientists are working on the problem of the specifics of translation of scientific and technical texts. So, for example, E.S. Yasnitskaya considers grammatical phenomena and provides some algorithm for overcoming the problem under consideration [4]. L.A. Konyayeva explores the main difficulties of professional translation and lists the main requirements for competent interpretation of texts [1]. I.V. Shcherbakova focuses on the lexical aspect of the translation of professional literature. Among other domestic researchers are L.R. Sakaeva, N.A. Sigacheva, A.R. Baranova [2; 7]. Foreign scientists are also engaged in the specifics of translating scientific and production texts from English. Ali R.A. Al-Hassnawi in his work “Aspects of Scientific Translation. English into Arabic Translation as a Case Study” describes the difference between scientific literary articles. The specifics of the scientific and technical style, the difficulties of translating grammatical phenomena and the peculiarities of training technical translators are analyzed in studies “Peculiarities of scientific and technical translation” [5] and “Peculiarities of foreign scientific literature” [6]. At the same time, the problem of translating texts on Physics has not been sufficiently studied. The purpose of this article is to identify difficulties in translating professional texts on Physics from English into Russian. To achieve the goal, we analyzed grammatical structures in scientific texts. Such methods of scientific research, as the study of scientific literature on the topic of the work, analytical method and method of classification were applied.

Scientific and industrial texts are characterized by the presence of special terms specific to this branch of knowledge. Scientists have determined that the scientific and technical style is characterized by strictness of presentation, impersonality

and lack of emotionality [6, P. 1]. Modern professional texts are compiled only with the use of grammatical structures and norms that are stable in English written language. Translators often meet passive, impersonal and indefinite-personal constructions, as well as inversion and change of the sequence of words in a sentence, with the help of which logical selection is performed. E.S. Yasnitskaya notes that the scientific text consists mainly of complex sentences, in which nouns, adjectives and non-personal forms of verbs predominate [4, P. 2]. Often in scientific articles you can find sentences in which there is no predicate or subject.

The major difficulty of professional translation is the need to combine the knowledge of a foreign language and the relevant field of science or technology. The main uniqueness of the modern stage of scientific and technical improvement is the interpenetration of terms from one discipline into another. Another specificity of the interpretation of texts, according to I.V. Shcherbakova, is the continuous development, the emergence of new technologies, and, as a consequence, the emergence of many new terms and abbreviations [3, P. 5]. Correct interpretation of scientific and technical texts should be equivalent, adequate, informative, logical and clearly stated. For a more accurate translation, a translator needs to have a certain lexical reserve, including special terminology. Knowledge of specific grammatical structures of the English language, as well as lexical, grammatical and stylistic rules of translation is required. The translator must be able to use the dictionary and navigate in the appropriate discipline. As noted by L.A. Konyaeva, the correct translation will be able to be performed only by translators who know the subject area and its terminology well, are sufficiently fluent in a foreign language and are able to competently express their thoughts in the appropriate language while preserving the essence and style of the original text [1, P. 2].

As mentioned above, a common characteristic of scientific and industrial literature is the existence of highly specialized terms. The first difficulty that a translator may face is ambiguity, that is, terms can have different meanings in different areas of science and technology or even within the same branch of knowledge. For example:

1. Wave – «волна, колебание, взмах, сигнал, волнистость».
2. Light – «свет, огонь, освещение, озарение, видимость, лампа, фонарь, светофор, окно».
3. Potential – «потенциал, напряжение, возможность».
4. Field – «поле, область, пространство, сфера деятельности».
5. Intensity – «интенсивность, напряженность, яркость, глубина».

Terms formed by adding words can cause difficulties as well: electromagnetism – electricity and magnetism; wavelength – wave and length.

The next problem that may arise during translation is the translation of grammatical structures. The material for this study was a textbook on Physics by Christopher Schiller “Motion Mountain. The Adventure of Physics – Vol. III”. As a result of the study, such grammatical phenomena as complex sentences, participial circulation, passive voice, impersonal or indefinite-personal sentences and deviation from the direct word order, are most often met in the text. When translating such grammatical structures, it is necessary to remember the rules of correct translation:

1. If in the sentence the predicate is in front of the subject, a simple inversion occurs. In this case, the translation must leave the word order of the English sentence.

2. When translating the verb in the passive voice, it is important to remember that such sentences emphasize the action itself, and when translated into Russian, it is necessary to use active forms of the verb.

3. In English, the pronouns *one*, *you*, *they* and *it* play the role of subjects in indefinite-personal sentences. When translated into Russian, these pronouns are not translated.

4. Participial phrases should be translated as subordinate clauses, using subordinating conjunctions. In English there are no similar unions, however independent participial phrases can be entered by pretexts of *with*, *on* which are not translated.

Table 1 contains examples of the most common grammatical structures in scientific and technical texts, their erroneous and correct translation.

TRANSLATION OF GRAMMATIC CONSTRUCTIONS
IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS

	Grammar Construction	Example	Translation
	Complex sentences	<p>In particular, when ions inside the Earth move due to heat convection, they produce the Earth's magnetic field.</p>	<p><u>Wrong:</u> В частности, когда ионы внутри Земли двигаются, чтобы нагреть конвекцию, они создают магнитное поле Земли. <u>Correct:</u> В частности, когда ионы внутри Земли движутся из-за тепловой конвекции, они создают магнитное поле Земли.</p>
<p>When the ions high up in the atmosphere are moved by solar wind, a geomagnetic storm appears; its field strength can be as high as that of the Earth itself.</p>		<p><u>Wrong:</u> Когда ионы высоко в атмосфере движутся солнечным ветром, появляется геомагнитная буря; сила его поля может быть такой же, как у самой Земли. <u>Correct:</u> Когда ионы высоко в атмосфере перемещаются благодаря солнечному ветру, возникает геомагнитная буря; ее напряженность поля может быть такой же высокой, как и у самой земли.</p>	
<p>More precisely, if we know where charges are and how they move, we can determine the electromagnetic field F that they generate.</p>		<p><u>Wrong:</u> Точнее, если мы знаем, где и как движутся заряды, мы можем определить электромагнитное поле F, что они генерируют. <u>Correct:</u> Точнее, если мы знаем, где находятся заряды и как они движутся, мы можем определить электромагнитное поле F, которое они генерируют.</p>	
	Participial	<p>Describing charge as a scalar quantity reproduces the behavior of electrical charge in all everyday situations.</p>	<p><u>Wrong:</u> Описывающий заряд, как скалярная величина воспроизводит характер электрического заряда во всех повседневных ситуациях. <u>Correct:</u> Описание заряда как скалярной величины воспроизводит поведение электрического заряда во всех повседневных ситуациях.</p>

		<p>For situations involving matter, fields can indeed be distinguished with their sources.</p>	<p><u>Wrong:</u> В ситуациях, связанных с материей, поля действительно можно различать с их источниками. <u>Correct:</u> Для ситуаций, связанных с материей, поля действительно можно отличить по их источникам.</p>
		<p>Rubbing a plastic spoon with a piece of wool charges it.</p>	<p><u>Wrong:</u> Натирающий пластиковую ложку кусок шерсти заряжает его. <u>Correct:</u> Натирание пластиковой ложкой куска шерсти заряжает его.</p>
Passive voice		<p>Charge is thus defined by comparing it to a standard reference charge.</p>	<p><u>Wrong:</u> Заряд определил способ сравнения его со стандартным эталонным зарядом. <u>Correct:</u> Таким образом, заряд определяется путем сравнения его со стандартным эталонным зарядом.</p>
		<p>Because all experiments with electric charge can be explained by calling the two charges positive and negative, we deduce that some bodies have more and some less charge than an uncharged, neutral body.</p>	<p><u>Wrong:</u> Поскольку все эксперименты с электрическим зарядом могут быть объяснены, называя два заряда положительным и отрицательным, мы заключаем, что некоторые тела имеют больший, а некоторые меньший заряд, чем незаряженное, нейтральное тело. <u>Correct:</u> Поскольку все эксперименты с электрическим зарядом можно объяснить, назвав два заряда положительным и отрицательным, мы делаем вывод о том, что некоторые тела имеют больший заряд, а некоторые – меньший, чем незаряженное, нейтральное тело.</p>
		<p>Today Hertz's experiment can be repeated in a much simpler way.</p>	<p><u>Wrong:</u> Сегодня эксперимент Герца может повторять более простой путь. <u>Correct:</u> Сегодня эксперимент Герца можно повторить гораздо проще.</p>

Impersonal and indefinite-personal sentences	It was known for a long time that flowers are often negatively charged.	<p><u>Wrong:</u> Это было известно долгое время, что цветы часто заряжают отрицательно.</p> <p><u>Correct:</u> Давно известно, что цветы часто заряжены отрицательно.</p>
	In 2013, it was shown that bees are able to sense these fields.	<p><u>Wrong:</u> В 2013 году это было показано, что пчелы могут чувствовать эти поля.</p> <p><u>Correct:</u> В 2013 году было показано, что пчелы могут чувствовать эти поля.</p>
	For a long time, it was thought that these neurons were located in the skin above the beak.	<p><u>Wrong:</u> Долгое время это было обдумано, что эти нейроны расположены в коже над клювом.</p> <p><u>Correct:</u> Долгое время считалось, что эти нейроны расположены в коже над клювом.</p>
Deviation from direct word order	To get a clearer idea of electromagnetic waves, we explore their properties.	<p><u>Wrong:</u> Получить идею электромагнитных волн, мы исследуем их свойства.</p> <p><u>Correct:</u> Чтобы получить более четкое представление об электромагнитных волнах, мы исследуем их свойства.</p>
	Only around the year 2000 did Thomas Heimburg and his team discover the way signals propagate in nerves.	<p><u>Wrong:</u> Только 2000 год сделал Томаса Хеймбурга и его команду открывателями пути прохождения сигналов в нервы.</p> <p><u>Correct:</u> Только в 2000-е годы Томас Хеймбург и его команда обнаружили, как сигналы распространяются в нервах.</p>
	Like the Einstein–de Haas effect, the magnitude of the Barnett effect can also be used to determine the gyromagnetic ratio of the electron.	<p><u>Wrong:</u> Как эффект Эйнштейна-де Гааза, магнитуда эффекта Барнетта может также быть использована, чтобы определить гиромагнитное отношение электрона.</p> <p><u>Correct:</u> Как и эффект Эйнштейна – де Гааза, величину эффекта Барнетта также можно использовать для определения гиромагнитного отношения электрона.</p>

Thus, we found the most common errors made by students who are translators-beginners in the translation of grammatical structures in scientific and technical literature. This table can help to avoid them.

Based on the analysis of the scientific and technical text, it can be concluded that the main difficulty arises in translating complex grammatical phenomena. As a result of the study, frequently occurring grammatical phenomena were analyzed and inconsistencies were identified during the translation of scientific and technical texts that may occur in Physics students and translators. Beside knowledge of vocabulary and grammar, the translation of scientific and technical literature requires professional knowledge in a particular field in order to preserve the meaning of the original text.

Литература

1. *Коняева Л.А.* О некоторых трудностях научно-технического перевода // URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-trudnostyah-nauchno-tehnicheskogo-perevoda/> (дата обращения: 26.02.2019)
2. *Сакаева Л.Р., Сигачева Н.А., Баранова А.Р.* Моделирование концентрированного обучения магистров иноязычному деловому общению в университете // Педагогическое образование в изменяющемся мире. Сборник научных трудов III Международного форума по педагогическому образованию. Ответственный редактор А.М. Калимуллин. 2017. С. 162 – 170.
3. *Щербакова И.В.* Особенности перевода технических текстов // URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21712/> (дата обращения: 26.02.2019)
4. *Ясницкая Е.С.* Особенности перевода английской научно-технической литературы // URL:<https://moluch.ru/conf/phil/archive/232/11114/> (дата обращения: 26.02.2019)
5. *Ali R.A. Al'-Khasnavi.* Aspects of Scientific Translation. English into Arabic Translation as a Case Study // URL: <https://ru.scribd.com/document/155797574/Aspects-of-Scientific-Translation/> (accessed:5.03.2019)

6. *Khromova V.S., Mayornikov D.I.* Peculiarities of foreign scientific and technical literature translation // URL: <http://www.irbis-nbuv.gov.ua/> (accessed: 5.03.2019)

7. *Sakaeva L.R., Sigacheva N.A., Baranova A.R.* Modeling of foreign language business communication concentrated training to master degree students // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2017. Vol. 3. P. 736–743.

8. *Shchipacheva D.S.* Peculiarities of scientific and technical translation // URL: http://www.kamts1.kpi.ua/sites/default/files/files/shchypachova_peculiarities.pdf/ (accessed: 5.03.2019)

References

1. Konyayeva, L.A. *O nekotorykh trudnolyakh nauchno-tekhnicheskogo perevoda* [On some difficulties of scientific and technical translation] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotorykh-trudnolyakh-nauchno-tehnicheskogo-perevoda/> (accessed: 26.02.2019). (in Russian)

2. Sakaeva, L.R., Sigacheva, N.A., Baranova, A.R. (2017). *Modelirovanie kontsentrirovannogo obucheniya magistrrov inoyazychnomu delovomu obshcheniyu v universitete* [Modeling of concentrated master's training in foreign language business communication at the university] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v izmenyayushchemsya mire. Sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnogo foruma po pedagogicheskomu obrazovaniyu*. Otvetstvennyi redaktor A.M. Kalimullin. S. 162–170.

3. Shcherbakova, I.V. *Osobennosti perevoda tekhnicheskikh tekstov* [Features of the translation of technical texts] // URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21712/> (accessed: 26.02.2019). (in Russian)

4. Yasnitskaya, Ye.S. *Osobennosti perevoda angliyskoy nauchno-tekhnicheskoy literatury* [Features of the translation of English scientific and technical literature] // URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/232/11114/> (accessed: 26.02.2019). (in Russian)

5. Ali R.A. Al'-Khassnavi. *Aspects of Scientific Translation. English into Arabic Translation as a Case Study*// URL: <https://ru.scribd.com/document/155797574/Aspects-of-Scientific-Translation/> (accessed: 5.03.2019) (In English)

6. Khromova, V.S., Mayornikov, D.I. *Peculiarities of foreign scientific and technical literature translation*// URL: www.irbis-nbuv.gov.ua/ (accessed:5.03.2019). (In English)

7. Sakaeva, L.R., Sigacheva, N.A., Baranova, A.R. (2017). *Modeling of foreign language business communication concentrated training to master degree students* // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Vol. 3. P. 736 – 743. (In English)

8. Shchipacheva, D.S. *Peculiarities of scientific and technical translation*// URL: http://www.kamts1.kpi.ua/sites/default/files/files/shchypachova_peculiarities.pdf/ (accessed: 5.03.2019). (In English)

Авторы публикации

Сигачева Наталья Альбертовна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия.
Email: nsigacheva@mail.ru

Баранова Альфия Рафаиловна–
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия.
Email: baranova.alfiyarafailona@mail.ru

Authors of the publication

Sigacheva Natalya Albertovna –
candidate of
pedagogical sciences, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia.
Email: nsigacheva@mail.ru

Baranova Alfiya Rafailovna –
candidate of
pedagogical sciences, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: baranova.alfiyarafailona@mail.ru

PARTICULARIDADES DEL ESTUDIO DE LAS VARIANTES IDIOMÁTICAS DEL ESPAÑOL

J.A. Piloto Rodríguez
javier1990alberto@gmail.com

Universidad Federal de Kazán, Kazán, Rusia

Resumen. El idioma español es una de las lenguas con mayor diversidad en léxico y pronunciación del mundo. Esta riqueza se basa en la historia de siglos acumulada en cada una de las regiones donde se considera oficial, ya sea de facto o de iure. Esta pluralidad del idioma contrasta notablemente con los programas de estudio empleados en la enseñanza del mismo como lengua extranjera. Este artículo enfatiza en la importancia de reestructurar la enseñanza del español en función de las especificidades de las variantes idiomáticas presentes en el mismo.

Palabras claves: idioma español; enseñanza; idioma extranjero; variantes idiomáticas del español; pedagogía; dialectos; metodología.

Para citar: Piloto Rodríguez J.A. Particularities of the study of the idiomatic variants of Spanish. *Revista lingüística de Kazán*. 2020; 1 (3): 74–84. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.74-84.

PARTICULARITIES OF THE STUDY OF THE IDIOMATIC VARIANTS OF SPANISH

J.A. Piloto Rodríguez
javier1990alberto@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The Spanish language is one of the most diverse languages in vocabulary and pronunciation in the world. This wealth is based on the history of centuries accumulated in each of the regions where it is considered official, either *de facto* or *de iure*. This plurality of the language contrasts sharply with the study programs used in teaching it as a foreign language. This article emphasizes the importance of restructuring the teaching of Spanish based on the specificities of the idiomatic variants present in it.

Keywords: Spanish Language; teaching; foreign language; idiomatic variants of Spanish; pedagogy; dialects; methodology.

For citation: Piloto Rodríguez J.A. Particularities of the study of the idiomatic variants of Spanish. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 74–84. (In Spanish) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.74-84.

El idioma español es la segunda lengua más hablada del mundo según la cantidad de nativos, con unos 442 millones de hablantes. Si adicionamos a aquellos que lo hablan como segunda lengua o con competencias limitadas, la cifra se monta en unos 580 millones de hablantes en total [10, C. 5].

Esta lengua romance proviene del latín vulgar, es decir, del idioma latín “no culto”, hablado por el “*populus*”. Surgió en la península Ibérica, específicamente en la región central de la Hispania, tal y como llamaban los romanos a lo que hoy es España. Con la caída del Imperio Romano la presencia del latín culto fue disminuyendo en favor del latín vulgar, lo que constituyó, junto a los dialectos de las poblaciones originarias de la península, el fundamento de la lengua. Basta con señalar que el idioma español actual cuenta con un 70% de su léxico basado en el latín.

Según la Real Academia Española (RAE), la propia palabra “español” proviene del provenzal “espaingol”, y este del latín medieval “Hispaniolus”, que significa «de Hispania» (España).

Para el siglo VIII, la presencia árabe en España condicionó la creación de dos grandes zonas geográficas, política y culturalmente, delimitadas, lo que incidió enormemente en el devenir de la lengua. Al sur, ocupada por el Imperio Árabe, predominaban los dialectos “mozárabes”, así como las lenguas invasoras: árabe y bereber. En la zona norte, controlada fundamentalmente por los reinos cristianos también se produjeron cambios particulares en cada uno de los territorios, con modalidades como la catalana, la castellana, la gallego-portuguesa, la navarro-aragonesa y la astur-leonesa.

Para el siglo XI se inicia una etapa de asimilación lingüística entre los dialectos románicos del área central. Estos son: el castellano, el navarro-aragonés y el astur-leonés. Con este proceso se fomentará una “nivelación” que permitirá el nacimiento de una lengua común, base para el posterior “español”. Cabe señalar que esta es solo una de las tantas teorías existentes al respecto. Hoy son muchos los filólogos que la sustentan [5, C. 20].

Por otra parte, existen los filólogos que afirman que fue la influencia y la expansión del dialecto castellano lo que llevó a la homogeneización de los demás dialectos en favor de este y con ello el surgimiento del idioma [5, C. 21].

Para finales del siglo XV, con la culminación del proceso de la Reconquista y el inicio de los viajes de descubrimiento y colonización del continente americano, ya podemos encontrar un idioma español muy semejante al que tenemos hoy.

Con esta expansión territorial del imperio, el idioma español se esparció por todo el continente americano y varios países de África. En total son 23 los países que hoy lo utilizan como lengua oficial, ya sea *de iure* o *de facto*. Ellos son: Argentina, Bolivia, Chile, Colombia, Costa Rica, Cuba, Ecuador, El Salvador, Guatemala, Honduras, México, Nicaragua, Panamá, Paraguay, Perú, Puerto Rico, República Dominicana, Sahara Occidental, Uruguay, Venezuela, España y Guinea Ecuatorial.

Entre los países donde no se considera oficial, pero cuenta con más de 100 mil hablantes, se encuentran: Alemania, Andorra, Belice, Francia, Reino Unido, Italia, Rusia, Suecia, Suiza, Marruecos, Israel, Filipinas, Antillas Neerlandesas, Trinidad y Tobago, Estados Unidos, Jamaica, Haití, Canadá, Brasil y Australia.

En un segundo grupo tenemos países y regiones con el español se habla por más del 10% de la población: Aruba, Bahamas, Islas Caimán, Islas Malvinas, Islas Vírgenes de los Estados Unidos, Turcas y Caicos, Gibraltar y la Ciudad del Vaticano.

Como dato interesante, tenemos varias naciones como EE.UU., Brasil, Portugal, Trinidad y Tobago y Belice, donde su enseñanza es obligatoria.

Esta expansión territorial surgió de la mano del proceso de conquista y colonización española iniciada en 1492 [11, C. 45]. La imposición imperial española de su lengua y cultura a los pueblos y naciones existentes en los territorios del continente americano implicó la transformación del propio idioma, quien vio enriquecido su vocabulario, su acento y hasta algunos elementos gramaticales con el pasar de los siglos.

La historia del idioma español está inevitablemente ligada a la historia del Imperio Español (de donde tomara su nombre), desde su surgimiento en el siglo XVI

hasta su caída a finales del siglo XIX. Sin embargo, las transformaciones de la lengua continuaron en el siglo XX y duran hasta el día de hoy.

El proceso de transculturación acontecido cambiaría para siempre la identidad del idioma. Actualmente el español cuenta con innumerables vocablos provenientes del continente americano, lo cual ha enriquecido su léxico.

Palabras como aguacate, chocolate, coyote provienen del náhuatl (México prehispánico), otras como barbacoa, huracán, canoa y tabaco provienen del taíno (Caribe prehispánico). Todas ellas son bien conocidas, incluso, en otros idiomas del mundo [12, C. 420; 9].

Muchas ciudades y regiones también conservan su nombre autóctono o, al menos, una variante españolizada del mismo. Ejemplo de ello son: México, Oaxaca, Camagüey, Taguasco, Ayacucho, Tucumán, etc. Todas ellas presentes a lo largo y ancho del territorio latinoamericano.

A este proceso le adicionamos la musicalización, acento y pronunciación con que cuenta el español en cada una de las distintas regiones y países que lo hablan.

Entre los ejemplos más significativos tenemos la ausencia del sonido “th”, correspondiente a las letras “c” y “z” en la inmensa mayoría de los países latinoamericanos. En ellos estos sonidos se pronuncia de igual manera al que representa la letra “s”. En regiones de la propia España ocurre incluso a la inversa, o sea, un predominio del sonido “th” donde debería pronunciarse “s”.

En amplias regiones de Latinoamérica y del sur de España ocurre el fenómeno de la aspiración o la simple omisión de los sonidos. Ejemplo de ello: “pa’que” en lugar de “parque”; “bojque” en lugar de “bosque”, “cansa’o” en lugar de “cansado”. Así como la fusión de palabras: “pa’que” en lugar de “para que”, “pa’cá” en lugar de “para acá”, etc.

Por lo general, este tipo de diferencias no constituyen un problema serio de comprensión entre los hablantes. Todo lo contrario. Esta diferencia hace que el diapasón musical e intelectual de los hispanohablantes sea mayor que la media en otros idiomas, en tanto que, cada hablante está básicamente preparado para comprender, de antemano, un acento y melodía que no le es propio.

A este fenómeno, junto al del léxico, se le adicionan otros, como por ejemplo el voseo, el cual se define como el uso o no del “vosotros”. Esto produce algunos ligeros cambios gramaticales en la conjugación de los verbos. Sin embargo, para los hablantes nativos esto no constituye un problema, en tanto todos ellos reciben en la escuela, al menos teóricamente, cómo funciona este esquema. Por tanto, están preparados para entender y conjugar de forma natural los verbos.

Países de Latinoamérica, tales como Argentina, Uruguay y Paraguay, se emplea el “vos” en calidad de pronombre informal de segunda persona, a diferencia del “tú” que se emplea mayoritariamente en el resto de las regiones. Según el país y la zona, este “vos” puede utilizarse solo en el lenguaje hablado, o incluso en el escrito. También puede verse como una jerga empleada solo por personas de bajo nivel cultural.

A este caso se le suman las diferencias en el uso de la segunda persona del plural. En España se emplea mayormente el “vosotros”, como variante informal y el “ustedes” para el uso formal. Sin embargo, en América Latina, solo se suele utilizar el “ustedes”, tanto para los casos formales como los informales.

Todos estos cambios han provocado una polémica, viva hasta el día de hoy, acerca de las variantes dialectales del español. Entre muchos autores suele hablarse de “dialectos” o “geolectos” del español. Otros se refieren sencillamente a “variantes idiomáticas”. Ambos términos han sufrido cambios definicionales muy activos en las últimas décadas, por lo que resulta difícil establecer un criterio definitivo.

En este trabajo nos decantamos por el término “variante idiomática”, en tanto “dialecto” implica cambios sustanciales, un desgaje de una lengua (muerta o en uso) con un desarrollo activo propio. En el caso del español, lo que ocurre mayoritariamente es una variabilidad de elementos específicos, influenciada por la condicionante geográfica, pero sin alteraciones sustanciales en la estructura y léxico de la lengua. De este modo, este trabajo asume la propuesta de que el español es una lengua única con variantes idiomáticas, y no con dialectos en cada una de las regiones que lo hablan.

Reconocer al español en toda su riqueza y diversidad es la base de su aprendizaje. Como se ha demostrado hasta aquí en este artículo, no se puede entender al idioma español como una abstracción basada en la mezcla de todas las variantes existentes o en la construcción artificial de un término neutro.

Sin embargo, por lo general, en los programas de estudio del idioma español ha existido una tendencia a la homogeneización de la variante idiomática que se enseña en los manuales y libros de texto. Tanto en el acento, como en el léxico, existe una tendencia al uso de la variante septentrional española como “el español correcto”, “el verdadero español”; en especial la variante madrileña. A su vez se ignora o pasa por alto el resto de las variantes idiomáticas, las cuales, incluso, cuentan como muchos más hablantes.

Debemos recordar que de los 442 millones de nativos del español, solo unos 40 millones usan la variante septentrional de la península ibérica. Los restantes 400 millones viven a lo largo y ancho del continente americano. Solo en México habita casi la cuarta parte del total de hablantes. En el propio EE.UU. viven más hispanohablantes que en España, y ninguno de ellos habla con la variante septentrional ibérica.

De este modo, vemos que se hace necesario enfatizar en la importancia de pluralizar el estudio del idioma español y “desespañolizar” su aprendizaje. Entiéndase por esto último romper el mito del “español verdadero de España”.

En ese propio país existen unas 15 variantes idiomáticas, englobadas en dos grandes grupos: el septentrional y el meridional [1,7].

Dialectos septentrionales: Aragonés, Castellano, Churro, De las zonas catalanófonas y de Cataluña, De la Comunidad Valenciana, De Galicia, Leonés, Riojano y Cántabro.

Dialectos meridionales: Andalúz, Llanito, Extremeño o castúo, Madrileño, Manchego y Murciano.

En el caso de América Latina se identifican cinco zonas fundamentales: las variedades caribeña, mexicano-centroamericana, andina, chilena y rioplatense en América[16, C. 33]. Como bien puede entenderse, cada una de estas regiones se

puede subdividir en las variantes de cada uno de los países que la conforman y estos, a su vez, en sus propias regiones internas.

Un ejemplo muy ilustrativo es la variante caribeña. Esta se divide en las variantes: Caraqueña, Costeña colombiana, Cubana, Dominicana, Panameña y Puertorriqueña.

En mi experiencia como profesor de español como lengua extranjera he podido identificar que uno de los mayores problemas que enfrentan los estudiantes es justamente la discriminación lingüística con que se les enseña el idioma [6; 18]. La mayoría de los estudiantes desconoce el léxico, la pronunciación y las especificidades gramaticales frecuentes en otras áreas geográficas donde el español es lengua oficial.

Entre los fenómenos detectados en los estudiantes tenemos una reticencia al uso del sonido “s” como distintivo de las letras “s”, “c” y “z”, haciendo su mayor esfuerzo por pronunciar siempre el sonido “th”. Para muchos estudiantes rusos este tipo de sonido resulta de difícil pronunciación, por lo que en la mayoría de los casos no dicen “th”, sino “f”. Hacerles entender que es normal y correcto pronunciar “s” en lugar de “th” y que el sonido “f” en lugar de “th” o “s” sí es del todo incorrecto, resulta a la larga un motivo de ralentización o confusión, en especial entre aquellos que cursan ya el segundo, tercero o cuarto curso.

En cuanto al léxico, tenemos en muchos casos una muestra de desdén y desprecio hacia palabras que suelen usarse en América Latina y no en España, la cual entorpece y limita el estudio de la lengua, por no hablar de los rasgos discriminativos que ello incluye.

En varias consultas realizadas con estudiantes de cuarto año, este autor pudo identificar la ausencia total de habilidades en el manejo de las variantes idiomáticas del español más extendidas en regiones de Suramérica, como es el caso de la variante rioplatense (Argentina). Esto resulta incluso un tanto contradictorio, teniendo en cuenta el tamaño de la comunidad rusa en ese país.

Como debe entenderse, este fenómeno viene condicionado por el desconocimiento de los propios estudiantes con respecto a su perfil profesional y sus

posibilidades futuras de empleo. Muchos consideran que España es el único mercado disponible o que vale la pena.

Este hecho nos pone frente el problema de la enseñanza que mutila y segmenta el aprendizaje de la lengua, formando así profesionales semi-cualificados en su profesión. Los estudiantes se aíslan de la realidad diversa y plural del español y se encierran exclusivamente en una de sus variantes, lo cual les crea en su etapa lectiva y profesional grandes problemas, tanto de comprensión como de traducción en los ámbitos informales como formales del uso del idioma.

Así, nos encontramos con la necesidad de reestructurar la enseñanza del español en función de sus variantes idiomáticas, al menos de los grupos más importantes de ellas.

Al revisar los manuales existentes vemos la notable ausencia de las grandes variantes del idioma, la mayoría de ellas presentes en Latinoamérica y EE.UU. Al ser este un problema que se ha acumulado durante muchos años, vemos que los profesores (nativos rusos) arrastran también este problema y lo trasladan a sus alumnos.

Es por ello que este autor recomienda la incorporación al plan de estudio del idioma español como lengua extranjera el uso de manuales que asuman al español como lo que es en realidad: una lengua multinacional, multicultural y con un amplio conjunto de variantes idiomáticas.

Estos libros de texto y materiales utilizados deben contener las explicaciones necesarias referentes a la variedad léxica, especificidades gramaticales y distintos acentos en cada uno de los grandes territorios donde se habla el español. No incluir esto en el programa de estudio es una mutilación grave.

Se recomienda aumentar el uso de textos referentes no solo a la cultura e idiosincrasia de España, sino de todos los países hispanohablantes. Las clases de fonética y audición deben dividirse proporcionalmente según la cantidad y peso de los hablantes por cada una de las regiones donde se habla el español. Para poner un ejemplo, en dicho caso, la variante septentrional ibérica (actualmente usada como

exclusiva en los planes de estudio), se encontraría en un quinto lugar, detrás de la variante mexicana, norteamericana, colombiana y argentina.

A su vez, se recomienda potenciar el intercambio con nativos de cada uno de estos territorios, aumentar las charlas y conferencias y diversificar los materiales didácticos empleados para complementar el estudio básico ofrecido en las horas lectivas.

Como conclusión podemos decir que el estudio del idioma español debe basarse fundamentalmente en el reconocimiento de las características plurales y multinacionales del mismo y luchar contra la homogeneización ficticia que predomina en los actuales programas de estudio.

Si nos basamos verdaderamente en estos aspectos, nos daremos cuenta de que las particularidades del estudio del español estarán condicionadas por la cantidad y el peso de cada una de sus variantes idiomáticas, esparcidas por diversas regiones del mundo. Lograr una reestructuración del programa de estudio permitirá que los estudiantes egresados cuenten con un dominio del español más cercano a su propia realidad y los dotará de herramientas que los convertirán en profesionales más cualificados en su vida laboral.

References

1. *Belén Garí, Matilde Leder, Matilde Garí*. Ciencias del Lenguaje; Alfa Nauta-Programa Educativo Temático. Barcelona, Nauta C., S. A. ISBN 84-89140-58-8, 1995.
2. *Burke, P.* Languages and Communities in Early Modern Europe, Cambridge University Press, 2004.
3. Diccionario de la lengua española (DLE). Disponible en: dle.rae.es
4. *Domínguez, Bazo y Herrera*. Actividades comunicativas. Libro del profesor. EDELSA Grupo Didascalia S. A. España, 1991.
5. *Fernández-Ordóñez, I.* Los orígenes de la dialectología hispánica y Ramón Menéndez Pidal. Universidad Autónoma de Madrid.

6. *Fernández Víttores, D.* El español: una lengua viva. Informe 2019. Instituto Cervantes, 2019. // URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2019.pdf

7. *Guillermo Hernández García, José Manuel Cabrales Arteaga.* Lengua y Literatura 2. Madrid, SGEL-Educación. ISBN 84-7143-926-3, 2006.

8. *Guitart, Jorge M.* Variability, multilectalism, and the organization of phonology in Caribbean Spanish dialects. In *Martínez-Gil, Fernando; Morales-Front, Alfonso*, Issues in the Phonology and Morphology of the Major Iberian Languages, Georgetown University Press, 1997 pp. 515–53.

9. *Hilleary, C.* Native Americans Gave Places, Animals, Plants Their Names. VOA, USA, 2017. // URL: <https://www.voanews.com/usa/native-americans-gave-places-animals-plants-their-names>

10. *Instituto Cervantes.* El Español: Una Lengua Viva, «1. El Español en Cifras», pp. 6-7, Madrid, España, 2018.

11. *Kamen, H.* Breve Historia de España. Omega Alfa. España, 2009.

12. *Lope Blanch, Juan M.* Sobre la influencia fonética Maya en el español de Yucatán, página 420, Thesavrus boletín del instituto Caro y Cuervo, Tomo XXXVI, número 3, 1981.

13. *Lope Blanch, Juan M.* Cuestiones de filología mexicana p.29 México, ed. Universidad Nacional Autónoma de México, ISBN 978-970-32-0976-7, 2004.

14. *López-Portillo y Weber, J.* La conquista de la Nueva Galicia, página 144, México, 1976.

15. *Lozano, I.* Lenguas en guerra, p. 92. Espasa-Calpe, 2005.

16. *Moreno Fernández F., Otero Roth, J.* Atlas de la lengua española en el mundo (pág. 33). Madrid, 2007, ISBN 978-84-08-07800-5.

17. *Obediente, E.* Biografía de una lengua: nacimiento, desarrollo y expansión del español pp. 244-248. Mérida, Venezuela, Universidad de Los Andes ed. Editorial Venezolana C. A. ISBN 978-980-11-1026-2, 2007.

18. *Palomino M.A.* Chicos y chicas. Libro del profesor. Edelsa Grupo Didascalía, S.A. Madrid, España, 2002.

19. *Quilis, A.* Tratado de fonología y fonética españolas, página 219, 1993.

20. *Real Academia de la Historia.* España: reflexiones sobre el ser de España p. 321. Madrid, ed. Real Academia de la Historia, ISBN 84-89512-04-3, 1998.

21. *Zamora Munné, Juan Clemente; Guitart, Jorge M.* Dialectología hispanoamericana: teoría, descripción, historia, página 134, 1982.

Авторпубликации

*Пилото Родригес Хавьер Альберто –
преподаватель
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия.
Email: javier1990alberto@gmail.com*

Author of the publication

*Piloto Rodriguez Javier Alberto –
Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: javier1990alberto@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.1/2

doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.85-101

КОМПЛИМЕНТ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ
КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д.Л. Абузярова, Р.Р. Мусабилов
DaLAbuzyarova@kpfu.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Выявлены общие и специфические особенности языковой реализации дополнительных выражений в английской и русской лингвокультурах. Изучение комплимента представляется оправданным и необходимым, поскольку комплимент является одним из наиболее важных аспектов, который помогает участникам диалогового взаимодействия правильно настроить коммуникационного партнера.

Ключевые слова: Язык, комплимент, речевой акт, этикет, лингвистика, общение.

Для цитирования: Абузярова Д.Л., Мусабилов Р.Р. Комплимент в английской и русской коммуникативных культурах: сопоставительный анализ. Казанский лингвистический журнал. 2020; 1 (3): 85–101. (на англ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.85-101.

A COMPLIMENT IN THE ENGLISH AND RUSSIAN
COMMUNICATIVE CULTURES: A COMPARATIVE ANALYSIS

D.L. Abuzyarova, R.R. Musabirov
DaLAbuzyarova@kpfu.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The general and specific features of the language implementation of complementary expressions in English and Russian linguocultures are revealed. The study of a compliment seems to be justified and necessary, since a compliment is one of the most important aspects that help participants in dialogue interaction to properly configure a communication partner.

Keywords: Language, compliment, speech act, etiquette, linguistics, communication.

For citation: Abuzyarova D.L., Musabirov R.R. A compliment in the English and Russian Communicative Cultures: a Comparative Analysis. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 85–101. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.85-101.

1. Theory of speech acts in the context of modern linguistic literature

Compliment in the English and Russian communicative cultures investigated in this work in line with the theory of speech acts. The consideration of speech acts originated in the field of analytical philosophy, after which it took shape in a separate linguistic direction in order to find the relationship of language with objects of the world [5, P. 166].

In physiological terms, a speech act is performed in the process of pronouncing sounds and writing letters designating them. However, significant differences are revealed between the simple utterance of sounds/spelling of letters and the performance of a speech act. One of the main differences is that a speech act is possible only when the combination of sounds or letters matters. A simple set of sounds that does not matter will not be considered a speech act. Therefore, each chain of morphemes produced by a person in a speech act always matters [18, P. 168].

According to D.F. Komorova, the concept of “speech act” should be approached from the point of view of pragmatics, according to which a speech act is a “speech action that is carried out by the speaker in order to express hope for a certain state of affairs in the life of the addressee in the future in order to inform him about the speaker’s assessment of the properties or actions of the addressee or the situation as a whole” [9, P. 9].

Among the main characteristics of a speech act, intentionality stands out, i.e. intent, purposefulness, conventionality, correlation with the speaker’s face and sequence [2, P. 688].

In modern linguistics, a large number of types of speech acts are distinguished. Among the most basic types of speech acts, following V.N. Yartseva, distinguished are the following ones:

- 1) informative speech acts, i.e. communications, representations (Train arrived);
- 2) speech acts of motivation, i.e. derivatives, prescriptions (leave);

3) speech acts of acceptance of obligations, i.e. commissions (I promise to be on time);

4) acts expressing the emotional state of the speaker, i.e. expressive (sorry for bothering you);

5) acts of establishment, i.e. declarations, verdicts, operatives (for example, sentencing).

The compliment speech act in this classification should be referred to as expressive. However, different researchers offer their own vision of the compliment belonging to a particular speech act. For example, V.I. Karasik [8, P.330] believes that a compliment is a status-labile speech act. R.V. Serebryakova argues that the compliment should be attributed to approving phatic speech acts.

One way or another, a compliment must be considered in line with the theory of speech acts. Therefore, it is further necessary to consider the definition of the term “compliment” as a speech act and highlight its main characteristics.

According to E.U. Abramova, compliment should be considered as “a statement containing a comment regarding any positive event, characteristics, acquisitions, achievements that are associated with the addressee and are regarded as positive by the sender of the message and its recipient” [1, P. 30]. In this definition, a compliment is described, first of all, with its evaluation characteristics, which always, in the opinion of this researcher, should be positive. In linguistic research, scientists put different aspects of the phenomenon of “compliment” in its definition.

The speech act in question has specific features [15, 16]. The structural and cognitive features of a compliment are brevity, occasionality (use only in this case) and a small degree of sincerity (especially in comparison with praise) [27, P.151]. All these features, of course, can be challenged. Most of the compliments are probably brief in structure. However, in some cases, a compliment can take a fairly long distance in communication. The same can be said about the occasional compliment. Both in Russian and in English, there are certain speech formulas that are considered established and used in finished form. As for sincerity, indeed, with

a compliment, it is important not so much to actually experience the feelings that are described in the compliment (for example, about the appearance of the interlocutor), but how much the expression of these feelings is for the purpose of a successful speech act. In other words, neither the speaker himself nor the object of the compliment cares whether the feelings expressed are sincere. However, this does not mean that any compliment is insincere, like flattery. Most likely, the speaker and his interlocutor simply do not think about whether the speaker is receiving a compliment of the emotions about which he informs his interlocutor [27, P. 151].

2. Compliment: definition and main characteristics

In the study of N.T. Huong provides both a wider and narrower understanding of the compliment speech act. In a broader sense, a compliment is “any expression of a sincere positive assessment of the addressee” [21, P. 6]. In a narrower understanding, the compliment speech act presupposes a ritualized and not always sincere assessment of objects that concerns partners, and the addressee wants to convince the addressee of his respect in his speech act [21, P. 6].

N.A. Trofimova offers a definition of the term “compliment” as a speech act: a compliment is “any statement directed at the addressee with sincere admiration for its positive qualities or their ritual positive assessment expressed by the speaker in order to convince the interlocutor of his respect” [27, P. 149].

Based on a positive assessment of the compliment, this concept is very close to the concept of “praise”. In this regard, many researchers often study these phenomena together. On the other hand, the concepts of “compliment” and “praise” still reveal a number of differences. The most important difference, according to O.S. Issers, is the fact that a positive assessment in praise is the main goal, while in a compliment it is only a means of communicating your disposition or good feelings towards the object of compliment [7, P. 93].

The objectives of the compliment depend on the situation of communication and the relationship between the interlocutors. When a compliment is used in the process of communication between familiar or unfamiliar people, in this case its purpose is to show itself as a polite member of a given language community.

However, when communication takes place between relatives and friends, then the goal of the compliment is to make a pleasant communicant, to improve the emotional atmosphere in the process of communication.

The goal is to arouse sympathy, to place the interlocutor to oneself, or even to achieve personal gain in this type of communication is fading into the background [20, P. 170].

Researcher A.V. Soroko singles out the linguistic characteristics of a compliment proper, which include:

1) the expression of positive semantics, since the object of a compliment is usually one or another positive quality of the object of a compliment (for example, its appearance, professional activity, character, manner of behavior, etc.);

2) vocabulary with a positive assessment;

3) hyperbolization, i.e. exaggeration;

4) emotionality, which in oral speech is expressed by means of intonation, and in the written text by means of exclamation points [26, P. 67].

A distinctive feature of a compliment as a speech genre is its multi-genre. There are a large number of different classifications of compliment, distinguished by the following criteria:

1) the parametric orientation of the compliment (compliments in appearance, inner qualities, age, etc.);

2) by addressing (compliments to the interlocutor, to himself, to a third party);

3) by the singularity / plurality of recipients (a compliment to a single addressee and a collective addressee);

4) according to the degree of explication of intention (direct and indirect compliments);

5) according to the degree of emotionality (emotional and rational / logical compliments);

6) in temporal orientation (compliments directed to the past, present or future);

7) by structure (short, medium and detailed compliments);

8) by the presence of illocutionary coercion (initiative and compelled compliments), etc. [21, P. 7].

3. Place of compliment in speech etiquette and speech behavior

In modern linguistics and philology, compliment is considered not only in the framework of the theory of speech acts, but also as a component of speech etiquette and speech behavior of people in the framework of interpersonal communication.

Etiquette in the general sense of the word means “rules of good form; the accepted order of conduct, providing contact and maintaining respectful, friendly communication of interlocutors in various situations” [12, P. 546].

The connection between compliment and speech etiquette in Russian linguistics was first revealed by N. I. Formanovskaya. From her point of view, speech etiquette should be understood as “a microsystem of nationally specific sustainable communication formulas adopted and prescribed by society to establish contact between interlocutors, maintain communication in a chosen key” [20, P. 8].

Politeness as a special category of a communicative speech act is distinguished due to the fact that it is designed to regulate the communicative effect of interlocutors, prescribe the norms of both verbal and non-verbal behavior of people in the process of communication, and also regulate the relationship of people in interpersonal group or mass communication, in which compliment is of no small importance.

The compliment in the framework of speech etiquette is standardized and official. Consequently, normalized complementary formulas characteristic of a certain time period and a specific country are used in speech behavior.

A compliment as a component of speech etiquette and speech summarization is related to the category of politeness. Politeness is understood as “the central and fundamental category of communicative consciousness, the content of which is, on the one hand, a set of standardized norms and rules of social behavior that govern the communicative interaction of communicating, on the other hand, a system of communicative strategies of positive and negative politeness aimed at harmonious, conflict-free communication” [3, P. 45].

The complex of speech acts is speech activity. As part of a speech act, information is transferred from one (or several) participants of a speech act to another/other participants. This is the communicative nature of the speech act. It should be noted that the communicative nature of a speech act always has a bilateral character; i.e. the speech act is carried out in the form of dialogue. Based on the dialogic form of communication, a speech act always has a bilateral character; i. e. involves at least two participants in communication. In this case, one of them can be imaginary or wordless. And even if the speech act appears in a monological form, then the dialogic nature of the speech act is also traced here, since the addressee makes replicas for himself, thus acting as both the addressee and the addresser [19, P. 162].

Compliment plays a large role in interpersonal communication.

Mostly, a compliment is a means of openly expressing approval or admiration for the speaking actions, appearance or behavior of the compliment object.

In addition, a compliment allows the speaker to obtain a certain line of behavior from the object of the compliment. Moreover, any compliment always reflects cultural values, which makes it relevant for a comparative study of different linguistic cultures [11, P. 133].

The structure of the compliment is characterized by brevity, occasionality, a relatively small degree of sincerity. In the linguistic aspect, a compliment reveals the following characteristic features: the expression of positive semantics due to vocabulary with a positive assessment, frequent hyperbolization, increased emotionality.

In terms of genre, the compliment is diverse. The criteria for classification of compliments are parametric orientation, addressing, singularity/multiplicity of addressees, degree of intentionality explication, degree of emotionality, temporal orientation, structure and the presence of illocutionary compulsion.

Thus, a compliment as a component of speech etiquette and people's speech behavior is of great importance for establishing contact, successful communication, and achieving the goals of dialogue. Undoubtedly, the norms of speech etiquette change over time, which is the reason for the interest in this research topic. Moreover,

a compliment as a component of speech etiquette may differ from culture to culture. In this regard, it is necessary to consider its national-cultural features.

4. National and cultural specificity of the compliment speech act as a form of speech etiquette in English and Russian cultures

A compliment as a form of speech etiquette has significant differences in English and Russian cultures. A distinctive feature of a compliment when comparing speech etiquette from different countries and cultures is the difference in the expression of compliment and its assessment in English and Russian communicative cultures. Among the main differences between the English and Russian compliments in this chapter highlighted are:

- The importance of a compliment in communication.

In different communicative situations, representatives of the English-speaking nation often and repeatedly use evaluative cues. Such hyperbolization of the British leads to the fact that representatives of other cultures (including Russian linguistic culture) consider such compliments insincere, i.e. doubt the veracity of the pleasant words of the British [11, P. 133].

In English culture, compliments are used much more often than in Russian culture, since English culture is characterized by exaggeration in expressing ratings. Russian people are much less likely to use compliments in speech. This is due to the fact that in their national character, Russians have straightforward behavior. Their assessments are always sincere, even if such an assessment may offend the interlocutor. Consequently, the Russian communicative culture is characterized, first of all, by the fact that compliment takes an insignificant place here [14, P. 193].

- Orientation to a certain style of communication.

In Russian culture, compliment is a status-oriented style, while in English culture, compliment is a personality-oriented style of communication.

The Russian communication style in this speech act is considered a status-oriented style, which is most clearly expressed in the use of the pronouns “you” and “you” in different communication situations. If we compare this feature with the English linguistic culture, in particular, here we can distinguish

a personality-oriented communication style as opposed to the Russian status-oriented style. A personality-oriented style of communication involves a more informal communication between English-speaking people, symmetrical relationships between interlocutors, with the emphasis in the process of communication being on their equality [4, P. 20].

- Thematic aspect.

Differences in the compliment speech act in Russian and English are also in the thematic aspect. While Russian people more often pay attention to external factors and a person's professionalism during a complimentary speech act, in English culture, on the contrary, a person's internal, moral qualities and mental abilities are more likely to be complimented [13, P. 58].

- The degree of emotionality of a compliment.

In English linguistic culture, compliment is a rational speech act. In Russian culture, the degree of emotionality of a compliment is much higher.

Unlike Russian linguistic culture, the British often use rational compliments as opposed to emotional ones, which are more characteristic, in this comparison, of Russian linguistic culture. The ability of a Russian person to display a wide range of emotions and feelings is defined by the Russian linguistic consciousness as a moral quality associated with the attitude to other people [6, P. 32].

- Addressee response.

Speaking of a compliment, it should be mentioned that each compliment is accompanied by a certain reaction of the interlocutor. Moreover, the response to a compliment varies from culture to culture; i. e. has a cultural and national specificity. For example, in most European cultures, the response to a compliment has a verbal expression of gratitude. However, in Japan, the interlocutor apologizes in response to a compliment. For example, the host (Japanese) will apologize for a compliment about a delicious dinner: Sorry, I did not have much time to prepare [10, P. 73].

The verbal response to a compliment is also different in English and Russian linguistic cultures.

In general, the response to a compliment, according to P. Cedar, can be of the following types:

1) acceptance of the compliment: *Thank you / Спасибо; I think so too / Я тоже такого мнения; I'm glad you like it / Я рад, что вам понравилось;*

2) positive assessment of the compliment (positively colored commentary, action history, return of the compliment): *I worked hard on the project / Я сильно трудился над проектом;*

3) neutral assessment of a compliment (search for confirmation of compliment): *Really? / Правда?;*

4) a negative assessment of the compliment (reduction of its value): *I still need a lot of improvement / Мне все еще надо работать над этим;*

5) denial or negative opinion: *No, not all / Нет, не все;*

6) laughter or smile, non-verbal expression of appreciation;

7) lack of response [23].

In English communicative culture, the response to a compliment is more often positive or neutral. In Russian linguistic culture, a negative reaction of the interlocutor is characteristic, which is not accepted in English-speaking countries. In Russian-language communication, a negative response to a compliment is more frequent, which can occur due to the fault of the speaker, or because of the modesty or shyness of the compliment object [17, P. 202].

As for the English linguistic culture, there is a negative reaction of the interlocutor to a compliment, according to R.V. Serebryakova, much less often, in comparison with Russian linguistic culture [17, P. 18].

The same point of view is held by a foreign researcher B. Langford, from the point of view of which the English rules of speech etiquette imply a simple and direct response to a compliment. For example: Thank you. I'm glad the situation turned out well. A negative reaction (for example, Oh, it was no big deal) is not characteristic of the English communicative culture [25, P. 48].

The English communicative culture is such that the British are not used to arguing with the interlocutor because of false ideas about modesty. However,

a negative reaction to a compliment in English linguistic culture does occur with the following errors in compliments:

- an error in choosing the subject of a compliment;
- inappropriate compliment in this situation;
- antipathy of the addressee to the speaker;
- the uncertainty of the object in the sincerity of the compliment [17, P. 18].
- Gender features.

In both Russian and English culture, the most frequent recipient of a compliment is a woman. However, the addressee of a compliment differs in two cultures: in English communication, a compliment is more often used in replicas of women, while in Russian communication a compliment is noticeable for the most part in men's speech. P. Eckert discusses the gender characteristics of the English compliment. According to this scientist, in the English communicative culture a compliment is more often used by women, and women are also more likely to receive compliment objects [24, P. 365].

In Russian communication culture, on the contrary, a compliment is more often pronounced by men, because, according to etiquette rules, young girls and women, by virtue of their modesty, cannot compliment in order not to fall into an awkward position. However, the recipient of the compliment, as in English culture, is often the women who act, since, as mentioned above, compliments between men are considered indecent.

Thus, a compliment as a component of speech etiquette reveals significant discrepancies in the English and Russian communicative cultures. This is due to the mentality of people of different nationalities, their national character, habits and attitudes characteristic of this community.

Литература

1. *Абрамова Е.Ю.* Коммуникативная роль реакции на комплимент в процессе диалогизирования / Е.Ю. Абрамова // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. 2014. № 8. Т. 1. С. 30–33.

2. *Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. 688 с.

3. *Газизов Р.А.* Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Р.А. Газизов. Уфа, 2011. 45 с.

4. *Галимова З.Ф.* Тактики комплимента и похвалы в конструировании «положительного образа» женщины-собеседницы (на материале ток-шоу): дис. ... кан. филол. наук: 10.02.19 / З.Ф. Галимова. Ижевск, 2009. 168 с.

5. *Гончар М.С.* Пожелание и комплимент как национально ориентированные речевые тактики в речи русских и представителей восточной Азии на русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. С. Гончар. СПб., 2018. 166 с.

6. *Захарьянц Я.А.* Речевой акт комплимента и речевой этикет / Я. А. Захарьянц // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2009. № 6. С. 32–35.

7. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 93–138.

8. *Карасик В.И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.

9. *Коморова Д.Ф.* Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Д.Ф. Коморова. Томск, 2005. 20 с.

10. *Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: Монография / Л. В. Куликова. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. 392 с.

11. *Леонтьев В.В.* Compliments как компоненты формул приветствия и благодарности (на материале английского языка) / В. В. Леонтьев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 132–137.

12. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
13. *Попова З.Д.* Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Изд. 4-е, стер. М-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.
14. *Прохоров Ю.Е.* Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И.А. Стернин. М.: Флинта; Наука, 2006. 193 с.
15. *Сакаева Л.Р.* Позитивные соматические фразеологические единицы с компонентом «голова» в русском, английском и таджикском языках. Вестник Чувашского университета, 2008, № 1, С. 214–218.
16. *Серебрякова Р.В.* Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Р.В. Серебрякова. Воронеж, 2002. 202 с.
17. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.
18. *Соколова Е.Б.* Прагматика передачи совета в немецкой художественной прозе XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. Б. Соколова. М., 2017. 162 с.
19. *Сороко А.В.* К вопросу о коммуникативной стратегии и речевом акте одобрения / А. В. Сороко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 1. С. 60–70.
20. *Трофимова Н.А.* От любви до ненависти: Смысловые узоры экспрессивов: монография / Н.А. Трофимова. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. 295 с.
21. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспект / Н.И. Формановская. 2-е переработ., и доп. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
22. *Хьонг Н.Т.* Комплимент и способы его приема в современной русской и вьетнамской коммуникативной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.Т. Хьонг. М., 2014. 24 с.

23. Шерстяных И.В. Моделирование речевых жанров (на примере комплимента) / И.В. Шерстяных // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 168–176.

24. Cedar P. Thai and American Responses to Compliments in English // Linguistic Journal / P. Cedar. 2006. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.linguistics-journal.com/2014/01/09/thai-and-american-responses-to-compliments-in-english/>

25. Eckert P., Eckert Penelope, Sally McConnell-Ginet, Sally Mac Connell-Ginet. Language and Gender / P. Eckert, S. McConnell-Ginet. Cambridge University Press, 2003. 366 p.

26. Langford B. The Etiquette Edge: The Unspoken Rules for Business Success / B. Langford. AMACOM, 2016. 256 p.

27. Sakaeva, L.R., Yalalova, R.R. (2014). Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing “disease – health” in the English, German and Russian languages. Life Science Journal, № 5, Pp. 547–550.

References

1. Abramova, E.Yu. (2014). *Kommunikativnaya rol' reaktsii na kompliment v protsesse dialogizirovaniya* [The communicative role of the response to compliment in the process of dialogue] / E.Yu. Abramova // Naukovii visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. № 8. T. 1. S. 30–33. (In Russian)

2. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Big Encyclopedic Dictionary] / gl.red. Yartseva V.N. 2-e izd. M.: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya. 688 s. (In Russian)

3. Gazizov, R.A. (2011). *Kommunikativnaya kategoriya vzhlivosti v nemetskoj lingvokul'ture (situativno-strategicheskii analiz)* [Communicative category of politeness in German linguistic culture (situational-strategic analysis)]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04 / R.A. Gazizov. Ufa, 2011. 45 s. (In Russian)

4. Galimova, Z.F. (2009). *Taktiki komplimenta i pokhvaly v konstruirovanii «polozhitel'nogo obraza» zhenshchiny-sobesednitsy (na materiale tok-shou)* [Tacts of compliment and praise in the design of a “positive image” of a female interlocutor

(based on talk show material)]; dis. ... kan. filol. nauk: 10.02.19 / Z.F. Galimova. Izhevsk. 168 s. (In Russian)

5. Gonchar, M.S. (2018). *Pozhelanie i kompliment kak natsional'no orientirovannye rechevye taktiki v rechi russkikh i predstavitelei vostochnoi Azii na russkom yazyke* [A wish and a compliment as nationally oriented speech tactics in the speech of Russians and representatives of East Asia in Russian]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / M.S. Gonchar. SPb. 166 s. (In Russian)

6. Zakhar'yants, Ya.A. (2009). *Rechevoi akt komplimenta i rechevoi etiket* [Compliment speech act and speech etiquette] / Ya.A. Zakhar'yants // *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. № 6. S. 32–35. (In Russian)

7. Issers, O.S. (2002). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech] / O.S. Issers. M.: Editorial URSS. S. 93–138. (In Russian)

8. Karasik, V.I. (1992). *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of social status] / V.I. Karasik. – M.: In-t yazykoznaniiya RAN. 330 s. (In Russian)

9. Komorova, D.F. (2005). *Pragmalingvisticheskie osobennosti pozhelaniya v nemetskom i russkom yazykakh* [Pragmalinguistic features of wishes in German and Russian]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / D.F. Komorova. Tomsk. 20 s. (In Russian)

10. Kulikova, L.V. (2006). *Kommunikativnyi stil' v mezhkul'turnoi paradigme: Monografiya* [Communicative style in an intercultural paradigm: Monograph] / L.V. Kulikova. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. 392 s.

11. Leont'ev, V.V. (2006). *Komplimenty kak komponenty formul privetstviya i blagodarnosti (na materiale angliiskogo yazyka)* [Compliments as components of greeting and appreciation formulas (in English)] / V.V. Leont'ev // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. № 5. S. 132–137. (In Russian)

12. Matveeva, T.V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms] / T.V. Matveeva. Rostov n/D: Feniks. 562 s. (In Russian)

13. Popova, Z.D. (2015). *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [Language and national picture of the world] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. zd. 4-e, ster. M-Berlin: Direkt-Media. 101 s. (In Russian)

14. Prokhorov, Yu.E. (2006). *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior] / Yu.E. Prokhorov, I.A. Sternin. M.: Flinta; Nauka. 193 s. (In Russian)

15. Sakaeva, L.R. (2008). *Positive somatic phraseological units with "the head" component in Russian, English and Tajik languages*. Bulletin of the Chuvash University, № 1. Pp. 214–218. (In Russian)

16. Serebryakova, R.V. (2002). *Natsional'naya spetsifika rechevykh aktov komplimenta i pokhvaly v russkoi i angliiskoi kommunikativnykh kul'turakh* [National specificity of compliment and praise speech acts in Russian and English communicative cultures]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / R.V. Serebryakova. Voronezh. 202 s. (In Russian)

17. Serl', Dzh.R. (1986). *Chto takoe rechevoi akt* [What is a speech act?] / Dzh.R. Serl' // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 17. M. S. 151–169. (In Russian)

18. Sokolova, E.B. (2017). *Pragmatika peredachi soveta v nemetskoj khudozhestvennoi proze XX veka* [The pragmatics of the transfer of advice in 20th-century German prose]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / E.B. Sokolova. M. 162 s. (In Russian)

19. Soroko, A.V. (2013). *K voprosu o kommunikativnoi strategii i rechevom akte odobreniya* [To the question of communicative strategy and speech act of approval] / A.V. Soroko // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. № 1. S. 60–70. (In Russian)

20. Trofimova, N.A. (2011). *Ot lyubvi do nenavisti: Smyslovye uzory ekspressivov: monografiya* [From love to hate: The semantic patterns of expressives: a monograph] / N.A. Trofimova. Pb.: IVESEP. 295 s. (In Russian)

21. Formanovskaya, N.I. (1987). *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskii i metodicheskii aspekt* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspect] / N.I. Formanovskaya. 2-e pererabot., i dop. M.: Russkii yazyk. 158 s. (In Russian)

22. Khyong, N.T. (2014). *Kompliment i sposoby ego priema v sovremennoi russkoi i v'etnamskoi kommunikativnoi kul'ture* [A compliment and methods of its reception in modern Russian and Vietnamese communicative culture]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / N.T. Khyong. M. 24 s. (In Russian)
23. Sherstyanykh, I.V. (2014). *Modelirovanie rechevykh zhanrov (na primere komplimenta)* [Modeling of speech genres (by the example of a compliment)] / I.V. Sherstyanykh // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. № 1 (26). S. 168–176. (In Russian)
24. Cedar, P. (2006). *Thai and American Responses to Compliments in English* // URL: <http://www.linguistics-journal.com/2014/01/09/thai-and-american-responses-to-compliments-in-english/>. (In English)
25. Eckert, P., Eckert Penelope, Sally McConnell-Ginet, Sally Mac Connell-Ginet. (2003). *Language and Gender*, Pp. 365–366. (In English)
26. Langford, B. (2016). *The Etiquette Edge: The Unspoken Rules for Business Success*, 256p. (In English)
27. Sakaeva, L.R., Yalalova, R.R. (2014). *Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing “disease – health” in the English, German and Russian languages*. *Life Science Journal*, № 5, Pp. 547–550. (In English)

Авторы публикации

Абузярова Дарья Леонидовна –
преподаватель
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: DaLAbuzyarova@kpfu.ru

Мусабилов Рамиль Русланович –
студент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия.
Email: ramilmusabirov98@bk.ru

Authors of the publication

Abuzyarova Darya Leonidovna –
Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia.
Email: DaLAbuzyarova@kpfu.ru

Musabirov Ramil Ruslanovich –
student
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: ramilmusabirov98@bk.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Ф.Г. Фаткуллина
fluzarus@rambler.ru

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные понятия и терминологический аппарат лингвокультурологии как научной дисциплины. Особое внимание уделено автором описанию и определению лингвокультуры как основного объекта лингвокультурологии и как семиотической системы. Актуальность темы определяется тем, что лингвокультура формируется на участке пересечения двух систем: языка и культуры, т.е. культуры, получившей развитие в языке, куда можно отнести как ценности, так и имена, традиции, языковые символы, стереотипы, тексты и др. Подробно рассмотрен такой механизм упрощения познания как заключение информации в форму стереотипа, как представления народа об окружающем мире и о людях другой культуры, с которыми им приходится входить в контакт. Делается вывод о том, что своя семиотическая система существует в каждой культуре, знание которой помогает носителям языка общаться друг с другом и адекватно понимать смысл сказанного.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультура, взаимоотношения языка и культуры, стереотип, менталитет, диалог культур.

Для цитирования: Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 102–112. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112.

LINGUOCULTUROLOGY AND LINGUOCULTURE: CORRELATION OF CONCEPTS

F.G. Fatkullina
fluzarus@rambler.ru

Bashkir State University, Ufa, Russia

Abstract. The article discusses the basic concepts and terminological apparatus of linguoculturology as a scientific discipline. The author pays special attention to the description and definition of linguoculture as the main object of linguoculturology and as a semiotic system. The relevance of the topic is determined by the fact that linguoculture is formed at the intersection of two systems: language and culture, i.e. culture, developed in the language, which can include

both values and names, traditions, language symbols, stereotypes, texts and others. Such a mechanism of simplification of cognition is considered in detail as the conclusion of information in the form of a stereotype, as the representation of the people about the world around them and about people of another culture with whom they have to come in contact. It is concluded that in every culture exists its own semiotic system, the knowledge of which helps native speakers to communicate with each other and adequately understand the meaning of what was said.

Keywords: linguoculturology; linguistic culture; the relationship of language and culture; stereotype, mentality; dialogue of cultures.

For citation: Fatkullina F.G. Linguoculturology and linguoculture: correlation of concepts. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 102–112. (In Russ.). DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112.

Сегодня, по мнению исследователей, в науковедческом отношении лингвокультурология подтвердила свою самостоятельность. Статус лингвокультурологии как науки и учебной дисциплины уже не подвергается сомнению не только в России, но и за рубежом: по ней защищаются докторские и кандидатские диссертации, издаются монографии и словари, пишутся учебники и методические пособия [1; 2].

Современная лингвокультурология в России и в зарубежье весьма неоднородна: есть отдельные сильные центры в Белоруссии (В.А. Маслова), в Польше, Болгарии, в Белгороде (Н.Ф. Алефиренко) и мн. др. Отметим, что и в Башкирском государственном университете, в Башкирском государственном педагогическом университете активно работают ведущие ученые – лингвокультурологи: Л.Г. Саяхова, Ф.Г. Фаткуллина, Р.Х. Хайруллина, Л.М. Салимова, успешно и плодотворно занимающиеся лингвокультурологическими штудиями.

Лингвокультурология, как известно, изучает проблемы взаимодействия языка-культуры-личности, которые в последние годы стали очень привлекательными и актуальными. В.А. Маслова рассматривает лингвокультурологию как науку, возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую культуру этноса, отраженную и закреплённую в языке [5, С. 28].

Схожее определение встречаем у В.Н. Телия: лингвокультурология – это научная дисциплина, которая изучает материальную культуру и менталитет народа, отраженные в языке [6, С. 216].

В большинстве исследований объектом лингвокультурологии принято считать язык и культуру, а предметом – единицы языка, но, по мнению В. В. Красных, объектом лингвокультурологии является лингвокультура, в то время как предметом лингвокультурологии является грамматика и словарь лингвокультуры [5, С. 1].

Понятие «лингвокультура» относительно новое в языкознании и приобретает все большую популярность в лингвистическом дискурсе, несмотря на то, что во многих исследованиях нет точного определения этого термина, что создает проблемы при осмыслении данного феномена. В свою очередь, понятия «язык» и «культура» достаточно полно изучены в современной лингвистике и лингвокультурологии и в силу своей многоаспектности предложено огромное количество дефиниций. Внутренняя форма данного слова подразумевает сочетание таких понятий, как язык + культура, то есть культура, получившая развитие в языке. В разных источниках включают различные трактовки этого термина. Сюда можно отнести как ценности, так и имена, традиции, языковые символы, тексты и др.

Иными словами, лингвокультура формируется на участке пересечения двух систем: языка и культуры и, таким образом, представляет собой самостоятельную семиотическую систему [4, С. 2].

Одним из ключевых понятий лингвокультуры являются стереотипы, которые принято рассматривать как некие механизмы упрощения познания.

Стереотип – это эмоционально-образное восприятие однотипных феноменов в определенной культурной среде.

Стереотипы, как упрощенные образы каких-либо явлений, складывались в той или иной форме в процессе межкультурного общения посредством представлений и впечатлений на протяжении всей истории человечества.

Без стереотипов практически невозможен диалог культур, поскольку вся культурная информация буквально пропитана стереотипами как системой ценностей.

Так у каждого народа, у каждой нации существуют свои собственные представления об окружающем мире и о людях другой культуры, с которыми им приходится вступать в контакт [6].

Несмотря на то, что в целом в России благополучная обстановка в отношении межэтнического общения, формирование толерантности у членов общества является важнейшей задачей любого поликультурного социума. Степень толерантности людей разного возраста весьма различна. Представители старшего поколения, воспитанные в Советском Союзе, имеющие положительный опыт межнационального общения и сотрудничества, более толерантны к представителям вновь появляющихся в республике народов. Можно отметить даже определенную ностальгию у пожилых людей по времени, когда все народы СССР входили в одну большую дружную семью. Молодежь менее толерантна к чужим культурам и языкам. Неуважительное отношение к представителям некоторых народов, особенно к тем, кто занят в сфере торговли, предпринимательства, находит выражение в речевой агрессии. Культура, традиции и обычаи в сфере быта, образа жизни, вероисповедания народов, например, из юго-восточных стран (Китай, Вьетнам) разительно отличается от привычных нам «христианских» и «мусульманских» обычаев и традиций. А это вызывает непонимание [9; 11].

Известно, что овладение любым языком предполагает не только усвоение лексики и грамматики, но и всего фонда культурно-исторических знаний, образующих семантическую и коммуникативную основу языка. Эти знания играют большую роль и в межкультурной коммуникации. Представители разных народов, прибывающие в Россию, не всегда владеют этим фондом, что и мешает адекватности общения.

Одним из факторов, благоприятствующих установлению гармоничных межкультурных контактов, является использование в процессе обучения лингвокультурологических подходов. Теоретической базой такого обучения являются этнолингвистические исследования. Этнолингвистика, как известно, ставит целью изучение национального языка в рамках культурно-

исторического развития народа, его носителя. Русский язык – язык межнационального общения в России и именно на нем идет обучение в большинстве школ. В связи с этим целесообразным является использование лингвокультурологического подхода для его преподавания. Именно поэтому необходимость изучения данных феноменов, их воздействия на процесс коммуникации так важен.

Стереотипом принято считать совокупность индивидуальных представлений о мире каждого человека, представленных в значении разных слов и выражений одного языка, которые складываются в единую систему взглядов и представлений, принимаемых носителями данного языка. Классификация стереотипов у разных исследователей одинакова, различие составляет только наименование выделяемой группы, так, например, выделяют эндо-/гетеростереотипы – стереотипы, сложившиеся у представителей одной культуры относительно другой и экзо-/автостереотипы – стереотипы, формирующиеся у народа относительно самой себя. Большинство представлений человека о мире складывается из того, какая сложена картина мира для личности, в свою очередь, формирующаяся под влиянием окружающей действительности. Таким образом, мы пришли к выводу, что на возникновение и формирование стереотипов в большой степени влияет окружающая среда.

В процессе межкультурного общения люди зачастую воспринимают и оценивают собеседника с позиции собственной культуры и существующих в ней стереотипов. Современные социально-экономические условия, общественные процессы, такие, как, например, миграция населения мира в поисках рынка труда, усиление межкультурных контактов в разных областях жизни общества, рост количества межнациональных браков и другие, приводят к тому, что в вузовской или школьной аудитории, как в капле воды, отражается многонациональный социум со всеми плюсами и минусами в области межкультурной коммуникации. Толерантность – это осознание многомерности и многообразия мира и терпимое отношение к чужому образу мысли и жизни.

Башкирская пословица гласит: «Что в гнезде, то и в полете». Основы воспитания толерантности закладываются в семье. Идиоматика наиболее полно и многогранно раскрывает национальный характер народа. Так, исходя из таких сложившихся стереотипов об англичанах как английская «чопорность», экономия и бережливость англичан, частое посещение англичанами пабов, разговорах о погоде, юморе и др., приведем некоторые английские пословицы, поговорки и выражения, которые содержат в себе те или иные культурные особенности: *A bargain is a bargain* (Уговор дороже денег); *Come rain or shine* (При любой погоде, во что бы то ни было); *Every dog is a lion at home* (Всяк кулик в своем болоте велик). Многие лингвокультурологические исследования показали, что идиоматика во многом отражает универсальные стереотипы, присущие любым народностям и культурам [10; 12; 13].

Вследствие развития межкультурных коммуникаций и международных отношений происходит постоянное взаимодействие с культурой другой страны. Это накладывает своего рода отпечаток на представление каждого индивида о культуре другой национальности [8; 9]. На наше сознание во многом оказывает влияние просмотр передач по телевидению, чтение книг и реклама. Отсюда можно предположить, что именно стереотипы влияют на создание рекламы, также их используют и с целью воздействия на сознание аудитории в политике через телевидение.

Культурные стереотипы не только обуславливают особенности национального самосознания, но и предопределяет особенности восприятия других наций. Мы полагаем, что для предотвращения возможных проблем в межкультурной коммуникации, особенно в пространстве современной школы, необходимо введение в учебный процесс темы «Стереотипы лингвокультур», так как изучение иностранного языка неразрывно связано с проникновением в культуру народа, тогда как язык и культура неразделимы и понятие «стереотипа» как относительно устойчивого, обобщающего образа, которому присущи определенный ряд характеристик представителей культурного пространства.

В современной науке понятие «стереотип» является предметом междисциплинарного изучения. Изначально термин получил развитие в исследованиях по социологии и социальной психологии (1920–е гг.) Дальнейшее изучение термина стереотип осуществлялось в аспекте коммуникации, этнологии, литературы, языка, политологии, филологии, истории и т. д. В научную терминологию данное понятие было введено У. Липпманном. В его работах стереотипы зафиксированы как «образцы в нашем сознании» (the pictures in our heads). Фиксируя стереотип как понятие, американский социолог отметил важную его особенность, которая заключена в том, что наше сознание стремится зафиксировать идеальный образ мира и способность этого образа отвечать общественным ожиданиям. Также ученый отмечал, что стереотипам свойственно передаваться из поколения в поколение, это является реальностью, историческим и биологическим фактом. Большинство работ, которые посвящены исследованию этнических стереотипов, основаны на проводимых социальных опросах. Проблеме изучения стереотипов в зарубежной литературе посвящено большее количество работ, в то время как в отечественных исследованиях эта тема не получила такого широкого освещения.

За стереотипами скрываются характерные черты национального менталитета – представителей определенного лингвокультурного пространства.

В состав лингвокультуры мы можем включить значимые для определенной культуры концепты. Именно из таковых строится языковая культура нации. Человек – носитель культуры, определенных знаний, мнения об объективной действительности. Такая система является концептуальной картиной мира [14]. Картина мира лежит в основе индивидуального и общественного сознания, так как она может быть различна у представителей одного и того же культурного сообщества и в то же время схожей между собой, но отличной от представления картины мира у представителя другого языкового сообщества, то есть другой национальности.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 20-012-00136

Литература

1. *Воробьев В.В., Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г.* Триада язык - культура - личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета. Том 21, 2016, No. 2. С.355–359.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
3. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. // URL: /coling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/V.V.-Krasnykh.pdf/
4. *Красных В.В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии / В.В. Красных // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 303–400.
5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
6. *Сакаева Л.Р.* Позитивные соматические фразеологические единицы с компонентом «голова» в русском, английском и таджикском языках. Вестник Чувашского университета, 2008, № 1, С. 214–218.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с. /<http://www.twirpx.com/file/262905/>
8. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] Учеб. пособие – М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/245066/>
9. *Фаткуллина Ф.Г.* Лингвокультурологический аспект в исследовании ментальностей народов Евразии // Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии народов России. Уфа РИЦ БашГУ, 2017, С. 456–460.
10. *Фаткуллина Ф.Г., Латыпова Э.М.* Прикладная лингвокультурология: понятие ценности в языковой картине мира русских // Информационные технологии в исследовательском пространстве разноструктурных языков:

сборник статей II международной интернет-конференции молодых ученых. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С.71–74.

11. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Mensah D, Fatkullina F.G. The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian // Opcion, volume 3, issue Special Issue 23, 2019, Pp.433–447/ SCOPUS10121587-2019-35-23-SID85076753048 // URL: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/30054> /ISSN: 1012-1587/ ISSNе. 2477–9385

12. Sakaeva L.R., Yalalova R.R. Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - health in the English, German and Russian languages. Life Science Journal, 2014, T. 11. № 5. pp. 547–550.

References

1. Vorob'ev, V.V., Morozkina, E.A., Fatkullina, F.G. (2016). *Triada yazyk – kul'tura – lichnost' kak osnova sovremennoj lingvokul'turologii* [Triad language – culture – personality as the basis of modern linguoculturology] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. Tom 21, No. 2. S.355–359.

2. Vorob'ev, V.V. 9 (2008). *Lingvokul'turologiya* [linguoculturology]. M.: Izd-vo RUDN, 340 p.

3. Krasnyh, V.V. (2013). *Grammatika lingvokul'tury, ili chto derzhit yazykovuyu kartinu mira?* [Grammar of linguistic culture, or what holds the linguistic picture of the world?]/ *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. № 1. URL: coling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/V.V.-Krasnykh.pdf

4. Krasnyh, V.V. (2015). *Osnovnye postulaty i nekotorye bazovye ponyatiya lingvokul'turologii* [Basic postulates and some basic concepts of linguoculturology]/ V. V. Krasnyh // *Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRYAL*. SPb.: MAPRYAL, S. 303–400.

5. Maslova, V.A. (2010). *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]: *uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij*. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 208 s.

6. Sakaeva, L.R. (2008). Pozitivnye somaticheskie frazeologicheskie edinity s komponentom «golova» v russkom, angliiskom i tadjhiskom yazykakh. Vestnik Chuvashskogo universiteta, № 1, S. 214–218.

7. Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticeskij lingvokul'turologicheskij aspekt* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects] M.: Yazyki russkoj kul'tury. 284 s. // URL: <http://www.twirpx.com/file/262905/>

8. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Yazyk i mezhdunarodnaya kommunikaciya* [Language and Intercultural Communication Ucheb. posobie M.: Slovo / Slovo, 624 s. // URL: <http://www.twirpx.com/file/245066/>

9. Fatkullina, F.G. (2017). *Lingvokul'turologicheskij aspekt v issledovanii mental'nostej narodov Evrazii* [Linguocultural aspect in the study of the mentality of the peoples of Eurasia] // Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy filologii narodov Rossii. Ufa RIC BashGU. S. 456–460.

10. Fatkullina, F.G., Latypova, E.M. (2017). *Prikladnaya lingvokul'turologiya: onyatie cennosti v yazykovej kartine mira russkih* [Applied linguoculturology: the concept of value in the linguistic picture of the Russian world] // Informacionnye tehnologii v issledovatel'skom prostranstve raznostrukturyh zykov: sbornik statej II mezhdunarodnoj internet-konferencii molodyh uchenyh. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, S.71–74.

11. Sakaeva, L.R., Yahin, M.A., Mensah, D, Fatkullina, F.G. (2019). The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian // Opcion, volume 3, issue Special Issue 23, pp. 433-447/ SCOPUS10121587-2019-35-23-SID85076753048 // URL: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/30054> /ISSN: 1012-1587/ ISSNe 2477–9385

12. Sakaeva, L.R., Yalalova, R.R. (2014). Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - health in the English, German and Russian languages. Life Science Journal, T. 11. № 5. Pp. 547–550.

Автор публикации

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна –
доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия.
Email: fluzarus@rambler.ru

Author of the publication

Fatkullina Fluza Gabdullinovna –
Doctor of Philology, Professor
Bashkir State University
Ufa, Russia.
Email: fluzarus@rambler.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕД В ЕСТЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.И. Шаховский
shakhovsky2007@yandex.ru

***Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия***

Аннотация. В статье выдвигается тезис о многоликости коммуникативных сред. Автор называет основные их типы / виды и показывает их тесное взаимодействие. Для аргументации выдвинутого автором тезиса используется понятие психологии конфликта. Особое внимание уделяется рассмотрению межличностного конфликта. Показывается неконтролируемый переход межличностного конфликта в профессиональный, социальный и даже межкультурный. Поднимается проблема этнической экологии менталитета. Кроме того в статье освещается вопрос о дидактической стороне этой проблемы, то есть специальном научении человека – привитии ему через организованные эмоции конкретных знаний, умений и навыков в экологичном / позитивном общении даже в условиях его современной естественной ускоренности.

Ключевые слова: экологическая многоликость, типы коммуникативных сред, внутренняя среда человека, личностный конфликт, эмоциональная нетолерантность, организованные эмоции, этническая экология менталитета.

Для цитирования: Шаховский В.И. Взаимодействие коммуникативных сред в естественной коммуникации. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 113–134. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.113-134.

THE INTERACTION OF THE COMMUNICATIVE ENVIRONMENTS IN NATURAL COMMUNICATION

V.I. Shakhovsky
shakhovsky2007@yandex.ru

Volgograd state socio-pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article puts forward a thesis about the diversity of communication environments. The author indicates their main types and shows their close interaction. The concept of psychology of conflict is used to prove the author's thesis. Special attention is paid to the consideration of interpersonal conflict. It shows the uncontrolled transition of interpersonal

conflict into professional, social, and even intercultural conflict. The problem of ethnic ecology of mentality is raised. In addition, the article highlights the question of the didactic side of this problem that is teaching a person specific knowledge, skills and abilities through organized emotions in environmental / positive communication, even in the conditions of its modern natural acceleration.

Keywords: ecological diversity, types of communicative environments, internal human environment, personal conflict, emotional intolerance, organized emotions, ethnic ecology of mentality.

For citation: Shakhovsky V.I. The interaction of the communicative environments in natural communication. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 113–134. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.113-134.

Как установлено лингвистами, можно говорить о многих средах бытования человека. Конечно, прежде всего, человек живёт в *природной среде*. С одной стороны, являясь частью этой среды, с другой – формируя поле *человеческой среды*: люди, сосуществуя друг с другом, образуют сообщества. Тем самым они создают *социальную среду* вместе с государственным устройством своего бытия. Язык человека образует ещё одно поле – *языковую среду*. Языковая среда является частью *человеческой среды*, которая представляет собой часть *социальной среды*, а как следствие – часть окружающей человека природы. Получается что-то вроде матрёшки, включающей одну среду в другую. И, вроде бы, понятно, кто создал какую среду. Неизвестен лишь до конца создатель основной среды и всех её производных. Неизвестен также до конца создатель языка.

Мне хотелось бы остановиться в данной работе на использовании языка *homo sentiens* [10–14].

В XXI в. активизировалась и чрезвычайно расширилась ещё одна социальная среда, которую, несомненно, создал человек с помощью научно-технического прогресса. Это – *информационная среда*. Она связана с интерактивной коммуникативной деятельностью человека, которая сопряжена со специальными техническими средствами. Основным таким средством (полем) является Интернет. В последнее пятилетие за счёт своей бурной активности Интернет был единодушно и официально принят в перечень СМИ и стал одним из самых активных их средств. Поэтому можно говорить ещё

и о *коммуникативной среде*, и об *Интернет-среде*. Последняя связана с компьютерами и в этом смысле можно выделить *компьютерную среду* как среду существования и функционирования человека. Компьютерное пространство намного уже информационного. Уже складывается мнение о том, что современные ток-шоу на ТВ и словесные дуэли и перебранки в Интернете как разновидности коммуникативных сред напоминают *птичий гвалт*. Но в отличие от последнего они всегда агрессивны, токсичны, а значит, неэкологичны.

Эта среда в современном мире является доминирующей, накладывающей свои специальные слайды на все другие среды. Этот факт подтверждается ещё со времён Гумбольдта, который в своей философской трактовке утверждал, что, с сенсуалистической точки зрения, человеком используется большое количество экспрессивно-оценочных экспликаций эмоций, особенно «дескрипторы мелиоративного значения» [2].

В языковой, коммуникативной, компьютерной, информационной среде огромное место занимает эмоциональное пространство жизнедеятельности человека, т.е. его *психоэмоциональная среда* [14; 8].

Благодаря этому средству и его специфической активности появилось много его разновидностей: непечатные СМИ, социальные сети, твиттеры, мемы (совсем свежей формой этой разновидности Интернета является созданная самими пользователями мемпедия), Телеграм, посты, репосты, браузеры, мессенджеры, Инстаграм, Yahoo, Yandex, Google, Rambler и др. Все эти возможности, однако, вопреки мнению Гумбольдта, не используются в мелиоративных целях. К сожалению, они используются чаще для агрессивных целей, т.е. для детериоризации.

Я здесь не разделил все эти средства по их функционалу, по форме, по содержанию, это лишь неполный перечень предметной терминологии Интернет-среды как новой коммуникативной сферы. Моя цель – показать их богатое разнообразие, а также то, что их пользователями могут быть не только квалифицированные журналисты, но и любой человек любого

возраста, гендера, национально-культурных, конфессиональных, этнических и других различий.

Появление такого средства массовой информации, как Интернет, значительно расширило свободу слова, позволив многим пользователям перейти все границы коммуникативной свободы. Об этом тоже много пишут лингвисты, и я хотел бы ограничиться в данном исследовании только своими наблюдениями и наблюдениями моих коллег-лингвистов за речевым поведением журналистов. В данном случае лингвистика выступает в роли сейсмографа, фиксирующего все колебания языка и речи в публикациях журналистов во всех разновидностях СМИ [13].

Замечу, что среди обилия многообразных коммуникативных сред совершенно не разработана *внутренняя среда* человека. Есть обращение к так называемой интроспекции, методика которой используется в сопоставительных межкультурных исследованиях для того, чтобы описать внутренние чувствования и знания/компетенции исследователя применительно к языковому материалу, в том числе и иноязычному.

Отдельно также рассматривается *духовная среда* человека. Внутренний мир/среда человека – безграничный космос. И, естественно, он не может не оказывать влияния на коммуникативный стиль конкретного человека. И в этом плане представляется необходимым помимо всех вышеперечисленных типов/видов коммуникативных сред выделять и *внутреннюю коммуникативную среду* человека. Следует специально выделить такое противопоставление, как официальная vs. неофициальная *дипломатическая коммуникативная среда*. Аналогично – *врачебная* (среди врачей и врачей с пациентами). В этом плане тоже можно выделять внешнюю и внутреннюю *профессиональную коммуникативную среду*. Но такая «внутренность» отличается от собственно внутренней коммуникации одного и того же речевого партнёра с самим собой. И всё это умножается на разнообразие стилей других коммуникативных сред и на многоязычие стилей эмоционального общения. Кроме этого, необходимо упомянуть ещё и *этническую коммуникативную*

среду, как внутри-, так и межэтническую. Не зря в лингвистике существует такая проблема, как «свой среди чужих и чужой среди своих». Эта проблема, особенно в современных разнообразных межэтнических конфликтах, имеет очень важное значение для эффективной коммуникации. Представляется, что современной этнопсихолингвистике предстоит ещё очень многое сделать, чтобы разобраться в основных причинах этих конфликтов и выработать для лингвистики общения (коммуникологии) ориентирующие рекомендации.

Таким образом, количество коммуникативных сред вряд ли исчислимо за счёт бесконечных коммуникативных ситуаций, особенно эмоциональных, из-за бесчисленных эмоциональных оттенков и тональностей, которые каждый раз меняют восприятие и понимание речевого произведения, и их анализ чрезвычайно затруднён, т.к. один и тот же метод не всегда может быть применён к разным коммуникативным средам. В этом видится так называемая лингвопластика общения. Прежде всего, это объясняется личностной психологией коммуникантов и личными пристрастиями исследователя, которые оказывают особое влияние на характер межличностных конфликтов, осуществляемых через общение: вхождение в конфликт ↔ его развитие/динамичность (стремительный, затяжной, неразрешимый и др.) ↔ выход из него (различные виды выходов) ↔ дальнейшая форма общения конфликтовавших коммуникантов (различные виды).

Перейду к рассмотрению наиболее общих знаний о межличностных конфликтах.

Психология межличностного конфликта

Поскольку существуют различные виды и типы общения, лингвистика изучает и все виды коммуникативных конфликтов. Особое место среди последних занимают межличностные конфликты, которые проецируются на все остальные виды общения. А с другой стороны, все другие виды общения генерируют и интенсифицируют межличностные.

Теории конфликтов посвящено много работ в разных научных парадигмах, прежде всего, в психологической и коммуникологической [4].

Так, психологический подход к конфликту часто обращается к трудам Э. Берна, который отмечал, что человек перерабатывает информацию и вычисляет вероятности, которые нужно знать, чтобы эффективно взаимодействовать с окружающим миром [1]. Психология неоднократно замечала, что человеческая природа – изначально позитивная, конструктивная, кооперативная, но социальная среда, экономика, политика, международная ситуация оказывают существенное влияние на изначальную природу человека и трансформируют не только язык личности / субъекта, но его духовные, моральные качества. В современный период наблюдается активная трансформация человеческой личности в сторону ухудшения его компетенции, интеллекта, духовности и здравомыслия. Мне уже доводилось отмечать уход в периферию таких качеств человека, как добродетель, честь, порядочность, дружелюбие, взаимовыручка и т.п., что снижает качество жизни самого общества и очень деформируют язык, на котором общаются индивиды, в том числе и в сфере СМИ-дискурса [12]. Современный человек во всём мире стал более обидчив, завистлив (он без конца сравнивает себя с другими людьми и выносит субъективные оценки себе и другим, что провоцирует зависть), гневлив и неводержан в своих эмоциональных рефлексиях. Всё чаще превалирует так называемая неорганизованная эмоция. Достаточно посмотреть на современное искусство, литературу, Интернет-общение, межличностное, групповое, институциональное, межкультурное, межэтническое общение. И особенно в последние десятилетия – конфессиональное. Проводятся горячие дискуссии на тему, можно ли оскорбить чувства, причём не делами, а словами. Даже то, что появилась такая острая проблема, свидетельствует о деформации коммуникативной личности. Или, как минимум, о её трансформации.

Доказательством такого мнения является тот неоспоримый факт, что доминантной стала психологическая несовместимость субъектов и её несдерживаемая никакими регуляторами экспликация. Примером является так называемая регулятивная гильотина: даже она не может остановить, предупредить зачин и развитие множества конфликтов, самыми болезненными

из которых являются межличностные конфликты, ибо они влияют прежде всего на бытовое, производственное, социальное общение людей и травмируют их психику и здоровье, и в целом, на экономику страны. Современная эмотиология различает экологию языка и экологию человека [3], и они тесно взаимосвязаны, ибо обе стороны являются конститuentами общей экологии, понимаемой как сохранение среды обитания, природы и человека как её части.

Призывы многих учёных разных научных парадигм к позитивному общению не имеют должного эффекта в силу негативной социально-психологической ситуации в мире [5]. Эта ситуация в мире характеризуется дисбалансом (асимметрией) субъектов коммуникации всех видов, т.е. инакостью.

Трудные жизненные ситуации делают конструктивное взаимодействие современных коммуникантов неконструктивным и неэмпатийным, поэтому нарушаются цель, задачи, результат, способы, эмоциональная сфера, спокойствие, сочувствие, сопереживание, волевая сфера, управление своим поведением и волевые усилия. Все вышеперечисленные компоненты становятся неэкологичными в различных ситуациях за счёт доминирующих негативных эмоций. А все перечисленные типы и виды коммуникативных сред, особенно при их смешивании, объясняются всегда личностями коммуникантов и их индивидуальными смыслами, которые за счёт психологизации у различных коммуникантов, как правило, не совпадают. Напомню противопоставление: "прагматика говорящего" vs. "прагматика слушающего". Также напомню аксиому: "все значения находятся в головах говорящих".

Экология преодоления социального конфликта

Ни бесчисленные СМИ (30000 СМИ, 200000 ежедневных новостных информем и прагмем, в связи с чем родилась даже такая креатема – *перпетуум-новости*), ни образовательные учреждения всех уровней и типов, ни правоохранные, ни здравоохранительные структуры, ни семья, в основном, не учат человека с младенческих лет экологичному позитивному общению. А целеполагающим ориентиром такого общения является, например,

современное общение в японской коммуникативной среде. В мировой практике общения людей имеется очень редкий позитивный пример, когда целая нация на сознательном уровне осмыслила неблагоприятность негативного общения и решила коренным образом изменить ситуацию хотя бы в условиях одной страны. Замечу, однако, что это похоже на строительство социализма в отдельно взятой стране. Ведь японцам приходится общаться с непозитивным миром, и им очень трудно придерживаться своих собственных позитивных принципов. И вряд ли у них это получается, так как в остальном мире аналогичного принципа общения друг с другом внутри культур и между ними нет.

Секрет же их долголетия заключается в том, что японцы – единственный народ на Земле, который при общении старается не испортить настроение своему собеседнику. Секрет успеха целой страны заключается в том, что японцы одними из первых научились контролировать свои мысли. Понимая прекрасно, что негативные мысли убивают не только настроение собеседника, но и собственное здоровье и будущее, они взяли и убрали из своего языка слово «нет». Это был первый шаг к позитивизации их внутреннего общения всех типов, включая институциональный, который неожиданно привёл к экономическому росту страны.

Однако существует и другое мнение об этом феномене: вопреки вышеприведённому утверждению, слово "нет" в Японии всё-таки существует. Оно звучит так (в транслитерации): *ii e*. И японцы им охотно пользуются. Улыбки, поклоны, икебана, стихи на смерть любимой собаки – это продолжает всё ещё оставаться чисто внешним, хотя они и стараются следовать позитивному мышлению и позитивному речевому этикету.

Это было сделано естественным образом, потому что каждый из них в школе, дома, на работе контролирует свои мысли и старается запретить негативным мыслям испортить жизнь и будущее и себе, и другим людям.

К сожалению, в большинстве стран люди не понимают, что мысли – это семена, из которых вырастет их будущее, будущее их детей, будущее их фирмы, будущее их страны. В этом плане, несомненно, что и экология

человека, и экология языка как часть общей экологии сохранения природы является, по моему мнению, явно экономической категорией, на что, к большому сожалению, специалисты-экономисты пока не обращают никакого внимания.

Как ни странно, для улучшения позитивизации человеческого общения работает и глобальная система смайликов и система японских эмодзи [6; 15; 16].

Негативный эффект деловой коммуникации в межличностном конфликте

В психологии отсутствует универсальное определение феномена конструктивного взаимодействия. Конструктивность – деловой, реалистический подход к поискам путей и способов решения проблемы коммуникативного взаимодействия.

Межличностные взаимодействия состоят из единичных действий в различных коммуникативных ситуациях, особенно в эмоциональных, при этом социальное взаимодействие людей друг с другом оказывает существенное влияние на индивидуальную деятельность человека, особенно это относится к элитарным и авторитетным личностям, которые оказывают заметное влияние на ординарные личности. Таким позитивным примером элитарной и авторитетной личности является Л.М. Алексеева, недавно ушедшая из жизни.

Известно, что только в условиях взаимодействия с другими людьми раскрываются индивидуальные возможности человека.

Интересно рассмотреть межперсональный конфликт между бывшими единомышленниками, создавшими международную организацию на паритетных началах.

Наиболее частотны в речевом общении людей межличностные конфликты по поводам, которые неисчислимы за счёт неисчислимых эмоциональных коммуникативных ситуаций, в которые попадают речевые партнёры. При любом контакте людей неизбежны их естественные и неуправляемые (неорганизованные) воздействия друг на друга. Ибо никто

из людей не знает, как может обернуться посланное собеседнику любое слово, даже самое нейтральное. Все мы прекрасно помним слова Тютчева: «*Нам не дано предугадать...*». Повторю, это взаимодействие обоюдное и отнюдь не только рациональное. Каждый речевой контакт создаёт особое экологическое речевое пространство, в котором обязательно задействованы чувствования и эмоции. При этом чувственный компонент такого коммуникативного пространства для обоих говорящих может вызвать совершенно неожиданную эмоциональную рефлексию, последствия которой могут спровоцировать разные виды конфликтов, экология которых с трудом поддаётся коррекции. Мы вынуждены при этом принимать немощи, жалобы, обиды, стереотипы, желания и волевые послы собеседника, если хотим, чтобы речевой контакт продолжался, а не обрывался в неэкологичной форме. Наш собеседник принудительно вовлекает нас в орбиту своих чувствований, и мы обязаны им хотя бы внешне эмпатировать в фактических целях.

При этом эмоции собеседника провоцируют эмоции слушателя, которые в свою очередь провоцируют эмоции собеседника: возникает сложный клубок переплетённых смешанных эмоций. Отсюда естественна роль эмоционального интеллекта адресата, который должен знать, как организовать эти обоюдные эмоции. Но одних знаний конститuentов эмоционального интеллекта недостаточно даже у обоих коммуникантов: помимо знаний необходимы ещё умения и навыки обеих сторон. А это практически невозможно. Именно этим и объясняются бесконечные межличностные конфликты, исследования которых бесчисленны, но результаты неочевидны [4]. Взаимодействие регулятивной функции разума и эмоций, к сожалению, трудно поддаётся согласованию, что объясняется в большой степени их инстинктивностью.

Попробую проанализировать реальный межличностный конфликт в деловой коммуникации. Его пропозиция такова: дано: официальная инициативная организация – О, созданная группой энтузиастов-коммуникативистов; есть группа активистов этой организации, которая с огромным воодушевлением развивает двусторонний проект, т.к. в него были

вовлечены и крупнейшие иностранные коммуникативисты, получившие к тому времени уже значительные успешные результаты по воспитанию культуры экологичного общения в своём социуме.

Данный конфликт рассматривается на основе переписки двух руководителей конкретной организации.

Материалом данного анализа является эмотивная семантика лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса из текста-рефлексии X. Суть конфликта, подвергающегося эмотивно-стилистическому анализу, состоит в следующем: X не считает обоснованными и справедливыми высказывания Y о качестве работы X как руководителя O, считает, что Y сводит с X личные счёты, и сам Y озабочен исключительно продвижением собственных карьерных интересов, используя организацию для повышения своего научного и академического рейтинга.

Письмо X третьей стороне, Z, состоит из двух частей. В первой части письма X делится с Z своими переживаниями о сложившейся ситуации с Y, а во второй части приводит фрагмент своего письма Y. В письме эксплицируется и имплицуруется большая группа чувствований, доминантой которой является *разочарование*. В этот кластер входят: *обида, печаль, удивление, горечь, усталость* от борьбы с сопротивлением, которое оказывается X. В письме своему соратнику Z X перечисляет моменты своего несогласия с отношением Y к их общему делу, которое, по мнению X, его разрушает. Приведу цитату из обвинительной части письма: «Что ж, поставим точку. Собственно, для этого я и отослал моё предыдущее обращение, так как Ваше нежелание вкладывать себя в работу проявилось задолго до того, как Вы прочитали прошлогодний текст моей заявки (тот, что Вы назвали «тезисами»). И Ваши обвинительные ссылки на тот текст, с моей точки зрения, есть не более чем попытка выдать одни мотивы за другие. У меня была очень маленькая надежда, что Вы всё-таки извинитесь передо мной и коллегами за необоснованные нападки и оценочные суждения по ситуации (моего выступления), о которой объективно ничего не знаете, за резко

неуважительную тональность, которую Вы позволили в отношении ко мне лично, и за общий деструктивный негативизм, который Вы внесли в работу нашей группы».

Подтверждением кластера эмоций X являются, например, такие слова: «уже выше моих физических сил», «я не могу быть *perpetuum mobile*», «Печально, конечно, видеть, что работа тех энтузиастов длится лишь постольку, поскольку я поддерживаю с ними личную связь – стоит мне переключиться с одного проекта на другой – и прежний западает».

Небезынтересно также назвать в моём анализе данного конфликта те языковые экспрессивные и стилистические средства, которые использует обиженный в своём прямом обращении к обидчику. Замечу, что все они маркированы стилистической и экологичной вежливостью, даже вопреки общей неудовлетворённости и разочарованию оппонентом, что говорит о достаточно высоком эмоциональном интеллекте X и его способности к эмоциональной саморегуляции и к демонстрации организованных эмоций: «Ваши обвинительные ссылки, Ваши необоснованные нападки и оценочные суждения, Ваша резко неуважительная тональность, Ваш общий деструктивный негативизм» и др. На первый взгляд, эти примеры несколько резки, но в общем контексте послания они явно честны, открыты и уважительны. И ни в коем случае не оскорбительны со стороны говорящего. А уж то, как они будут восприняты получателем... там могут быть всякие неожиданности. О чём я и предупреждал выше: «*Нам не дано предугадать...*». Но это предусмотреть практически невозможно, ибо платиновое правило современной коммуникативистики «говори так, как слушающий хотел бы, чтобы с ним говорили» на практике никогда не осуществимо, за исключением *ожидаемой лести*.

Обращаясь к Z как к третейскому судье, X в довольно деликатной риторике делится с ним и своими другими переживаниями по поводу происходящего и, вероятно, хочет, чтобы он поддержал такую рефлекссию, которая X представляется справедливой и обоснованной: «Многое можно было

бы сказать по поводу затеянного Y конфликта и рассказать многое другое, что остаётся за кадром», «Можно – и это мне важнее всего – рассматривать, в чём причины конфликтов», «Можно, наконец, смотреть на межличностные конфликты и с личной эмоциональной точки зрения». Z, однако, отчасти поддерживает и Y, что X принимает с удивлением и огорчением: *«И здесь мне грустно слышать от Вас, что Y «более прав». В чём»*). Но попытка Z заключается именно в примирении сторон и возврата *status quo* в общем международном проекте и стремлении решить этот внутренний конфликт самим, не привлекая иностранных партнёров.

Далее в письме X Z приводится довольно эмоциональная аргументация X, антитеза, градация, повторы, фразеологизмы, множество коннотативов, ибо воспитание и вежливость не позволяют X перейти на аффективы: «В то время как я работаю над тем, чтобы ещё более сплотить группу иностранных активистов – создать среди них комитет по подготовке следующей конференции O, обрабатываю в частных встречах учёных «с именами», чтобы заручиться их участием в нашей следующей конференции, пытаюсь завербовать группу активистов, которая могла бы помочь нам с раскруткой английского сайта, прорабатываю новые перспективные идеи спонсорства O с иностранной стороны, приглашаю всех активистов в русский ресторан для дальнейшего подогревания их интереса к России, т.е. кручусь в non-stop networking and relationship building – в это самое время Y (который сам палец о палец не ударил, чтобы помочь нам хотя бы по подборке информации по грантам, о чём я просил Y не один раз, поскольку это сфера Y) – в это время Y требует, чтобы я публично извинился за то, что искажаю и дискредитирую российскую культуру перед иностранцами? И даже во второй и третий раз настаивает на извинении. Что-либо более абсурдное я себе не могу представить. То есть, здесь и не пахнет желанием сотрудничать, есть желание выстрелить в упор и сразить противника. И на него же потом взвалить вину – якобы, не умеет работать с людьми... Весьма удобная позиция. Я считаю, что, взвалив на себя весь груз общественной работы, я могу позволить себе одну роскошь –

выбирать, с кем мне работать, и не работать с людьми, с которыми у меня мало общего. И в случае необходимости – когда слишком много яда выпускается – защитить и оградить себя от таких людей. Поэтому мой ответ Y был тот, что внизу. В одном я с Вами полностью согласен – мне надо осмотреться – а значит решить для себя, хочу ли я заниматься делом O дальше при таком отношении коллег».

Данный фрагмент является эмотивным высокой плотности за счёт инкрустаций в него эмотивов разных типов, которые, однако, не переходят на аффективы, а остаются в пределах экологично выдержанных потенциативов и коннотативов [9-14].

Самой сильной, на мой взгляд, стилистической позицией X является аргументативная антитеза, эксплицирующая различные вклады в общее дело обеих сторон, что усиливает их внутренний конфликт, разрушающий созданную ими организацию.

Если внимательно посмотреть на приведённую антитезу, то в ней наблюдается огромный стилистический потенциал, экологичная аргументация, хотя и нагруженная эмоционально (прорыв эмоций, хотя и организованных), что указывает на растягивание антитезы градацией разностилевых коннотативов, а это приводит в целом к эффекту *semantic stretching*, оказывающему на третьей стороне большое прагматическое впечатление.

Тем не менее, он пытается примирить конфликтующие стороны и показать возможный выход из этого деструктивного конфликта. К сожалению, ему это не удалось, доказательством чего является закрытие сайта данной, очень нужной, коммуникативной организации.

Из письма X следует, что больше всего X возмущает, что Y, цитата, «требуется, чтобы X публично извинился за то, что искажает и дискредитирует российскую культуру ... И даже во второй и третий раз настаивает на извинении», что, по словам Y, «X позволил себе поучать Y», есть «серьёзные специалисты, которые не хотят с X работать» и настаивают на уходе X из руководства, что, в конце концов, и произошло. Чтобы закрыть этот

затянувшийся и ставший деструктивным конфликт, X покинул свой пост, но и это не спасло организацию, потому что конфликт, как метастаза, поразил основных её создателей.

Подведу итоги анализа данного конфликтного текста:

1. Предметно X недоволен критикой своей работы со стороны Y, поскольку, по мнению X, Y не создал, в отличие от X, организационного продукта, аналогичного продукту X, а потому не обладает моральным правом судить стиль руководства X, а такое право появится только при условии равноценного вклада в общее дело. X также считает несправедливым негативизм Y и публичное сведение личных счётов.

Во всём этом конфликте нет дыма без огня, так как всем членам организации детально неизвестны все конституирующие признаки и их смысловые конкретизаторы.

2. К чему X призывает / склоняет Y, чего добивается от Y: помогать не только написанием статей, перестать критиковать X в оскорбительной для X форме.

3. В чём Y обвиняет X: в непрофессионализме и что якобы с X отказываются работать профессионалы, что явно не справедливо.

4. Кто из них ищет совместное решение как выход из конфликта: X пишет прямо и честно, приводит факты из этапов работы, не стремится очернить кого-либо и призывает всех и каждого к сотрудничеству.

5. В чём начало конфликта, его развитие, каков видится выход: пока X не возмущался небольшому вкладу некоторых членов президиума в общее дело, пока в основном вёл все проекты самостоятельно, до тех пор, пока не начал избегать работы с некоторыми коллегами, всех всё устраивало.

6. Во имя чего должен быть решен этот конфликт: восстановить хороший и крайне необходимый проект в условиях, когда весь говорящий мир съехал с экологичной колеи и перешёл на язык грубостей, хамства, циничности, меркантильности, вульгарностей и, в основном, на эмоциональную

и экспрессивную форму, забыв о рациональной основе языка и о том, что все говорящие – *homo sapiens*.

7. Что объединяет конфликтующих коммуникативных партнёров: в настоящее время конфликтующие стороны ничего больше не объединяет. Это – результат деструктивной функции непогашенного вовремя и правильно коммуникативного конфликта.

8. Третье лицо, к которому обращается первое с данным текстом, предлагает им обоим примириться и посвятить себя общему и так нужному всем делу. Таково одно из правил коммуникативной толерантности. Все попытки третьего лица вернуть конфликтующие стороны к истоку их совместного проекта не увенчались успехом. В результате, проект оказался полупровальным.

9. X, желая прекратить затянувшийся конфликт, добровольно вышел из состава O и, соответственно, из его руководства. По мнению некоторых коллег, X высказал свои претензии и некоторые из выслушавших их восприняли их с большой обидой, ибо они, хотя и были предельно экологичны и вежливы, но честны и откровенны. Увы, упрёки, даже справедливые, со стороны X, были восприняты как несправедливые. Такова природа межличностных конфликтов: в них объективность, как правило, нивелируется даже среди высоко образованных и интеллектуальных коммуникантов.

10. После этого никто из бывших коллег по O друг с другом не общается, т. е. конфликт оказался разрушительным для межличностных отношений, а ведь все были изначально воодушевлёнными и единомышленниками, а некоторые даже друзьями, объединёнными именно X, под великолепный международный проект. O продолжает своё существование латентно, но без прежней активности и без прежних научных мероприятий, за исключением зарубежных и организованных не O, и в очень слабых контактах через Фейсбук. А сайт O закрыт, потому что его некому поддерживать, в том числе иностранным партнёрам. Это ещё один эффект межличностного конфликта для

делового партнёрства с инокультурными коммуникантами, которые увидели воочию, как русскоязычные партнёры трудны для кооперации. А это вносит ещё один штрих в негативный имидж такого партнёрства.

Можно вспомнить, что эмоциональный интеллект и высокий IQ не справляются с обузданием страстей и эгоизма. А что уж тогда говорить о бытовом межличностном общении? Вспомним хотя бы мировую классику: конфликт между Е. Онегиным и Татьяной, между Е. Онегиным и В. Ленским, между семьями Монтекки и Капулетти. Все эти примеры – о трагическом конце межличностных конфликтов в межличностной коммуникативной среде, которая взаимодействует с групповой, социальной и этнической средами (Россия – помещичья среда, Италия – вельможья коммуникативная среда). Примеры из мировой классической литературы практически бесконечны. А литературная коммуникативная среда, как известно, является отражением через искусство естественной коммуникации с определёнными и всем известными преломлениями.

Экологическая многоликость заключается в градуированности экологичности в коммуникации. Примеры такого разнообразия наблюдаются во всех современных коммуникативных средах, в том числе и при их смешении / взаимодействии. Даже невзирая на, казалось бы, официально принятый плюрализм мнений.

В результате межличностных амбиций и недозаимопонимания даже люди с высоким эмоциональным интеллектом и достаточно высоким IQ не всегда могут преодолевать мелочные личные обиды. Видимо, за счёт недостатка эмоциональной толерантности как неизбежного компонента экологии человека и его языка можно сделать все формы коммуникации неуспешными, что и подтверждается практиками современного общения. Определённую роль в рассматриваемый деструктивный процесс вносят и порой завышенные самооценки речевых партнёров, и необъективная оценка личного вклада в общее дело, а также ошибочная оценка процесса решения

профессиональных задач в соответствии с оптимальным образом планируемыми результатами.

Как показано в статье, межличностная психология, этнопсихология и (меж)этническая психология менталитета требуют глубоких лингвоэкологических исследований и лингводидактических построений по коммуникативному воспитанию человека. А, по М. Ломоносову, всё воспитание и образование – есть принуждение человека к добру.

Шкала многоликости экологии градуирована от этичности до хамской формы мышления через множество промежуточных дейктиков, среди которых вульгарность, невежливость, цинизм как форма мышления, а соответственно, и речепорождения, т.е. общения. Эта шкала с дейктиками работает практически во всех коммуникативных средах, к чему прикасается "рука" человека (имеется в виду его язык). Соответственно, варьируется и экологичность всех упомянутых выше коммуникативных сред человека.

Данное исследование показало, что все названные в статье коммуникативные среды взаимодействуют между собой и фактически являются дискурсами. Все эти дискурсы используют общенациональный язык, что их объединяет. А различаются все дискурсы специфическими для каждого из них ресурсами языка. Эти ресурсы варьируются в зависимости от предметно-функциональной сферы использования общенационального языка и темами общения, а также эмоциональными состояниями коммуникантов. Сопровождающие такие ситуации эмоции являются интертекстуальными / интердискурсивными. Доминантой такой интертекстуальности на современном этапе общения *homo sentiens* является агрессивность. А это – неэкологично (токсично, антитерапевтично, т.к. приводит к разрушению здоровья коммуникантов).

Каждый тип коммуникации характеризуется своими собственными языковыми, экспрессивными и стилистическими средствами, своей тематикой. Всё это многообразие осуществляется на базе общенационального языка.

Литература

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Минск: Современный литератор, 2003. 448 с.
2. *Жуйкова О.В.* Доминантные лексические средства экспликации эмоций в языковой картине мира Вильгельма Фон Гумбольдта // Жизнь языка в культуре и социуме – 7. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 1-2 июня 2018 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова, С.В. Дмитрюк. М.: Издательство «Канцлер», 2018. 146–147 с.
3. *Ионова С.В.* О двух аспектах эколлингвистических исследований. Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 10–25.
4. *Кара-Мурза Е.С.* Предупреждение речевых преступлений в СМИ – Общественная повестка дня и коммуникативные практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., МГУ, 2009. С. 409–411.
5. *Леонтович О.А.* Позитивная личность: коммуникативные особенности и поведенческие характеристики // Известия ВГПУ, 2019. №1 (134). С. 178–184.
6. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 263 с.
7. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
8. *Санта-Мария Гарсиа К., Феррер-Ревул Д.* Международная конференция «Язык и эмоции». Мадрид, Испания, 23-25 ноября 2016 г. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 2017, том 21, №2 с. 441–445. [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/v/international-conference-on-language-and-emotion-madrid-spain-23-25-november-2016>.
9. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987; М.: URSS. 2019. 206 с.

10. *Шаховский В.И.* Эмоции в коммуникативной лингвистике // Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 179–191.

11. *Шаховский В.И.* Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.

12. *Шаховский В.И.* Триада экологичности – человек, язык, эмоции – в коммуникативной практике. IPR-books, 2017a. [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.iprbookshop.ru/58327.html>.

13. *Шаховский В.И.* Многоязычие стилей эмоционального медийного дискурса // Стилистика. М: МГУ. 2017б. С. 32–44.

14. *Шаховский В.И.* Ускоренная коммуникация как потребность современного социума // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. Москва: ИНИОН РАН, 2018. Вып. 20: Материалы XV Березинских чтений. С. 285–293.

15. Энциклопедия Эмодзи [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10>.

16. Язык эмодзи: хорошо это или плохо [Электронный ресурс]. // URL: <https://echo.msk.ru/programs/rusalmanach/2334701-echo/>.

References

1. Bern, Eh. (2003). *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games People Play. People who play games]. Minsk: Sovremennyi literator. 448 s. (In Russian)

2. Zhuikova, O.V. (2018). *Dominatnye leksicheskie sredstva ehksplikatsii eh Motsii v yazykovoii kartine mira Vil'gel'ma Fon Gumbol'dta* [Dominant lexical means of explication of emotions in the language picture of the world of Wilhelm von Humboldt] // *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume* – 7. Materialy Vserossiiskoi

nauchnoi konferentsii. Moskva, 1-2 iyunya 2018 g. / Red. kollegiya: E.F. Tarasov (otv. red.), N.V. Ufimtseva, V.P. Sinyachkin, D.V. Makhovikov, A.A. Stepanova, S.V. Dmitryuk. M.: Izdatel'stvo «KantsleR». 146–147 s. (In Russian)

3. Ionova, S.V. (2016). *O dvukh aspektakh ehkolingvisticheskikh issledovaniy* [About two aspects of ecolinguistic research]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. № 1. S. 10–25. (In Russian)

4. Kara-Murza, E.S. (2009). *Preduprezhdenie rechevykh prestupleniy v SMI – Obshchestvennaya povestka dnya i kommunikativnye praktiki* [Media Crime Prevention - Public Agenda and Communication Practices]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. M., MGU. S. 409–411. (In Russian)

5. Leontovich, O.A. (2019). *Pozitivnaya lichnost': kommunikativnye osobennosti i povedencheskie kharakteristiki* [Positive personality: communicative characteristics and behavioral characteristics] // *Izvestiya VGPU*. №1 (134). S. 178–184. (In Russian)

6. Martine, A. *Printsip ehkonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The principle of saving in phonetic changes] (1960). M.: Izdatel'stvo inostranoi literatury. 263 s. (In Russian)

7. Mat'yash, O.I., Pogol'sha V.M., Kazarinova, N.V., Bibi S., Zaritskaya Zh.V. (2011) *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal Communication: Theory and Life] / Pod nauch. red. O.I. Mat'yash. SPb.: Rech'. 560 s. (In Russian)

8. Santa-Mariya Garsia, K., Ferrer-Revul, D. (2017). *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Yazyk i ehmtsii»* [International conference on language and emotion], Madrid, Ispaniya, 23-25 noyabrya 2016 g. *Vestnik RUDN*. Seriya: Lingvistika, tom 21, №2 s. 441–445. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/international-conference-on-language-and-emotion-madrid-spain-23-25-november-2016>. (In English)

9. Shakhovskii, V.I. *Kategorizatsiya ehmtsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* (2019)[Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1987; M.: URSS. 206 s. (In Russian)

10. Shakhovskii, V.I. (2008). *Ehmtsii v kommunikativnoi lingvistike // Kategorizatsiya ehmtsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Emotions in

communicative linguistics // Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. M.: Izdatel'stvo LKI. S. 179–191. (In Russian)

11. Shakhovskii, V.I. (2013). *Ehmotivnaya lingvoehkologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. monogr.* [Emotive linguoecology in the modern communicative space: coll. monograph] / nauch. red. prof. V.I. Shakhovskii; otv. red. prof. N.N. Panchenko, redkol.: Ya.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina. Volgograd: Izd-vo VGSPU «PeremenA». 450 s. (In Russian)

12. Shakhovskii, V.I. (2017a). *Triada ehkologichnosti – chelovek, yazyk, ehmtsii – v kommunikativnoi praktike* [Ecological triad - man, language, emotions - in communicative practice]. IPR-books. // URL: <http://www.iprbookshop.ru/58327.html>. (In Russian)

13. Shakhovskii, V.I. (2017b). *Mnogoyazychie stilei ehmotSIONal'nogo mediinogo diskursa // Stilistika* [Multilingualism of styles of emotional media discourse // Stylistics]. M: MGU. S. 32–44. (In Russian)

14. Shakhovskii, V.I. (2018). *Uskorennaya kommunikatsiya kak potrebnost' sovremennogo sotsiuma* [Accelerated communication as the need of modern society] // *Yazykovoe bytie cheloveka i ehtnosa: sbornik nauchnykh trudov po materialam XV Berezinskikh chtenii* (Moskva, 25 maya 2018 g.) / pod red. V.A. Pishchal'nikovoi, L.R. Komalovoi, N.N. Germanovoi. Moskva: INION RAN, 2018. Vyp. 20: Materialy XV Berezinskikh chtenii. S. 285 – 293. (In Russian)

15. *Entsiklopediya Emodzi* [Encyclopedia of Emoji] // URL: <https://www iPhones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10>. (In Russian)

16. *Yazyk emodzi: khorosho ehto ili plokho* [Emoji language: good or bad] // URL: <https://echo.msk.ru/programs/rusalmanach/2334701-echo/>. (In Russian)

Автор публикации

Шаховский Виктор Иванович –
доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет
г. Волгоград, Россия.
Email: shakhovsky2007@yandex.ru

Author of the publication

Shakhovsky Victor Ivanovich –
Doctor of Philology, Professor
Volgograd state socio-pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: shakhovsky2007@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.111-26

doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.135-146

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКЗАМЕНОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Н.П. Соболева, Л.Н. Юзмухаметова
NPSoboleva@kpfu.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В рамках данной статьи проводится классификация международных экзаменов по английскому языку, приводится обзор основных типов заданий, а также рассматриваются стратегии практического использования материалов форматных тестов для развития коммуникативных компетенций при языковой подготовке студентов гуманитарных специальностей. Кроме того, в статье даны определения наиболее востребованных форматных тестов на сегодняшний день. Еще одной особенностью данной работы является подробное описание типовых заданий международного тестирования по английскому языку IELTS. Актуальность данной темы определяется возросшей необходимостью интегрировать международные системы тестирования по английскому языку в практику преподавания иностранных языков. На основании проведенного анализа международных форматных экзаменов, а также практического опыта применения материалов для подготовки к тестам, в статье представлены выводы об эффективности использования данной стратегии при языковой подготовке студентов гуманитарных специальностей. Поскольку языковая подготовка с помощью материалов международных экзаменов обеспечивает гармоничное формирование четырех основных составляющих для успешной коммуникации на иностранном (английском) языке, интеграция данного подхода к обучению представляется прекрасным дополнением к основной образовательной программе.

Ключевые слова: английский язык; студент; обучение; языковые навыки; международный экзамен; IELTS.

Для цитирования: Соболева Н.П., Юзмухаметова Л.Н. Использование материалов международных экзаменов по английскому языку для подготовки студентов гуманитарных специальностей. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 135–146. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.135-146.

USE OF INTERNATIONAL STANDARDISED TEST MATERIALS OF ENGLISH LANGUAGE PROFICIENCY IN HUMANITIES STUDENTS' TRAINING

N.P. Soboleva, L.N. Yuzmukhametova

NPSoboleva@kpfu.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This paper embraces the classification of international standardised exams in English, provides with an overview of a wide range of tasks as well as strategies for test materials implementation to develop communicative competencies in Humanities students' training. In addition, the article defines the most widely spread standardized tests. Another feature of this paper is a detailed description of tasks typical of International English Language Testing System (IELTS). The relevance of the topic under consideration is determined by the need to integrate international English language assessment standards in teaching practice. Based on the analysis of international standardized tests, as well as the experience of using materials for exam preparation, the given paper provides conclusions about the effectiveness of using this strategy in the language training of Humanity students. Since foreign language training with the help of international testing system materials and methods ensures the harmonious formation of four main components for successful communication in English, the integration of this approach to learning seems to be an excellent addition to the main educational program.

Keywords: English; student; training; language skills; international standardised test; IELTS.

For citation: Soboleva N.P. Yuzmukhametova L.N. Use of international standardised test materials of English language proficiency in humanities students' training. *Kazan linguistic journal*. 2020; 1 (3): 135–146. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.135-146.

В эпоху глобализации интерес к международным экзаменам усиливается с каждым годом. Сдача международного экзамена позволяет определить уровень владения иностранным языком, который в настоящее время является одним из критериев отбора. К востребованным тестам, в частности, относятся международные системы оценки знания английского языка. При этом наиболее популярными являются TOEFL, IELTS, FCE, CAE, CPE и др.

Обучение с помощью материалов для подготовки к международным экзаменам необходимо не только тем, кто планирует проживать, обучаться, а также проходить практику в англоязычной среде. Сдача экзамена международного уровня также полезна студентам гуманитарных

специальностей, которые настроены на повышение и оценку своих языковых навыков.

Форматные экзамены, как правило, включают в себя четыре раздела: аудирование (Listening), чтение (Reading), письмо (Writing), а также устную часть (Speaking). Подобное деление на разделы не случайно, т.к. оно отражает суть самого теста, нацеленного на проверку основных коммуникативных навыков соискателя сертификата.

Поскольку языковая подготовка студентов с помощью материалов международных экзаменов обеспечивает гармоничное формирование четырех основных составляющих коммуникативной компетенции, интеграция данного подхода к обучению является прекрасным дополнением к основной образовательной программе.

В данной статье мы проводим классификацию международных экзаменов по английскому языку, приводим обзор основных типов заданий, а также рассматриваем стратегии практического использования материалов форматных тестов для развития коммуникативных компетенций при языковой подготовке студентов гуманитарных специальностей.

В зависимости от целей соискателя, среди разновидностей международных экзаменов по английскому языку можно выделить три основные группы тестов, а именно:

1. Международные экзамены по английскому языку для поступления в зарубежные школы и вузы;
2. Международные экзамены по английскому языку для трудоустройства за границей;
3. Международные экзамены по английскому языку для повышения квалификации преподавателей.

При поступлении в иностранные учебные учреждения, абитуриенты часто отдают предпочтение двум международным экзаменам: TOEFL и IELTS. Для трудоустройства за границей могут понадобиться BEC, FCE, CAE, CPE и пр. С целью повышения квалификации преподавателя английского языка

обращаются к TKT, CELTA и DELTA [6-11]. Прежде чем предоставить обзор основных типовых заданий форматных тестов, обратимся к определениям наиболее востребованных международных экзаменов.

IELTS (от англ. International English Language Testing System) представляет собой международную систему тестирования, которая позволяет определить языковые компетенции соискателя сертификата. IELTS управляется тремя партнерскими организациями: CELA (Cambridge English Language Assessment), Британским советом (the British Council) и IDP (IELTS Australia). Тест IELTS Academic сдают абитуриенты канадских, австралийских, новозеландских, американских, британских или ирландских университетов. IELTS General Training предназначен для переезжающих в Канаду, Великобританию, Австралию и Новую Зеландию [8].

TOEFL (от англ. Test of English as a Foreign Language) – тест на знание английского языка как иностранного. Это еще один не менее распространенный международный тест на знание английского языка. Данный экзамен сдается для поступления в университеты Соединенных Штатов Америки, а также Канады; по степени сложности тест можно сопоставить с IELTS Academic. Особенностью IELTS является то, что экзамен сдается в письменном виде на бумаге (“Paper-based”), тогда как существуют две разновидности TOEFL: Paper-based Test (PBT) и Internet-based Test (iBT), которая сдается на компьютере [11].

CAE (также C1 Advanced) – это экзамен международного уровня, который является подтверждением владения английским языком как иностранным на продвинутом уровне. Иными словами, при успешной сдаче CAE полученный соискателем сертификат удостоверяет, что его навыков владения английским достаточно для устной и письменной коммуникации на уровне C1, что необходимо для проживания, обучения и нахождения работы в англоязычной стране. Особенность данного экзамена заключается в том, что, в отличие от TOEFL и IELTS, CAE состоит из 5 частей: модулей «Чтение» (Reading), «Письмо» (Writing), «Использование английского языка» (Use

of English), «Аудирование» (Listening) и «Устная часть» (Speaking). В разделе “Use of English” проверяется владение английской грамматикой на материале пяти заданий. Еще одной отличительной чертой экзамена является устная часть, состоящая из четырех разделов, при этом задания выполняются парой кандидатов, каждый из которых оценивается независимо друг от друга. Выполнение устной части занимает пятнадцать минут [9].

CELTA (от англ. Certificate in Teaching English to Speakers of Other Languages, ранее Certificate in English Language Teaching to Adults) представляет собой начальную квалификацию в области преподавания английского языка как иностранного языка. Это специализированный курс, направленный на повышение квалификации преподавателей английского языка. Курс возможно сдать как в формате интенсива, так и частично заочного курса, при этом сертификат CELTA выдается подразделением Кембриджского университета [6].

На примере форматного теста IELTS мы рассмотрим типовые задания, которые можно интегрировать в практику преподавания английского языка как иностранного. Независимо от формата, выбранного соискателем сертификата, экзамен IELTS состоит из четырех ключевых компонентов: Listening (4 раздела, 40 вопросов, 30 минут); Academic / General Training Reading (3 раздела, 40 вопросов, 60 минут); Academic / General Training Writing (2 задания, 60 минут); Speaking (11-14 минут) [8].

Первым этапом теста IELTS является компонент “Listening” (аудирование). Аудирование представляется одним из важнейших аспектов обучения иностранному языку, поскольку оно не только способствует усвоению и расширению его лексического состава, но также облегчает освоение других ключевых компетенций, таких как чтение, письмо и навык говорения. Согласно Генишер Э.З., «Повышение эффективности обучения аудированию может оказать положительное воздействие на результативность обучения иностранному языку в целом» [2, С.57].

Компонент «Аудирование» может быть успешно интегрирован в основной образовательный процесс при языковой подготовке студентов гуманитарных специальностей. «Listening» как раздел IELTS состоит из четырех типов заданий, при этом каждое из них включает десять вопросов, которые оценивают различные навыки аудирования. Тематика заданий варьируется от ситуаций повседневного общения (первое и третье задания, диалог и беседа) до ситуаций, связанных с обучением (второе и четвертое, монолог и лекция).

Особенно полезными для студентов представляются третье и четвертое задания, поскольку, в рамках экзамена IELTS, аудирование в формате беседы и монолога имитирует реальные ситуации общения на академические темы (academic topics). Иными словами, в третьем задании мы слушаем аудиозапись о том, как студенты приходят на консультацию к преподавателю и обсуждают предстоящий проект, а в четвертом блоке нашему вниманию предлагается лекция на академическую тему. К типовым заданиям в рамках третьего и четвертого блоков аудирования относятся: выбор правильного ответа, заполнение таблицы или диаграммы, соотнесение вариантов ответов и пр. Данные задания помогают достоверно оценить понимание студентами прослушанного материала (comprehension check).

Пример задания: *Complete the form below. Write no more than two words and/or a number for each answer. (Заполните форму. Впишите не более двух слов и/или число для каждого варианта ответа).* В данном типе заданий студенты выписывают ответ, который содержит либо буквы (слова), либо цифры, заполняя пропуски в небольшом тексте. Такое упражнение тренирует способности и навыки обучаемого выделять значимые отрезки информации, а также развивает внимание к деталям и навыки понимания смысла сказанного в целом во время прослушивания текста аудиозаписи. При этом аудиозапись имитирует ситуацию реального общения, например, телефонный разговор между абитуриентом и секретарем приемной комиссии. Таким образом, данное упражнение формирует компетенции, необходимые для коммуникации

на английском языке в ситуациях повседневного общения и в академическом контексте, в частности.

Следующим этапом международного теста IELTS является компонент “Reading” (чтение), который состоит из трех разделов, по 40 вопросов каждый. «В процессе подготовки к сдаче экзамена IELTS по модулю Reading необходимым условием является выработка умения чтения с учетом важности:

- а) полного понимания содержания нетрудных текстов;
- б) тренировки навыков понимания основного содержания сложных по содержанию и структуре текстов разнообразных жанров: научно-популярных, общественно-политических и художественных» [3, С. 83-84].

В рамках академического формата модуль “Reading” включает в себя три текста, источником которых являются книги, журналы и газеты. Общий объем текстов этого формата составляет от 2000 до 2750 слов, при этом модуль не предполагает ограничений по стилю и не содержит текстов, наполненных узкоспециализированной профессиональной информацией. К типовым заданиям относятся: множественный выбор, короткие ответы на вопросы, заполнение пропусков в предложениях, соотнесение вариантов ответов, истинно/ложно/не дано и др. Вышеперечисленные задания позволяют оценить несколько навыков студентов: просмотровое чтение (skimming/reading for gist), поисковое чтение (scanning), понимание студентами прочтенного материала или чтение с полным осмыслением текста (intensive reading) [3, С. 84].

Пример задания: *From the list of headings below choose the most suitable one (i-x) for each paragraph (A-G). (Выберете из представленного ниже списка наиболее подходящий заголовок (i-x) к каждому из параграфов (A-G).* В представленном задании студенты соотносят заголовки и параграфы текста. Это упражнение развивает аналитические способности и помогает студентам улучшить навык чтения, как просмотрового и поискового, так и с полным осмыслением текста. Иными словами, студенты быстрее находят информацию в тексте, поскольку могут членить его на значимые отрезки, в частности,

опираясь на ключевые слова и синонимы [4]. Данное упражнение формирует компетенции, значимые для обучения и при работе с большими текстами.

Третьим модулем форматного экзамена IELTS является письменная часть “Writing”. Данный раздел состоит из двух заданий: первое – описание графика, двух графиков, таблицы, процесса или карты (20 минут на выполнение, минимум 150 слов); второе задание – так называемое “Academic Essay”, иными словами, написание эссе на одну из заданных академических тем (40 минут на выполнение, минимум 250 слов). К типовым заданиям относятся: представление информации, основанной на данных гистограмм, графиков, таблиц; описание процесса и его стадий; рассмотрение объекта, события или ряда событий; выражение своего мнения; нахождение решения проблемной ситуации; анализ преимуществ и недостатков.

Пример задания: *The graphs below show some trends in visits to the UK and overseas visits by UK residents between 2000 and 2005. Summarize the information provided: select and report the main features and make comparisons.* (Представленные графики иллюстрируют тенденции туризма в Соединённое Королевство и поездок резидентов за границу с 2000 по 2005 гг. Представьте обзор приведенной информации: выберите и укажите на основные факты и проведите сравнение данных). Задание, представленное выше, развивает навык письма и способствует работе над грамматикой английского языка: к необходимым грамматическим параметрам, в частности, относится «наличие сочетаний из герундия с предлогом (after/before doing something, from ... to doing sth, for doing sth)» [1, С.64]. Кроме того, во время отработки навыка описания графика или подобных графических изображений студенты обучаются имплементации когезии и когерентности (использованию средств связности текста) в своих эссе [5]. Помимо вышеупомянутого, студенты расширяют свой словарный запас благодаря тому, что для написания подобного вида эссе необходимо обращаться к клише, которые заучиваются обучающимися.

Четвертый модуль теста представлен устной частью (Speaking). Устная часть экзамена IELTS длится 11-16 минут и представляет собой интервью один

на один с экзаменатором. Блок “Speaking” делится на три подраздела. В первой части происходит приветствие, и соискатель отвечает на вопросы о себе, семье, доме, работе, учебе, а также интересах. Во второй части экзаменуемому дается карточка с заданием, четыре подсказки, одна минута на подготовку и одна – две минуты для устного ответа. В третьей части происходит диалог, и разговор касается более абстрактных вопросов, тематически связанных с карточкой.

Пример задания: *Describe an area of a town you know and like. You should say: where it is; what its special features are; what you and other people do in this area and explain why you like it.* (Опишите район города, который Вы знаете и любите. Расскажите о его расположении, особенностях, социальной активности, выразите свое мнение. Данное задание развивает у студентов навык монологической речи. Подготовка к выполнению задания обучает логике изложения и построения ответа.

Итак, мы пришли к выводу, что обучение студентов гуманитарных специальностей с помощью материалов для подготовки к международным экзаменам позволяет провести оценку и повысить языковые навыки обучаемых. Четыре модуля форматного теста готовят студентов к ситуациям повседневного общения, а также коммуникации на академические темы. Так, например, модуль «Аудирование» развивает внимание к деталям и навыки понимания смысла сказанного в целом, формирует компетенции, необходимые для коммуникации на английском языке. Блок заданий «Чтение» прививает компетенции, значимые для обучения, а также при работе с большими текстами. Благодаря третьему модулю форматного экзамена IELTS студенты пополняют свой словарный запас, обучаются навыкам письма и грамматике английского языка. Четвертый раздел экзамена позволяет развить навык монологической речи и обучает логике построения ответа. В целом, использование материалов международных экзаменов по английскому языку для подготовки студентов гуманитарных специальностей служит прекрасным дополнением к основной образовательной программе.

Литература

1. *Ашмарина И.Л., Абдуллаева З.Р.* Элементы грамматической вариативности для успешной сдачи письменной части Academic IELTS (Writing Task 1) // Вестник Череповецкого государственного университета. 5 (80), 2017. С. 62–69.
2. *Генишер Э.З.* Обучение аудированию // Вестник Оренбургского государственного университета. №1, 2001. С. 57–60.
3. *Исупова М.М.* Подготовка к сдаче экзамена IELTS (по модулю Reading) // Научно-информационный журнал армия и общество. 4 (36), 2013. С. 81–87.
4. *Соболева Н.П., Захарова Н.А.* «Эдьютейнмент» как форма учебного процесса для обучения чтению студентов гуманитарных специальностей // Иностранные языки в современном мире. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Под редакцией Д.Р. Сабировой, А.В. Фахрутдиновой. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2019. С. 66–70.
5. *Соболева Н.П., Нилова М.А.* Обучение письму студентов гуманитарных специальностей с использованием современных образовательных технологий // Казанский вестник молодых ученых. 2018, том 2, № 5 (8). С. 57–59.
6. CELTA // URL: <https://www.cambridgeenglish.org.ru/teaching-english/teaching-qualifications/celta/> (дата обращения: 25.02.20).
7. DELTA // URL: <http://www.cambridgeenglish.org.ru/teaching-english/teaching-qualifications/delta/> (дата обращения: 25.02.20).
8. IELTS // URL: <https://www.ielts.org> (дата обращения: 25.02.20).
9. C1 Advanced // URL: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/advanced/> (дата обращения: 25.02.20).
10. TKT // URL: <https://www.cambridgeenglish.org.ru/teaching-english/teaching-qualifications/tkt/> (дата обращения: 25.02.20).
11. TOEFL // URL: <https://www.ets.org/toefl> (дата обращения: 25.02.20).

References

1. Ashmarina, I.L., Abdullayeva, Z.R. (2017). *Elementy grammaticheskoy variativnosti dlya uspeshnoy sdachi pis'mennoy chasti Academic IELTS (Writing Task 1)* [Elements of grammatical variation for the successful completion of the written part of IELTS Academic (Writing Task 1)] // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 5 (80), Pp. 62–69. (In Russian)
2. Genisher, E.Z. (2001). *Obucheniye audirovaniyu* [Learning listening skills] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. №1, Pp. 57–60. (In Russian)
3. Isupova, M.M. (2013). *Podgotovka k sdache ekzamena IELTS (po modulyu Reading)* [Preparation for taking the IELTS exam (Reading module)] // Nauchno-informatsionnyy zhurnal armiya i obshchestvo. 4 (36), Pp. 81 – 87. (In Russian)
4. Soboleva, N.P., Zakharova, N.A. (2019). “*Edutainment*” kak forma uchebnogo protsessa dlya obucheniya chteniyu studentov gumanitarnykh spetsial'nostey [“Edutainment” as a form of educational process for teaching reading to Humanities students] // Inostrannyye yazyki v sovremennom mire. Sbornik materialov XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod redaktsiyey D.R. Sabirovoy, A.V. Fakhrutdinovoy. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, Pp. 66–70.
5. Soboleva, N.P., Nilova, M.A. (2018). *Obucheniye pis'mu studentov gumanitarnykh spetsial'nostey s ispol'zovaniyem sovremennykh obrazovatel'nykh tekhnologiy* [Training in writing for Humanities students using modern educational technologies] // Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh. tom 2, № 5 (8), Pp. 57–59.
6. CELTA // URL: <https://www.cambridgeenglish.org.ru/teaching-english/teaching-qualifications/celta/> (accessed: 25.02.20).
7. DELTA // URL: <http://www.cambridgeenglish.org.ru/teaching-english/teaching-qualifications/delta/> (accessed: 25.02.20).
8. IELTS // URL: <https://www.ielts.org> (accessed: 25.02.20).
9. C1 Advanced // URL: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/advanced/> (accessed: 25.02.20).

10. ТКТ // URL: <https://www.cambridgeenglish.org.ru/teaching-english/teaching-qualifications/tkt/> (accessed: 25.02.20).

11. TOEFL // URL: <https://www.ets.org/toefl> (accessed: 25.02.20).

Авторы публикации

Соболева Нина Павловна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: NPSoboleva@kpfu.ru

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия.
Email: LNJuzmuhametova@kpfu.ru

Authors of the publication

Soboleva Nina Pavlovna – *Candidate of philological sciences, Associate Professor*
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: NPSoboleva@kpfu.ru

Yuzmukhametova Landysh Nurgayanovna –
Candidate of philological sciences, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: LNJuzmuhametova@kpfu.ru

ESTRATEGIAS DE APRENDIZAJE EN LAS SEGUNDAS LENGUAS: LA COMPETENCIA ESTRATÉGICA EN LA CLASE DE ELE

O.E. Bélkina, P. Torres Martínez
hola1995@mail.ru

La Universidad Federal de Kazán (región del Volga), Rusia

Resumen. Este artículo está enmarcado en el campo de la lingüística aplicada, en el área del desarrollo de la metodología de ELE, haciendo hincapié en la introducción de las estrategias de aprendizaje en el aula para desarrollar la autonomía del alumno. Aunque se ha escrito mucha bibliografía sobre este tema, esta no se corresponde con la acción didáctica. En este artículo los autores acercan la teoría a la práctica docente ofreciendo al lector una serie de pautas para la introducción de la competencia estratégica en el aula y de esta manera facilitar la acción de los profesores.

En primer lugar, se ofrece una definición y descripción del concepto de teoría estratégica. En segundo, se ofrece al lector una serie de pautas metodológicas para la introducción de esta competencia en el aula basándonos en el método CALLA de Chamot y O'Malley [2]. Por último, se ofrece una conclusión con los beneficios que aporta tanto al aprendiz como al maestro la práctica de esta competencia en el aula.

Palabras claves: estrategias, competencia estratégica, entrenamiento, ELE, autonomía.

Para citar: Bélkina, O.E., Torres Martínez, P. Estrategias de aprendizaje en las segundas lenguas: la competencia estratégica en la clase de ELE. *Revista lingüística de Kazán*. 2020. 1 (3): 147–156. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.147-156.

STRATEGIES IN SECOND LANGUAGE LEARNING: STRATEGIC COMPETENCE IN THE L2 SPANISH CLASSROOM

O.E. Belkina, P. Torres Martínez
hola1995@mail.ru, pabloto89@hotmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This article is framed in the field of applied linguistics, in the area of the development of the ELE methodology, emphasizing the introduction of learning strategies in the classroom to develop the student autonomy. Although much literature has been written about this subject it does not correspond to the didactic action. In this article, the authors approach

the theory to teaching practice by offering the reader a series of guidelines for the introduction of strategic competence in the classroom and thus facilitate the job of the teachers.

First, a definition and description of the concept of strategic theory is offered. Second, the reader is offered a series of methodological guidelines for the introduction of this competence in the classroom based on the CALLA method of Chamot and O'Malley. Finally, a conclusion is offered with the benefits that both the apprentice and the teacher bring to practice this competition in the classroom.

Keywords: strategies, strategic competence, training, ELE, autonomy.

For citation: Belkina, O.E., Torres Martínez, P. Strategies in second language learning: Strategic competence in the L2 Spanish classroom. *Kazan linguistic journal*. 2020, 1 (3): 147–156. (In Spanish) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.147-156.

Para comenzar este artículo definiremos lo que es la competencia estratégica e intentaremos delimitar este concepto. El Diccionario de términos en clave de ELE del Instituto Cervantes define la competencia estratégica como *«una de las competencias que intervienen en el uso efectivo de la lengua por parte de una persona. Hace referencia a la capacidad de servirse de recursos verbales y no verbales con el objeto tanto de favorecer la efectividad en la comunicación como de compensar fallos que puedan producirse en ella, derivados de lagunas en el conocimiento que se tiene de la lengua o bien de otras condiciones que limitan la comunicación»* [11].

La finalidad de la competencia estratégica es la de ayudar y mejorar el resto de las competencias de un alumno y ofrecerle métodos para desarrollar su independencia, esa es la mayor ventaja de la incorporación de esta competencia a las clases de ELE; dotar al alumno de herramientas para poder sobreponerse a problemas que le puedan ocurrir en situaciones comunicativas reales, y, desde el punto de vista didáctico, que el alumno sea capaz de controlar, regular y evaluar el proceso de su propia enseñanza.

La competencia estratégica en el aula.

A la hora de introducir la competencia estratégica lo primero que debemos hacer es fijarnos un objetivo, la propia estrategia en sí. Una vez hecho esto tenemos que decidir las tácticas adecuadas para conseguirlo, es decir cómo vamos a actuar, y cuáles son las técnicas para poder realizar estas tácticas, en otras palabras, qué habilidades son necesarias para conseguir el objetivo. También debemos tener un

orden en la ejecución de las diversas tácticas, comprobar que se están realizando bien y evaluar que el resultado es el óptimo. Podríamos resumir esto en: qué quiero enseñar/aprender, cómo voy a hacerlo y qué necesito para llevarlo a cabo. Sanjuan Bornay nos da una serie de consejos prácticos para introducir el entrenamiento estratégico en el aula:

«- *Empezar a enseñar estrategias partiendo de las que ya usen los estudiantes.*
 - *Demostrar cómo usar una estrategia mediante un ejemplo.*
 - *Nombrar la estrategia.*
 - *Practicar la estrategia en diferentes contextos.*
 - *Mostrar a los estudiantes los aspectos positivos del uso de estrategias.*
 - *Darle una especial importancia a la fase de evaluación para potenciar la competencia metacognitiva*». [7 C. 7]

Martín Leralta, S. [6] también nos ofrece algunas pautas para proceder al establecimiento de una metodología didáctica y así poder incluir la competencia estratégica en nuestras aulas. Considera tres factores indispensables: la estructuración didáctica del input en el aula, la integración de los contenidos procedimentales en los contenidos lingüísticos, y el traspaso paulatino de responsabilidad del docente al alumno a medida que se desarrolla su capacidad metacognitiva. Esta metodología es conocida como “Entrenamiento” o “Instrucción” se basa en ofrecer al alumno continuamente situaciones de práctica en las que será apoyado por el profesor, pero este apoyo se irá retirando gradualmente para poder ofrecer al estudiante independencia en su propio proceso de enseñanza/aprendizaje. El “entrenamiento” posibilita el cambio de hábitos y actitudes mediante el ejercicio de diferentes habilidades, debemos dotar a nuestros estudiantes con la competencia estratégica para que se lleven a cabo esta serie de cambios. Como afirma Tardo, «*solo a través de la enseñanza explícita del componente estratégico podremos ayudar a nuestros alumnos a solventar las dificultades de comunicación a las que se enfrentan fuera de clase*» [9, C. 5].

Respecto a la cuestión, ¿cuándo es el mejor momento para la introducción del entrenamiento estratégico en el aula de idioma?, podemos ofrecer una respuesta. Según autores como Chamot o Seseña Gómez las estrategias deben introducirse en el aula

desde los niveles iniciales. Los estudiantes con menor competencia comunicativa son aquellos que necesitan más recursos para paliar la falta de conocimientos. Chamot expone que la instrucción de estrategias de aprendizaje no debe posponerse hasta niveles intermedios o avanzados porque los principiantes también necesitan estrategias para que el aprendizaje de la lengua sea más útil e incremente la motivación del alumno a seguir estudiando. En la misma línea Seseña Gómez hace hincapié en que *«cuanto menor sea la capacidad lingüística de un aprendiente, más necesarias les resultarán las estrategias (del tipo que sean) para poder llevar a cabo un intercambio comunicativo lo más satisfactorio posible»* [8, C.43]. Sin embargo, la mayoría de los manuales de idiomas, en especial los de español como lengua extranjera, comienzan a introducir estrategias de aprendizaje en los niveles avanzados como B2, C1 y C2. También, algunos docentes es, a partir de que el alumno ya tiene unos conocimientos básicos y una competencia comunicativa mínima, cuando comienzan a introducir este tipo de estrategias; no consideramos que sea un error, ya que este tipo de metodología es beneficioso en todos los niveles de aprendizaje, pero, consideramos que ha de darse una mayor importancia en los niveles iniciales, porque son los aprendientes principiantes aquellos que necesitan un mayor número de recursos.

A la hora de introducir la competencia estratégica en el aula de lengua extranjera, los docentes pueden optar por diferentes modelos o métodos. Uno de ellos es el método CALLA (Cognitive Academic Language Learning Approach) creado por Chamot y O'Malley [1], este método introduce estrategias de forma explícita, integrándolas en la dinámica didáctica de la clase. El éxito de este método está constatado y se basa en la enseñanza de la competencia estratégica al mismo tiempo que se desarrolla la competencia metacognitiva del alumno al enseñarle cuándo y cómo debe utilizar dichas estrategias (fig. 1).

Como podemos observar en la figura este método tiene cinco fases bien diferenciadas, ahora procederemos a explicarlas:

- Preparación: Esta fase servirá para que los estudiantes se familiaricen con el concepto de estrategia de aprendizaje y a su vez, para que se den cuenta de qué estrategias conocen y cómo las suelen utilizar. Además, el objetivo de esta fase es el de poner en

funcionamiento el conocimiento metacognitivo de los alumnos para que empiecen a entender las relaciones que existen entre los procesos mentales y el aprendizaje eficaz. Será en esta fase en la que el docente explique a sus estudiantes la importancia que tienen las diferentes estrategias para el aprendizaje de las lenguas extranjeras.

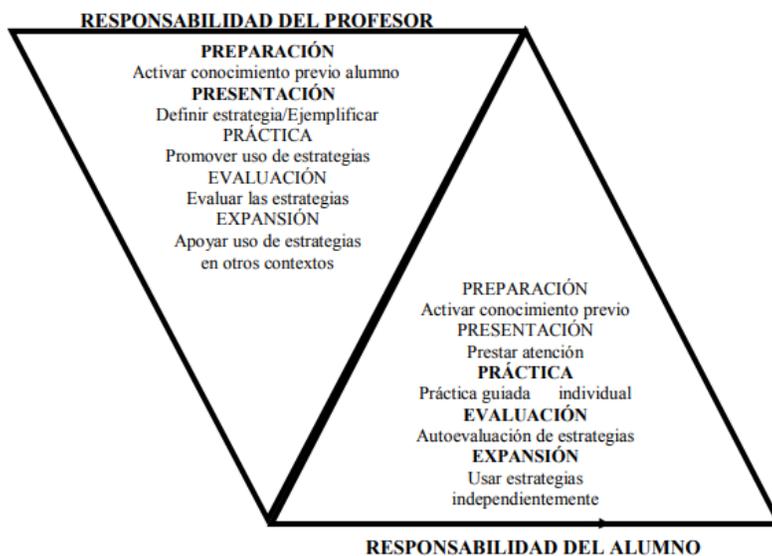

Figura 1. Responsabilidad del profesor y el alumno en el entrenamiento estratégico según el método CALLA.

- **Presentación:** Esta será la fase en la que se introduzca a los alumnos una nueva estrategia de manera explícita. Es muy importante describir sus características, cuál es su utilidad y qué posibles aplicaciones prácticas puede tener dicha estrategia, todo ello lo podemos realizar mediante ejemplos, de esta manera el alumno será consciente de la utilidad de la estrategia que va a aprender. En esta fase el profesor debe señalar que no todas las estrategias de aprendizaje son útiles en todos los casos, y, que no todos los estudiantes utilizan las mismas estrategias ya que cada alumno tiene un método de aprendizaje distinto.

- **Práctica:** Este será el momento en el que el alumno pondrá en desarrollo la estrategia de aprendizaje aprendida. El profesor actuará como guía de los estudiantes para que estos se acostumbren a usar las diferentes estrategias en actividades de lengua habituales.

- **Evaluación:** La cuarta fase es un momento de reflexión para el alumno, el cual deberá decidir si la estrategia que ha utilizado para realizar la actividad ha sido de utilidad o no. Esta fase es muy significativa ya que potenciará el desarrollo metacognitivo de nuestros estudiantes que efectuarán un proceso de autoevaluación en su aprendizaje. Una vez que los alumnos hayan adquirido diferentes estrategias deberán realizar una comparación entre ellas, eligiendo las que les resulten más significativas para su propio aprendizaje y desechando aquellas que no lo sean.

- **Expansión:** En la quinta y última fase, el docente debe proponer a los alumnos que utilicen las estrategias en otras actividades relacionadas con la lengua, así como, en otros contextos donde les puedan resultar útiles. Esta última fase será en la que el profesor deje de actuar como guía y el alumno deba darse cuenta y reflexionar sobre lo aprendido para poder utilizarlo en otras ocasiones durante su periodo de aprendizaje, y de esta manera mejorar su competencia estratégica.

Estas fases deben repetirse en el aula cada vez que se introduzca una estrategia nueva, aunque el método CALLA no “obliga” al docente a seguir un orden lineal y estricto si no que se ofrece flexibilidad dependiendo de la estrategia, el grupo de alumnos y el ritmo de la clase.

«Uno de los objetivos principales del método CALLA es potenciar la autonomía del aprendizaje facilitando que el alumno se haga responsable de su aprendizaje paulatinamente» [7, C.3]. Esto quiere decir que el profesor debe ir cediéndole al alumno responsabilidad en su aprendizaje. En las dos primeras fases que hemos visto el docente tendrá un papel protagonista, donde nutrirá al estudiante de la estrategia y los recursos para utilizarla, mientras que en las tres últimas fases tan sólo tendrá un papel de guía sobre el estudiante, el cual debe ser el que lleve el peso de su propio aprendizaje hasta hacerse responsable absoluto del mismo. Esto conlleva a que los roles de profesor y alumnos se inviertan como observamos en la figura 1.

Además del método CALLA existen otros modelos de entrenamiento con los que podemos introducir la competencia estratégica en nuestras aulas. Algunos de ellos son los desarrollados por Ellis y Sinclair (1989), u Oxford (1990). Aunque estos modelos presentan diferentes fases y no se corresponden a la perfección unos con

otros, todos ellos pasan por etapas similares, y están de acuerdo en que es necesaria «una fase amplia de concienciación, práctica, reflexión, autoevaluación e interiorización de las estrategias que sería el entrenamiento propiamente dicho» [2, C. 19]

Una vez visto cómo se debe introducir la competencia estratégica en el aula vamos a describir cuáles son los aspectos positivos para el alumnado que desarrolla esta competencia basándonos en el artículo de Graciela Vázquez [10, C. 192]:

- *«Eficacia: Las personas que disponen de un amplio repertorio de estrategias pueden controlar mejor su propio proceso de aprendizaje. No sólo tienen claros los objetivos sino que saben cómo lograrlos de manera efectiva.*

- *Motivación y autoconfianza: La aplicación de las estrategias lleva al aumento de la motivación, lo cual hace que las personas que aprenden se involucren con los procesos lingüísticos. Si tienen a mano recursos para superar problemas, ganan en confianza frente a las dificultades.*

- *Independencia: Quien aprende a aplicar estrategias depende menos de la persona que enseña y está mejor pertrechada para enfrentar situaciones imprevisibles.*

- *Autonomía: Puede seguir por su cuenta con el aprendizaje.*

- *Transferencia a otros campos de aprendizaje y a otras lenguas afines.*

- *Relación de las estrategias y las competencias».*

A pesar de las ventajas que nos ofrece la competencia estratégica a día de hoy no se incorpora con asiduidad en las clases de ELE debido a diversos factores. El primero es que algunos profesores no tienen clara la delimitación del concepto de competencia estratégica, lo que genera malinterpretaciones y fallos en su aplicación. En segundo lugar, dado que en el currículo no aparece como una competencia fija, y debido a la falta de conocimiento, algunos profesores no saben cómo incorporarla a sus clases debido a la rigidez del currículo tradicional que no favorece la adaptación a las exigencias y requerimientos del alumno. En tercer lugar, como afirma Vázquez, G «la edad, la motivación, el nivel y las tradiciones académicas guardan una relación importante en cuanto al tipo y frecuencia de aplicación de estrategias» [10, C. 188]. Otros autores

como Jiménez [4] afirman que los profesores se preocupan más por aspectos técnicos que en los procesuales y por ello no adoptan la competencia estratégica en sus clases. En la misma línea está Halbach [3], que culpa a los profesores de no integrar esta competencia debido, según los maestros, a la falta de materiales y al gran cambio que se produciría respecto a la educación más tradicional.

Conclusión

Si queremos introducir la competencia estratégica en nuestras aulas la organización de todo el proceso así como su estructura debe ser minuciosa y estar controlada en cada momento por el profesor, si no, es muy posible que no consigamos llevar a cabo nuestros objetivos. Toda nuestra estrategia debe estar enfocada a las cualidades y necesidades de nuestros alumnos, creemos que es muy complicado realizar estructuras fijas que valgan para diferentes grupos. El alumno a su vez debe estar capacitado para adquirir la autonomía que queremos darle, es posible que para aprendices muy jóvenes este tipo de metodología sea muy complicada ya que no tienen capacidad para adquirir la autonomía que queremos ofrecerles. También será difícil aplicar esta metodología a alumnos que estén predispuestos a una metodología tradicional, el profesor debe romper los esquemas de la enseñanza/aprendizaje y puede que no todos los estudiantes sean capaces de aceptarlo. Además, como afirma Martín Leralta *«el componente estratégico no debe convertirse en el principal objetivo del aula de idiomas, ni en el eje vertebrador del programa del curso, sino integrarse mediante una metodología de transmisión del conocimiento procesual, es decir, de los procedimientos que facilitan la práctica de las destrezas de comprensión y expresión oral y escrita»* [5, C.253]. Por todo ello, concluimos afirmando que el profesorado debe empezar a introducir la competencia estratégica en el aula, de una manera organizada, gradual y provechosa para los estudiantes, pero no debe buscar en este hecho el fin a la hora de planificar sus lecciones.

References

1. Chamot, A. U. & O'Malley, M. J. (1994). *The CALLA handbook: how to implement the Cognitive Academic Language Learning Approach*. Reading, MA: Addison Wesley. (In English)
2. González Jiménez, R. (2015). *Integración del component estratégico en el ámbito de la interacción oral en base al manual Aula A2*. Universidad Pablo de Olive: Sevilla, pp. 1–72. (In Spanish)
3. Halbach, A. (1999). *Integrating strategy training into an existing syllabus: a model*. Neusprachliche Mitteilungen N°52(2), pp. 104–110. (In English)
4. Jiménez Raya, M. (1994). *Aprendizaje centrado en el alumno: desarrollo de la autonomía del aprendiz de lenguas extranjeras*. L. Miquel & N. Sans (coords.), Didáctica del español como lengua extranjera. Cuadernos del tiempo libre, colección Expolingua. Madrid: Fundación Actilibre, pp. 41–62. (In Spanish)
5. Martín Leralta, S. (2006). *La integración de la competencia estratégica en el currículo de la lengua extranjera*. ELUA, 20, pp. 233–257. (In Spanish)
6. Martín Leralta, S. (2008). *Orientaciones para la inclusión de las estrategias en el programa habitual de ELE*. Marco ELE. Revista de didáctica del Español como Lengua Extranjera. N°6, pp. 1–22. (In Spanish)
7. Sanjuán Bornay, N. (2010). *Desarrollando la competencia estratégica y metacognitiva en el aula de ELE mediante el entrenamiento estratégico*. Flinders University of South Australia, pp. 1–9. (In Spanish)
8. Seseña Gómez, M. (2004). *Estrategias conversacionales. La publicidad como fuente de recursos estratégicos*. En Forma: formación de formadores. Estrategias en el aprendizaje de E/LE, Madrid, SGEL, N°7, pp. 37–51. (In Spanish)
9. Tardo Fernández, Y. (2005). *Potenciar las estrategias comunicativas en las clases de ELE: una opción viable para desarrollar las habilidades orales*. En RedELE [en línea]. N°5, pp. 1–7 (In Spanish)
10. Vázquez, G. (2012). *El desarrollo del componente estratégico dentro del marco actual de la didáctica de ELE: Estado de la cuestión y perspectivas*. Revista Internacional de Lenguas Extranjeras, n° 1, diciembre 2012, pp. 181–212.

11. Centro Virtual Cervantes. Diccionario de términos clave de ELE. // URL: cvc@cervantes.es (Accessed: 3:8:2019). (In Spanish)

Авторы публикации

Белкина Ольга Эдуардовна –
преподаватель
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: hola1995@mail.ru

Торрес Мартинес Пабло –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: pabloto89@hotmail.com

Authors of the publication

Belkina Olga Eduardovna –
Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: hola1995@mail.ru

Torres Martínez Pablo –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: pabloto89@hotmail.com